

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Оглавленіе.

СТРАНА.

Отдѣль I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Отчетъ о поѣздѣ въ Сувальскую губ. <i>Г. Г. Гинкена.</i>	133—142
2. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. <i>Бор. Ляпунова</i> (съ картою).	143—177
3. Письма А. Ѳ. Гильфердинга—Кукулевичу-Сакцинскому. Сообщено проф. <i>П. А. Кулаковскимъ.</i>	178—190
4. Олевминскіе скопцы. (Историко-бытовой очеркъ).	191—203

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Народныя сказанія о самоубійцахъ. Сообщилъ <i>В. Н. Добровольскій.</i>	204—214
2. Рекрутчина. <i>Александра Мельницкаго.</i>	215—221
3. Святки въ Корелѣ. <i>Н. Ѳ. Льскова.</i>	222
4. Мудрый Маччи. <i>Н. Ѳ. Льскова.</i>	224
5. Шутъ Григорій. <i>Н. Ѳ. Льскова.</i>	226—229
6. Пастухи и дьяволь. <i>Н. Ѳ. Льскова.</i>	230—232
7. Приложение къ отчету <i>А. Л. Погодина</i> о поѣздѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. <i>А. Л. Погодина.</i>	233—258

Отдѣлъ III.

Критика и библиографія.

1. Замѣтки по изученію современной народной пѣсни. В. Н. Перетцъ. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. <i>Арнадія Лященко</i>	259—275
2. О трудахъ А. Н. Веселовскаго. <i>И. Н. Жданова</i> .	282
3. О трудахъ Е. Ѳ. Карскаго. <i>А. И. Соболевскаго</i> .	283
4. О переводѣ П. С. Попова. Сочиненія Мэнъ-гу-ю-мунца. <i>Н. И. Веселовскаго</i>	284
5. Календарь и памятная книжка. Вятской губерніи на 1894 годъ.	285
6. Памятная книжка Курской губ. на 1893 годъ.	285

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Пѣсни Рязанской губерніи. Сообщ. <i>О. П. Семенова</i> .	286—293
2. Наброски изъ міра народной педагогики. <i>Ив. Маманка</i>	294—298
3. Любопытная находка. Письмо къ Редактору о рукописномъ сборникѣ Кириши Данилова, принадлежавшемъ Малиновскому. <i>Н. Чехова</i>	299—300

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губернію.

По предложенію проф. В. И. Ламанскаго на средства Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и отчасти Императорскаго Географическаго Общества я отправился лѣтомъ 1893 г. въ Литву и прожилъ тамъ все вакаціонное время, именно, уѣхавъ изъ С.-Петербурга 5 іюня и вернувшись обратно 15 августа. Въ Литвѣ съ 8 іюня по 15 августа проживалъ въ семьѣ учителя начальной школы Гижевской гмины Волковышскаго уѣзда Сувалкской губ. Отсюда въ разное время мнѣ удалось посѣтить слѣдующіе города и деревни: Ковно (Kaunas), Волковышки (Vilkoviškis), Гиже (Gižai), Руда, Хмариньши (išlandžiai), Шилкальнисъ, Шлегашилисъ, Гурбшеле, Поезеры (Paežeriai), Визайды (Vižaidai или Stadalnikai), Ораны (Oranai), Печулишки (—iškiai), Доньяшки, Прешвода (Lapanka), Ольвита (Alvitas), Кетурвлоки (Keturvalakiai), Пильвишки, Мариамполь (Staropole-Senapolis), Гришкабуда (Griškabudis), Огуркишки (Agurkiškiai или Palierpine), Паскальнишки (Pas или Pakalniš Kiai или Leliokai), Акеце (Akečiai), Кераплай, Шуля, Сапежиньши (Zariškiai). Послѣднія семь названій мѣстностей относятся къ Владиславовскому уѣзду.

Цѣлью моея поѣздки было прежде всего выучиться живому литовскому языку, затѣмъ собрать какіе-либо матерьялы по этнографіи Литвы. Такихъ матерьяловъ мнѣ удалось собрать сравнительно немного. Это, преимущественно, пословицы, поговорки, загадки, нѣсколько сказокъ, остатковъ языческихъ вѣрованій, обычаевъ и 16 мелодій народныхъ пѣсень. Своими наблюденіями (тѣми только, въ точность которыхъ я самъ вѣрю) надъ языкомъ и отчасти вообще надъ народомъ я и намѣренъ подѣлиться въ настоящей статьѣ.

Но прежде чѣмъ къ этому перейти считаю пріятнѣйшимъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность за всѣ указанія и совѣты профессорамъ В. И. Ламанскому, А. И. Соболевскому, Э. А. Вольтеру, а также г. ректору

Императорскаго С.-Петербургскаго Университета П. В. Никитину, г. Вице-Председателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, г. Губернатору Сувалкской губ., г. И. И. Бяло за содѣйствіе рекомендаціями и всѣмъ литовцамъ, у которыхъ я нашелъ такой радушный пріемъ, что Литва мнѣ не казалась чужбою.

Литовцы посвященныхъ мною мѣстностей не отличаются ни слишкомъ высокимъ, ни слишкомъ малымъ ростомъ. Встрѣчалъ я и довольно высокорослыхъ (нѣкоторые—бывшіе гвардейцы), но также и ниже средняго. Ни первые, ни вторые не составляютъ характернаго большинства.

Глаза бываютъ преимущественно свѣтлые, больше всего голубые. Цвѣтъ волосъ ихъ нельзя назвать ни свѣтлымъ, ни темнымъ вообще. Очень много совѣсь свѣтловолосыхъ, но темнорусые, повидимому, преобладаютъ. Есть и брюнеты, но совершенныхъ брюнетовъ такъ же мало, какъ и черноглазыхъ. Бороды не носятъ, а болѣе вѣрные старымъ обычаямъ бреютъ и усы. Женщины и дѣвушки носятъ одну и ту же прическу: прямой проборъ, двѣ косы, положенныя красивой пышной коронкой вокругъ головы. Около этой коронки повязываютъ свѣтлую (часто просто бѣлую) ленточку (обыкновенно очень узкую) или что-то вродѣ узкаго галуна (послѣднее въ праздникъ конечно).

Одежду мужчинъ составляетъ бѣлая ¹⁾ рубаха съ прямымъ неширокимъ отложнымъ воротомъ, обыкновенно довольно длинная, такіе же штаны; сверхъ рубахи цвѣтной кушакъ (непремѣнно) и жилетъ, обыкновенно темный (*bruslotas*); сверхъ этого сермяга (*sermega*) изъ грубаго свѣтлосѣраго сукна (*milas*) домашней работы или кафтанъ (*žironas*) изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти чернаго) холста (*trinišei*, т. е. сшитый изъ *trinitis* или *keturnitis*). И *sermega* и *žironas*, обыкновенно бываетъ длиною до колѣнъ, рѣдко немного ниже колѣнъ. При триничей и штаны часто носятъ также изъ *trinitis*.

Шляпы преобладаютъ съ полями (*scribele*) поярковыя и соломенные, съ лентами, обыкновенно темными, но нерѣдко цвѣтными (даже стеклярусовую я видѣлъ). Носятъ и фуражки (*šlikas*). [Носятъ также обыкновенныя сюртуки и брюки, крахмальные воротнички съ галстуками и котелки].

Обыкновенная обувь для каждаго дня—*kurpes*, *klūp̄ros* (мн. ч.) въ родѣ опорокъ, (кожаный верхъ, придѣланный къ толстой деревянной подошвѣ); *šliures*—тѣ же *kurpes*, только безъ кожанаго задка. Кромѣ того въ Владиславскомъ уѣздѣ я видѣлъ *žasialei*—деревянные башмаки и *kadukai*—деревянная подошва, привязываемая къ ногѣ ремешками или веревками. *Kadukai* употреб-

---

¹⁾ Красныхъ и вообще цвѣтныхъ не носятъ. Если-бы кто-либо надѣлъ красную рубаху, того-бы стали называть *kazokas* и смотрѣли бы на него, какъ на чудящаго.

яютъ въ лѣсахъ. Я видѣлъ въ нихъ мальчика-пастуха. Кроме того, по словамъ другихъ, въ тѣхъ же мѣстностяхъ употребляютъ *višos*—лапти лыковые и *paginės*—холщевая обувь (у нищихъ). Самъ я не видѣлъ ни на комъ ни *višos*, ни *paginės*. Въ праздникъ же большая часть въ высокихъ сапогахъ (*šibatai*), при чемъ конечно штаны въ сапоги. Женщины носятъ сверхъ рубашки и юбки *kiklikas* или *šniurauka*—безрукавку, короткую въ родѣ корсажа или довольно длинную, въ талию или широкую, съ большимъ вырѣзомъ у шеи или глухую почти до самаго верха, разныхъ цвѣтовъ.

Рубаха—бѣлая съ широкими рукавами, схваченными у кисти, съ отложнымъ, очень мало вырѣзаннымъ, воротомъ. Цвѣтныхъ вышивокъ не видѣлъ ни у одной литовки. Мало замѣтный (бѣлыми нитками) узоръ на воротѣ и плечахъ дырочками и зубцами, и тотъ я видѣлъ лишь у нѣкоторыхъ. Национальный костюмъ сильно вытѣняется городскимъ. Бусъ замѣтно мало. Обыкновенно носятъ четки. Лентъ на бусахъ носятъ очень мало, причемъ преобладаютъ бѣлыя ленты.

Въ праздникъ, идя въ церковь, одѣваютъ (впрочемъ замѣтилъ я у многихъ) вѣнки, причемъ кладутъ ихъ выше косъ внутри коронки изъ косъ, а не вокругъ ея. Иногда просто затыкаютъ цвѣты въ видѣ вѣнка за коронку, образуемую косами. Женщины большею частью ходятъ босыя, даже въ праздникъ нерѣдко, тогда какъ мужчины обыкновенно въ какой-либо обуви.

Въ церковь въ праздничный день и дѣвцы, и женщины безъ различія возраста обыкновенно являются съ небольшими букетами въ рукахъ; среди другихъ цвѣтовъ непременно въ букетикѣ есть рута, а у многихъ и Божье дерево (*Diemedis*).

Въ день Успенія Пр. Богородицы, называемый въ народѣ *Žoliniai* (*Žole*—зелень) всѣ женщины (также безъ различія) приходятъ къ обѣднѣ съ разными овощами въ рукахъ.

Къ своимъ наблюденіямъ прибавлю еще немного о женскихъ украшеніяхъ со словъ одного учителя начальной школы.

1) *Rakalke*—дѣлается изъ толстой бумаги въ видѣ кольца шириною дюйма въ 4; около этого кольца обводится шелковая лента какаго угодно цвѣта, шире бумажнаго кольца, и края ленты заггибаются внутрь, такъ чтобы не было видно бумаги. *Rakalke* надѣваютъ на голову вокругъ косъ, украшая ее при этомъ рутой и другими цвѣтами. *Rakalke* украшеніе только дѣвушекъ, которыя еще не лишились права на ротовый вѣнокъ, не *patrotijo giti vainikėlio*. Въ настоящее время *rakalke* почти вышла изъ употребленія. Когда дѣвцы носили *rakalke*, то носили и по буднямъ вмѣсто платка. Платокъ надѣвали только зимой поверхъ *rakalke*. Теперь же всѣ ходятъ въ платкахъ и лѣтомъ.

2) Galionas (галунъ?) тоже, что и rakalke; только здѣсь вмѣсто шелковой ленты серебряная или золотая ткань. Galionas до сихъ поръ еще употребляется въ день бракосочетанія (это я самъ нынче видѣлъ на бѣдной невѣстѣ-батрачкѣ), при чемъ его надѣваютъ также и подруга невѣсты. Но богатые литовки въ настоящее время не надѣваютъ galionas на свадьбахъ.

3) Rągīvej или bindolikai дѣлаютъ изъ бѣлыхъ кружевъ и навязываютъ подъ платкомъ около себя, такъ чтобъ они были видны изъ подъ платка. Лѣтъ тридцать назадъ всѣ бы пальцами стали показывать на замужнюю женщину или вдову, рѣшившуюся пріѣхать на храмовой праздникъ (atpuskas) безъ rągīvei, и на дѣвицу безъ rakalke. Теперь rągīvei еще употребляютъ свахи на свадьбахъ, а также въ rągīvej убираютъ невѣсту послѣ бракосочетанія.

Остатковъ языческихъ вѣрованій мнѣ удалось найти немного. Стараніями духовенства они искореняются все болѣе и болѣе. Ни одинъ крестьянинъ не станетъ говорить напр. о лауме и т. п., не оговорившись, что теперь ничего этого нѣтъ, что все это было лишь во времена поганства Литвы. Приведу здѣсь то немного, что удалось мнѣ узнать о Перкунѣ, дѣйвахъ, лауме, раганѣ, айтварѣ и пр.

О Перкунѣ.

Perkunas linksmina—Перкунасъ веселитъ (можетъ быть въ переходномъ значеніи веселится?) говорятъ, когда гремитъ громъ. Kasī rādanges kila, tam Perkunas liepė grīšt—кто на поднебесье поднимается, тому Перкунъ велитъ вернуться, говоритъ пословица. Самое сильное проклятіе у Литовцевъ «kad tavia Perkunas užmuštu», т. е. «чтобъ тебя Перкунъ убилъ!»

Перкунъ преслѣдуетъ чертей (muša vialnius—бьетъ, ударяетъ въ чертей, убиваетъ ихъ) и такимъ образомъ является какъ бы другомъ людей. Черти стараются отъ него спрятаться, бѣгутъ къ людямъ въ избы, въ церкви, подъ какой либо крестъ¹⁾, обращаются въ животныхъ. Въ пѣтуха лишь не могутъ они обращаться, а потому и Перкунъ никогда не ударяетъ въ пѣтуха.

Kulka Perkuno—пуля Перкуна—это обломокъ каменной вещи, какъ напр. обломокъ каменнаго топорика, найденный въ д. Кетурвлокахъ Волковышскаго уѣзда и находящійся теперь у меня. Такіе обломки, а иногда цѣльныя

---

¹⁾ Въ Литвѣ ставятъ очень часто кресты при дорогѣ (въ особ. на перекресткахъ) съ изображеніемъ Распятія (tikra) или какими-нибудь другими фигурами религіознаго характера, рѣзанными изъ дерева деревенскими художниками.

вещи изъ камня нерѣдко находятъ въ Литвѣ. По вѣрованію литовцевъ такая kulka при ударѣ грома падаетъ съ неба и уходитъ въ землю на глубину удвѣнадцатого человѣческаго роста—per 9 stūmenius gilio. Потомъ она въ теченіи 9 лѣтъ поднимается наверхъ, каждый годъ на высоту роста одного человѣка. Repliko kulka очень помогаетъ отъ всякой боли: стоитъ только потерять ею больное мѣсто—и боль проходитъ. Эти кулки бросаютъ въ чертой свв, Петръ и Павелъ. Они всегда оба гонять чертой per žengga (сквозь шеренгу, м. б. = сквозь строй?), а св. Яковъ погоняетъ (pavagineje).

Объ айтварѣ.

Aitvaras (у Куршата eitvaras) сверхъестественное существо, живущее въ домахъ, соответствуетъ русскому домовому отчасти.

Айтвара высаживаетъ семилѣтній пѣтухъ изъ яйца, снесеннаго имъ же въ томъ же году, въ теченіи 7 недѣль. Когда айтварь выйдетъ изъ яйца, его надо кормить творогомъ и яичницей; а чтобы онъ носилъ деньги въ домъ, надо i kraiga indet tuščia stiabulia—въ конекъ крыши вдѣлать пустую ступицу отъ колеса, черезъ которую онъ насыпаетъ полную избу денегъ. Когда онъ носитъ деньги, его надо хорошо кормить и остерегаться рассердить, потому что иначе онъ всё деньги обратитъ въ черепки и избу сожжетъ. Отсюда поговорка turiu kaip aitvaras pinigų: galiu užmušt ir užmoket—«у меня денегъ какъ у айтвара: могу забить и заплатить».

Айтварь бываетъ похожъ на маленькаго человѣчка, съ длинными ногтями. Является также въ видѣ разныхъ животныхъ.

Съ одного мѣста на другое айтварь перелетаетъ въ видѣ блуждающаго огонька. По словамъ другого lekentis aitvaras išrodo ant liepsninio smaigo, т. е. «летающій айтварь кажется огненною палочкой».

О дѣйве.

При рожденіи ребенка около женщины въ ожиданіи этого собираются сверхъестественныя существа, такъ называемыя deives (ед. ч. deive). Число ихъ неограниченное, по словамъ рассказывавшихъ мнѣ крестьянъ. Повидимому это существа женскаго пола, какъ показываетъ и ихъ грамматическій родъ. Эти deives наперерывъ предсказываютъ будущность, хорошую или дурную, ожидающемуся ребенку. При словахъ которой дитя родится, той предсказаніе и исполнится.

Въ одной сказкѣ говорится, какъ 2 дѣйве погнались на болотѣ за телѣгой, и тянулись за ней по обѣ стороны въ видѣ двухъ бѣлыхъ фигуръ, провожая до самаго дома.

Дейве колотятъ бѣлье вальками на рѣчку послѣ заката солнца. Поэтому въ Литвѣ не принято ходить на рѣчку бѣлье полоскать послѣ заката. Если какая нибудь дѣвушка пойдетъ, противъ обычая, на рѣчку съ бѣльемъ послѣ заката, то явятся дейве и отнимутъ бѣлье.

О лауме всё говорили только, что это такое же сверхъестественное существо, какъ и дейве. Большаго мнѣ не могли сказать о ней.

Raganas—прежде всего не сверхъестественное существо, а человѣкъ, именно же, баба и вполнѣ соответствуетъ русской вѣдьмѣ. Между тѣмъ какъ о дейве и лауме говорятъ, что теперь ихъ нѣтъ уже, что они существовали только во времена язычества въ Литвѣ, «когда Литва была еще поганой», въ существованіе раганъ и въ ихъ могущество вѣрятъ и теперь.

Чертъ у литовцевъ какъ и у русскихъ, имѣетъ много названій. Мнѣ извѣстны пока слѣдующія: vialnes, pikulas, kipšas, kialmas, ants, biznius, bigis, vienšniurkšlis, smailakulnis, balinis, jūdasis, čiartas, diablas, nedoras, anūlas, prakeiktasis, ledokas, pikta dvase, lipicierius (люциферъ), belšebulas (вельзевулъ), также aitvaras, smakas (драконъ, смокъ).

Въ старину, говорятъ, черти являлись на свадьбы и танцовали съ дѣвками. У дѣвицъ послѣ этого оставались синяки на тѣлѣ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Обыкновенно черти пріѣзжали одѣтыми по-пански на прекрасныхъ коняхъ и одаривали пирогами, табакерками и другими вещами. Въ полночь они исчезали, а кони ихъ превращались въ хворостъ, пироги въ конскій гной, табакерки въ конскія копыта. Опытные люди узнавали ихъ, потому что у чертей бываетъ по одной ноздрѣ, откуда и прозвище ихъ vienšniurkšlis. Черта человѣку можно убить только серебряными пулями.

Упомяну здѣсь объ одномъ уже не соблюдающемся обычаѣ. Въ настоящее время лишь въ шутку приглашаютъ гостя, входящаго въ домъ въ первый разъ, поцѣловать печь—rabusiūt piaciū. Исполненія этого не требуютъ ни отъ кого. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого много разъ.

На всемъ томъ пространствѣ, какое мнѣ удалось проѣхать, не замѣчается большаго различія въ говорахъ. Всё эти говоры въ то же время мало отличаются отъ говоровъ Сувалк. губ., описанныхъ В Миллеромъ и Фортунатовымъ (Людвиновскій говоръ) и Бругманномъ (Годлевскій или Гарлевскій говоръ, употребляющіе который называются Garliauskiiniai).

Въ говорѣ Гижевской гмины *e* (обознач. Шлейхеромъ и Куршатовъ черезъ простое *e*) въ началѣ словъ произносится, какъ русс. *a*: *agelis* вм. *egelis*, *aivism* вм. *eivism*; въ серединѣ и въ концѣ словъ, какъ русс. *я* (безъ ютаціи) въ ударяемыхъ слогахъ и какъ звукъ, колеблющійся между *я* и *e* въ неударяемыхъ (т. е. почти какъ неудар. *я* въ нашемъ литературномъ яз., напр. въ словахъ дятяко, тяжелый, серебряный и т. п.). Послѣ зубныхъ

это *e* иногда произносится почти, какъ *a*, напр. въ словахъ *udega*, *teka* слоги *de* и *te* произнос. почти *da* и *ta*, вѣрнѣе какъ *d'a* и *t'a*: вѣд'ага, т'ака: *e* долгое (обознач. Шлейх. и Курш. черезъ *e*) въ началѣ и въ серединѣ слова подъ удареніемъ произносится, какъ русс. *e*, а внѣ ударенія почти какъ русс. *ей* или *ій*. Напр. *tevas* = тевае, но *velù* = вейлѹ или вѣйлѹ. Въ концѣ слова это *e* произносится почти, какъ русс. *и*, и въ этомъ случаѣ произношеніе его колеблется между *e* и *и* нерѣдко даже въ ударяемыхъ слогахъ.

Вообще же о звукѣ *e* надо замѣтить, что онъ никогда не произносится твердо, напр., какъ нѣмецк. *e* въ *sehr*, *der*, *Vater*, *Zehn*, *Menge* и т. п. или польское *e* въ *teraz*, *serce*, *datemnie*, *zaropniatem* и т. п. Звукъ, обозначаемый Шлейхеромъ черезъ *ë*, а Куршатамъ черезъ *ie*, произносятся довольно отчетливо, какъ надо было бы произнести русс. *йë*, или *йя*, или *éя*, при чемъ вторую изъ этихъ гласныхъ (*ë*, *я*) слѣдовало бы произносить быстрѣе, чѣмъ первую (сравни. быстроту произношенія русскаго *й*) и, разумѣется безъ ютаціи. Звукъ, обозначаемый обыкновенно черезъ *и* произносятся, какъ русс. *ÿâ*, при чемъ тоже вторую гласную надо было произнести быстрѣе, чѣмъ первую, совсѣмъ кратко. Какъ въ *ie*, такъ и въ *и* составныя части, т. е. звуки *i* и *e*, *y* и *a*, сливаются въ произношеніи почти неудовимо ни для уха, ни для органа произношенія русскаго человѣка. Тѣмъ не менѣе всякій литовець изъ той мѣстности замѣтитъ и поправитъ, если произнесешь совсѣмъ слитно, т. е. вм. *ie*—*e*, а вм. *и*—*o*. Оба составныхъ гласныхъ въ *и*—*y* и *a*, вполне ясно слышны только въ односложныхъ словахъ, напр. въ тв. п. ед. ч. мѣстоименія *tas*—*tù*—*туа*, въ особ. если оно стоитъ въ концѣ предложенія и подъ логическимъ удареніемъ. Слово *vi* (собака) подходит подъ это же правило, т. е. произн. шуа, но часто также и шува, какъ въ говорахъ Гарлевскомъ и Людвиновскомъ. Являющееся въ немъ *e* обыкновенно также приставляется, если слово начинается съ *и*. Напр. *ùdas*, *ùdega* произносятся вѣдае, вѣд'ага. *o* произносится глухо, а въ неударяемыхъ слогахъ совсѣмъ, какъ русс. *у*: р. ед. *anklio*—арклю, *balno*—балну, им. мн. *mérgos*—мергус. *и* долгое (обозн. Шлейх. и Курш. черезъ *y*) произносится почти въ двое протяжнѣе, чѣмъ краткое *и* (*i*). Звука *и*—нѣтъ. Носовыхъ тоже уже не существуетъ. Звуки *ш*, *ч* бываютъ и твердыми и мягкими: *žuvis*—жувис, и *žiugis*—жюри *Л.* бываетъ или твердымъ или мягкимъ, смотря по положенію *balnas*—балнае, *balnelis*—бальнялис. (Подробн. см. у В. Милл. и Форт. или у Бругм.).

л, *р* и *н* иногда слышны почти, какъ сонанты, особенно въ пѣніи. Напримѣръ *balnas* иногда почти = балнае, *šiuibejo* почти = чюльбежо или чюльбежо.

d и *m*—передъ мягкими гласными нѣсколько тверже, чѣмъ въ русскомъ языкѣ и мягче, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ.

На концѣ всѣ согласные тверды всегда.

Придыхательные (*sch*, *x*) существуютъ только въ заимствованныхъ словахъ, какъ напримѣръ *furmonka* (*Fuhrmann*), *familija* (сѣмейство), *chiba* (польское *chyba*) и т. д., но и въ нихъ охотно замѣняются твердыми. Такъ вмѣсто *furmonka* говорятъ также *purmonka* и *kurmonka*, *kiba* вмѣсто *chiba*, *kyogoba* вмѣсто *chogoba* и т. д. При сочетаніи звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, наблюдаются всѣ тѣ законы, которые очень точно отмѣтилъ Бругманнъ въ описаніи Гарлевскаго говора. То же я долженъ сказать о формахъ склоненія и спряженія. Отмѣчу здѣсь развѣ только то, что двойственное число почти совсѣмъ утрачено; даже при числительномъ два обыкновенно ставится не двойственное, а множественное число. Ничтожные остатки его находимъ въ формахъ мѣстоименія (*midu* и т. п.) и въ глагольной формѣ *eiva* (идемъ!). Звательный падежъ вообще сохранился. Но отъ *ropas* вмѣсто звательнаго употребляется именит. пад. *ropas*, *ropis* или даже только *rop*. Отъ *arkliukas*, *dedukas* звательный падежъ *arkliuk*, *deduk*.

a въ окончаніи именительнаго падежа единственнаго числа словъ на *a* *s* или выпадаетъ, или остается. И то, и другое бываетъ одинаково часто и при томъ безъ тѣхъ ограниченій, какія даетъ Куршаты.

terp—произносятся *terp*.

jis—*jis*, а не *is*, какъ въ Людвиновскомъ говорѣ (по свидѣтельству В. Миллера и Фортунатова).

есмь—*asu* или *aosiu*

есть—*igà* или *ig*

нѣтъ—*pègà* или *pèg*

бываетъ—*bupa*

Предлогъ въ обыкновенно *i* (безъ носоваго отгѣнка), но также нерѣдко *ip* или даже *int*. *Int* является еще въ видѣ приставки въ глаголѣ *int-eina* (онъ входитъ). Союзъ *и* только *ig*; надъ употребляющими *bei*—смѣются.

Надъ говорящими *da g* вмѣсто *dabar* (=теперь) смѣются и называютъ ихъ *dartinicaì*. (Такъ говорятъ между прочимъ вблизи Маріамполя).

Въ заключеніе упомяну два прозвища, какими надѣляютъ гижевцевъ и говорящихъ однимъ съ ними говоромъ жителей средней и восточной части Волковышскаго уѣзда, такъ называемыхъ *Vilkaviškečiai*, ихъ сосѣди съ сѣвера и съ юга: *karšai* и *gugai*. Капсами называютъ ихъ жители Владиславскаго уѣзда за то, что они говорятъ *kar* и *ter* вмѣсто *kaip* и *teip*. (Впрочемъ и среди гижевцевъ не развѣ слышалъ и *kaip*, и *teip*. Такъ между прочимъ по большей части выговаривалъ гижевскій крестьянинъ, рассказывавшій мнѣ сказки).

Южные сосѣды кашсовъ—дзукы (которые кашсы дразнятъ поговоркой *dzukas, kumiales apukas*, т. е. «дзукъ—вобылы внукъ» и даже почти не считаютъ за литовцевъ), провади ихъ *guagai*, за ихъ сравнительно ясное произношеніе и какъ *ûâ*.

Что касается словарнаго матерьяла, то въ этихъ мѣстностяхъ мало нашлось бы поживы для составителя литовскаго словаря. Заимствованія изъ польскаго (безчисленныя), нѣмецкаго и русскаго (отчасти) вытѣсняють все болѣе и болѣе чисто-литовскія слова. Между прочимъ, большая часть бранныхъ словъ взята изъ польскаго языка.

Литовцы Владиславовскаго уѣзда (именно, средней и восточной части его) извѣстны у своихъ сосѣдей съ юга подъ названіемъ *Zanovikai* (зановики, т. е. живущіе за рѣчкой Новой, по-литовски *Nova*), а часть ихъ, живущіе въ лѣсахъ, подъ названіемъ *girinikai* (отъ *giris*—лѣсъ, собственно «лѣсники», лѣсные литовцы). Центромъ для нихъ служитъ село Гришкабуда (*Griškabudis*).

Зановики замѣтно отличаются отъ кашсовъ.

Говорятъ они нѣсколько мягче и протяжнѣе, словно имъ лѣнь выговаривать слова. Двугласные все произносятся раздѣльнѣе, яснѣе, чѣмъ въ Волковышскомъ уѣздѣ. Оба составные звука (напр. *a* и *i*, *a* и *u* въ двугласныхъ *ai*, *au* и т. д.) слышны рѣзко, почти съ одинаковой силой. Особенно замѣчательно это въ произношеніи звуковъ *ie* и *û*.

Желающаго слышать самое чистое, ясное произношеніе послѣднихъ надо отсылать именно къ зановикамъ; здѣсь и неопытный легко замѣтитъ ихъ въ живой рѣчи, тогда какъ въ Волковышскомъ уѣздѣ ихъ легко смѣшать съ *e* и *o*. По той же причинѣ здѣсь не говорятъ *kar* и *ter*, но правильно *kair* или *kai* и *teir* или *teirgi*, *teigi*, *taigi* (даже слышалъ я не разъ у крестьянокъ въ быстромъ произношеніи «тѣки, тѣке»—въ смыслѣ русскаго «да»). Вообще говоръ ихъ можно назвать пѣвучимъ. Еще болѣе имѣетъ на это право говоръ литовцевъ того же уѣзда, живущихъ около Лукши и затѣмъ далѣе по направленію къ Нѣману, извѣстныхъ у своихъ земляковъ подъ названіемъ *Velioniškei*. Повидимому болѣе различія между говорами зановиковъ и кашсовъ въ лексическомъ отношеніи. Такъ, на примѣръ, града—у кашсовъ *lise*, у зановиковъ *lisve*; бѣлье—у кашсовъ—*dgaranos*, у зановиковъ *drabužes*; вѣялка у кашсовъ—*agra*, у зановиковъ *arba*; передникъ у кашсовъ—*šurkštas*, у зановиковъ *žurstas*. Въмѣсто обыкновеннаго у кашсовъ обращенія въ гостю *ponuli* (звательный падежъ), у зановиковъ говорятъ *poniali*. Есть слова, которыя у зановиковъ вполне употребительны въ разговорѣ, а у кашсовъ имѣютъ особый смыслъ неприличный, что вызвало замѣну ихъ другимъ словомъ. Въ типѣ я не замѣтилъ ничего отдѣляющаго зановиковъ отъ кашсовъ. Кашсы по характеру какъ будто поживѣе, поэнергичнѣе зановиковъ. Относи-

тельно костюма зановиковъ упомяну лишь, что шляпы съ полями (skribele) почти отсутствуют, вмѣсто нихъ—фуражки (šlikas), жипоны короче и прямѣе, чѣмъ у капеовъ.

Въ Владиславовскомъ уѣздѣ, именно въ деревнѣ Авочей мѣъ случайно удалось видѣть кривуле. Это сучковатая довольно толстая (почти вершокъ въ діаметрѣ) палка, длиною больше половины средняго мужскаго роста, красиво развѣтвляющаяся на верху двумя кривыми рогами. Когда надо созвать сходъ, староста (šaltišius) приноситъ эту палку къ ближайшему хозяину въ избу и ставитъ у печи. Тотъ обязанъ передать своему сосѣду и т. д. Такимъ образомъ кривуле должна въ день обойти всѣ дворы; какъ разъ въ такой моментъ я и видѣлъ ее у одного крестьянина въ избѣ прислоненною къ печи. Эта кривуле была окрашена въ темный, красновато-коричневый цвѣтъ. Въ иныхъ случаяхъ къ рогатой рукояткѣ привѣшиваютъ или вставляютъ въ расщепъ бумажку съ обозначеніемъ для чего именно созывается сходъ (skodas или schodas). Въ случаѣ если кто-нибудь не явится на сходъ по такому приглашенію и безъ уважительной причины, остальные въ видѣ штрафа пьютъ въ корчмѣ на его счетъ. Сходъ большею частью бываетъ въ корчмѣ. Слово кривуле употребляютъ также и въ переносномъ значеніи—сходъ. Отсюда выраженіе krivule krivuliaut=собирать сходъ. Кривуле можно встрѣтить вездѣ въ литовскихъ деревняхъ Сувальской губерніи.

Въ видѣ приложения къ этой статьѣ я представляю изъ собраннаго мною матерьяла 2 сказки о Перкунѣ, 1 объ айтварѣ, какъ важные по содержанію, 1 сказку («о семи мудрецахъ») какъ наиболѣе удачный, характерный и наиболѣе точно записанный образецъ мѣстнаго говора, затѣмъ 103 лучшія пословицы и 60 загадокъ. ¹⁾

Г. Гинкель.

¹⁾ См. ниже, во II отдѣлѣ.

Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ знаменитаго собирателя матеріаловъ по русской діалектологіи покойнаго В. И. Даля, хранившихся у дочери его О. В. Демидовой, находится немало данныхъ для характеристики русскихъ говоровъ. Не все написано рукой самого В. И.; много встрѣчается отдѣльныхъ тетрадокъ, написанныхъ разными руками, очевидно, приславшихся ему разными лицами. Есть напр. замѣтки о Сибирскомъ нарѣчіи, начало словаря Архангельскаго нарѣчія, разговоры и рассказы, записанные въ разныхъ губерніяхъ. Многое, конечно, изъ этого матеріала уже напечатано, вошло въ «Толковый словарь» и статью о нарѣчіяхъ русскаго яз. В. И. Даля, но немало могло остаться и ненапечатаннымъ. Хотя, благодаря любезности владѣтельница этихъ рукописей, предоставившей часть ихъ въ мое распоряженіе, я получилъ возможность разобраться въ нихъ, къ сожалѣнію, однако, я не имѣлъ времени заняться этимъ обстоятельствомъ и рѣшить, что именно напечатано. Это тѣмъ труднѣе, что многое могло быть напечатано позднѣе или раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Нѣкоторые образцы Нижегородскихъ говоровъ, встрѣчающіеся здѣсь вчера, напр. я случайно нашелъ напечатанными даже болѣе полно покойнымъ М. А. Колосовымъ въ «Русск. Филол. Вѣстн.» т. I (1879), № 2, стр. 161—163, откуда они перепечатаны также и Смирновымъ въ его «Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи», стр. 176—177. Къ числу неизданнаго, кажется, относятся три карты говоровъ Нижегородской губ. (по крайней мѣрѣ мнѣ ничего объ этомъ неизвѣстно); можетъ быть, онѣ не были воспроизведены печатью вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, такъ какъ для отмѣтки различныхъ оттѣнковъ говоровъ здѣсь употреблены различные цвѣта. О двухъ изъ этихъ картъ (Княгининскаго и Сергачскаго уѣздовъ) нѣчего и говорить, такъ какъ по неполнотѣ своей (большая часть уѣздовъ оставлена пустой, вѣроятно, по недостаточности данныхъ) онѣ неудобны для напечатанія въ настоящемъ видѣ; третья же карта (Лукояновскаго уѣзда) составлена довольно полно, такъ что важно было-бы еѣ напечатать. Если здѣсь и не все

совершенно и точно въ географическомъ отношеніи (много погрѣшностей въ разстояніяхъ селъ между собою), то во всякомъ случаѣ сдѣлать эту карту извѣстной специалистамъ по діалектологіи было-бы излишне хотя бы для образца, а со временемъ, можетъ быть, удастся болѣе точно и совершенно означить на картѣ говоры всѣхъ уѣздовъ и губерній.

На существованіе этой карты и на помощь, оказанную будто-бы Лукояновскими помѣщиками при этомъ В. И. Даля, бывшему въ 1850-хъ годахъ управляющимъ Нижегородской Удѣльной конторы, намекнулъ еще въ іюлѣ 1892 г. нѣкто (безъ подписи имени) въ одной изъ замѣтокъ въ газетѣ «Русская Жизнь». Не знаю, откуда почерпнулъ авторъ этой замѣтки свѣдѣнія о содѣйствіи Лукояновскихъ помѣщиковъ, но не могу поручиться за то, составлена ли эта карта самимъ Далемъ, или кѣмъ нибудь изъ его помощниковъ, хотя почеркъ объяснительныхъ приписокъ къ ней не такъ рѣзко отличается отъ рукописей, написанныхъ несомнѣнно рукой В. И., какъ нѣкоторые другіе матеріалы; во всякомъ случаѣ, объ авторствѣ этой карты ничего опредѣленнаго я не могъ узнать даже отъ дочери покойнаго.

Къ сожалѣнію, сравненіе данной карты съ картой, напечатанной въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», т. II, заставило меня убѣдиться въ весьма существенныхъ неточностяхъ ея относительно пропорціональности и направленія разстояній между селеніями. Не зная навѣрное, насколько можно полагаться на карту Нижегородскаго Сборника, я считаю долгомъ всетаки описать тѣ различія нашей карты отъ нея, которыя мнѣ удалось замѣтить. Различія касаются также иногда названій селъ, изъ которыхъ иныхъ у насъ нѣтъ вовсе, другихъ же наоборотъ нѣтъ на картѣ «Нижегородскаго Сборника».

Начнемъ съ сѣвера.—На картѣ Нижегородскаго Сборника рядомъ съ селомъ Саврасовомъ на лѣвомъ берегу рѣки Шнары, впадающей въ Ньяну, стоятъ еще Нов. Саврасово на юго-востокъ отъ него, на правомъ берегу Шнары, а къ сѣв.-западу Бритвино.—Вмѣсто Крюковки Даля въ Ниж. Сборн. Крижовка.—Вмѣсто Фоминой Д. (на Лукояновскомъ трактѣ, къ сѣв.-зап. отъ Лукоянова и Ульянова) въ Ниж. Сб. Осминка.—Къ сѣв.-зап. по направленію къ Арзамасскому уѣзду отъ Стекланнаго Завода, который въ Ниж. Сб. восточнѣе, южнѣе и ближе къ рѣкѣ Алатырю, чѣмъ у Даля, стоитъ на картѣ Ниж. Сб. Пандасъ.—Къ западу отъ Петровки, на границѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Нижегородской губ., на прав. берегу р. Алатыря, въ Ниж. Сб. еще Григорьевка.—Между Нелеемъ и Елевымъ Врагомъ, который въ Ниж. Сб. къ юго-востоку отъ Нелея, а не къ юго-юго-востоку (почти къ югу), какъ у Даля, въ Ниж. Сб. еще Васильевъ Врагъ.—Между Шутиловомъ, которое къ с.-з. отъ Буцкаго (Буцкой), а не къ ю. з. з., какъ у Д.,

и Буценымъ въ Ниж. Сб. еще Соловцево.—Гремячка по Д. къ ю. з. з. отъ Прудовъ, по Ниж. Сб. къ сѣв. отъ Прудовъ, ближе къ Шутилову.—Бъ югу отъ В. Ари (находящейся на с. в. отъ Лукоянова) въ Ниж. Сб. еще Ширяевка.—У Д. къ югу отъ Сумароковки близко Петровка, въ Ниж. Сб. она гораздо дальше, къ юго-западу отъ Бельдюшева. У Д. Василевка гораздо западнѣе и ближе къ Елфимову Майдану, чѣмъ въ Ниж. Сб., гдѣ Василевка не къ сѣв.-зап. отъ В. Поляны и не къ сѣв.-вост.-вост. отъ Красной Поляны, а къ сѣв.-вост.—вост. отъ В. Поляны и къ юго-вост.—вост. отъ Кр. Поляны, къ юго-вост. отъ Петровки и къ юго-юго-зап. отъ Кельдюшева.—У Д. къ югу отъ Кельдюшева Паракуша, которой нѣтъ въ Ниж. Сб. въ этомъ мѣстѣ, но которая тамъ недалеко къ юго-юго-вост. отъ Кондрыкина Майдана, далѣе же къ югу Дубровка.—Въ Ниж. Сб. Пякшенъ (у Дала Пекшенъ) гораздо ближе къ Аниѣевкѣ, чѣмъ къ другимъ деревнямъ, у Д. онъ ближе къ Б. Болдину и Дмитровкѣ.—Въ Ниж. Сб. довольно далеко къ вост. отъ Дубровки—Малиновка, у Д. же она гораздо ближе и къ Дубровкѣ и къ Кондрыкину. Въ Ниж. Сб. Малиновка къ ю.-з. отъ Болдина (Язъ), очень близко, у Д. она далеко къ зап. отъ Яза (Болдина).—У Д. къ сѣв.-вост. отъ Ульяновки, на правомъ противоположномъ берегу р. Инсары, еще Варваровка.—Кромѣ Пестровки (Ниж. Сб. Петровка) въ юго-восточномъ углу уѣзда, у Д. еще М. Петровка къ ю.-з.-з. отъ нея и М. Осинки къ ю.-ю.-з. отъ Осинокъ, а къ зап. отъ М. Осинокъ—Володино, которое въ Ниж. Сб. гораздо дальше къ зап., западнѣе Протасова и Вугровъ, рядомъ съ Любимовомъ.—Рождествено-Поля (Ниж. Сб.) названо у Д. Поля Хованская.—Между Вьюшениномъ и Погиболкой у Д. еще Никольское; къ юго-зап. отъ Ивашевки у Д. еще Николаевка (ближе къ Саранскому тракту и къ границѣ съ Саранскимъ уѣздомъ).—Рядомъ съ Темяшевымъ на р. Ирети къ юго-зап. въ Ниж. Сб. еще Борки.—Ново-Александровка у Д. къ ю.-з.-з. отъ Селитьбы (Ирети), близко къ Кришкѣ (Верякушѣ), въ Ниж. Сб. Александровка къ с. з. отъ Ирети, ближе къ Угуевскому Майдану.—Н. Василевка (Ниж. Сб.) близъ рѣкъ Ирети и Верякуши названа у Д. Василевочка (Трегубовка).

На картѣ я отъ себя ничего не прибавляю, кромѣ слѣдующихъ обозначеній: ставлю цифру 55 при параллели, проходящей черезъ сѣверную часть Лукояновскаго уѣзда, и надписи: Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губ. въ срединѣ лѣвой стороны карты, (Ардатовскій уѣздъ)—въ правой противоположной сторонѣ (т. е. Симбирской губ.) и р. Инсара.

Способъ обозначеній различныхъ оттѣнковъ говора, а также присутствія

инородческаго элемента состоятъ въ употребленіи различныхъ красокъ — черной, красной, синей, желтой, оранжевой, свѣтло-зеленой и темно-зеленой.

Считаю нелишнимъ изданію этой карты предпослать нѣсколько своихъ собственныхъ замѣчаній и поясненій.

Во первыхъ, необходимо напомнить, что разумѣется подѣ терминами «оканье», «аканье», «цоканье», «чваканье» и «дзеванье», употребленными составителемъ карты. »Оканье» — черта консервативная; она указываетъ на то, что въ данномъ говорѣ этимологическое *o* (или *o* изъ *a* въ заимствованныхъ словахъ, напр. собственныхъ именахъ греческихъ) при отсутствіи ударенія на немъ не измѣняется въ *a* (хотя нельзя отрицать, что и въ большинствѣ «окающихъ» говоровъ *o* при иныхъ условіяхъ, т. е. въ слогахъ закрытыхъ, а иногда и открытыхъ непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ слогахъ отдаленныхъ передъ слогомъ ударяемыхъ можетъ подвергаться измѣненію въ глухой звукъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ близкій къ *y*); конечно, при этомъ разумѣется также и сохраненіе того *ë* (*jo*) или *o* (послѣ шипящихъ), которое въ извѣстныхъ случаяхъ независимо отъ ударенія получило еще въ общевеликорусскую эпоху изъ этимологическаго *e*; новизна только въ томъ, что этотъ общевеликорусскій законъ въ нѣкоторыхъ «окающихъ» говорахъ распространяется и на то *e*, которое восходитъ къ этимологическому *ъ*¹⁾. Измѣненіе же этимологич. *a* при отсутствіи на немъ ударенія въ *o* весьма рѣдко²⁾. Подѣ «аканьемъ» наоборотъ разумѣется измѣненіе этимол. *o* и *o* (*ë*), образовавшагося въ болѣе старую эпоху изъ этимолог. *e*, при отсутствіи на нихъ ударенія въ *a* (*я*) или глухой звукъ, близкій къ *a*; такимъ образомъ это черта подновляющая; само собою разумѣется также, что, когда мы называемъ говоръ «акающимъ», то можемъ предполагать въ немъ и другія черты, тѣсно связанныя съ «аканьемъ», напр. измѣненіе ударяемаго *a* (*я*) въ *o* (*ë*), что весьма понятно, такъ какъ привыкшіи безъ ударенія произносить только *a* и никогда *o* можетъ легко сбиться и забыть, требуется ли этимологически *o* или *a*, и вотъ по аналогіи большинства случаевъ, гдѣ *o* (*ë*) ударяемое и *a* (*я*) неударяемое чередуются между собою въ произношеніи родственныхъ формъ, онъ произносить и здѣсь *o* (и *ë*) вопреки этимологіи: пасѣжнѣя, падѣрнѣя, за прѣг. — «Цоканье» можетъ быть двоякое: или это (болѣею частію въ великорусскихъ, особенно сѣверныхъ говорахъ) измѣненіе *и* въ *и* или — измѣненіе мягкаго *и* въ мягкое *и* (черта преимущ. бѣлорусская или польская,

¹⁾ Срв. Потебни «Два изслѣдованія» 76—80. Шахматовъ, впрочемъ, и неудар. *o* въ окающихъ говорахъ, какъ и *a* акающихъ, непосредственно возводитъ къ *o* склон. къ *a* («Изслѣдован. въ области русск. фонетики». стр. 254 и слѣд.).

²⁾ Срв. Колосова «Обзор. звук. и форм. особ. народн. рус. яз.», 62—64.

но встрѣчающаяся и во многих великорус. говорах); кажется, обыкновенно подъ этимъ терминомъ разумѣется только первое, второе же болѣею частію кроется подъ терминомъ «дзеканье», подъ которымъ ближайшимъ образомъ собственно разумѣется измѣненіе мягкаго звучнаго *d* въ *dз* (сложный мягкій звучный, соответствующій мягкому незвучному *ж*). «Цдзеканье», т. е. измѣненіе этимологическаго *ч* въ *ж*, тѣсно связано съ «чваканьемъ», т. е. измѣненіемъ этимолог. *ж* въ *ч*, и иногда уживается рядомъ съ нимъ; это объясняется тѣмъ, что идеальнаго въ фонетическомъ отношеніи говора въ природѣ не существуетъ, т. е. что фонетическіе законы, не имѣющие исключеній сами по себѣ, въ жизни языка всегда почти нарушаются дѣйствіемъ другихъ, иногда противоположныхъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ одномъ говорѣ (строго говоря, имѣющемъ своимъ представителемъ только одно лицо ¹⁾) существуетъ измѣненіе *ч* въ *ж*, а рядомъ съ нимъ въ другомъ обратная черта—измѣненіе *ж* въ *ч*, въ третьемъ, наконецъ, оба звука совпадаютъ въ одномъ среднемъ, какомъ нибудь очень мягкомъ *ж*, близкомъ къ очень мягкому *ч*, вроде польскаго произношенія *ś* (изъ этимолог. *ś* въ сочетаніи съ этимолог. *e* и *ъ* = польскимъ *ie* и *ia*, этимол. *i* и *ъ*, этимол. *л*), очень близкаго на мой слухъ къ сербо-хорватскому *ñ* (*ś*), происшедшему изъ сочетанія этимолог. *ś* со старымъ и новымъ *j*; очень можетъ быть, что это послѣднее и было свойственно древнему Новгородскому говору, заставлявшему писцовъ путаться и писать то *ж* вмѣсто *ч*, то *ч* вм. *ж*, такъ какъ это среднее произношеніе дѣйствительно существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ говорахъ (мнѣ пришлось въ бытность мою въ Петербургѣ слышать произношеніе Чудово почти, какъ ħудово, также маħуха вм. ма́чеха отъ крестьянки изъ подъ Чудова) ²⁾ Какъ скоро представители этихъ говоровъ (можетъ быть, даже въ одномъ селѣ или даже въ одной семьѣ) сталкиваются между собою, они начинаютъ оказывать другъ на друга вліяніе, и вотъ одни слова произносятся согласно фонетическимъ особенностямъ одного говора, другія согласно фонетическимъ особенностямъ другого ³⁾; это было бы невозможно только въ томъ случаѣ, если-бы наклонность произносить только *ж* или только *ч* доходила до неумѣнья обратнаго произно-

¹⁾ Срв. Delbrück, «Einleitung in das Sprachstudium», 123, 129; то же говорилъ и покойный Потебня, ссылаясь также на Paul, «Principien der Sprachgeschichte».

²⁾ Впрочемъ, возможно уже и въ древнее время существованіе такихъ говоровъ, въ которыхъ прошеодитъ дѣйствительное чередованіе звуковъ *ч* и *ж*; сравн соображенія Шахматова о смѣнѣ *ч* и *ж* въ Новгородскихъ грамотахъ («О языкѣ Новгород. грам.», 172—173).

³⁾ Это періодъ того «Schwanken», о которомъ говорятъ Sievers («Grundzüge der Phonetik» 226); срв. Delbrück «Einleitung in d. Spr.» 124.

шенія. Еще можно представить себѣ возникновеніе говора смѣшивающаго *и* съ *и* такимъ образомъ, что говоръ съ среднимъ идеальнымъ произношеніемъ очень мягкаго *и* (= мягк. *и*) заимствуется группой людей, до этого рѣзко различавшихъ въ своемъ говорѣ эти два звука, и вотъ, не будучи въ состояніи уловить тонкаго произношенія своего прототипа, они сбиваются то на *и*, то на *и*, можетъ быть, въ зависимости отъ разныхъ фонетическихъ условій, т. е. отъ окружающихъ звуковъ. Такимъ образомъ передъ глазами наблюдателя возникаютъ кажущіяся «исключенія» въ дѣйствіяхъ звуковыхъ законовъ ¹⁾.

Не совсѣмъ ясно, что разумѣется подъ словами: «говоръ средний между *а* и *о*»; но вѣроятно, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть говоръ, въ которомъ неудараемое *о* слышится не какъ ясное *а*, а какъ глухой звукъ краткій, средний между *а* и *о* ²⁾; это именно свойственно говорамъ переходнымъ отъ «акающихъ» къ «окающимъ», и въ этомъ смыслѣ справедливо выраженіе «средній»... Это произношеніе присуще большинству «образованнаго» класса, особенно Москвы и центральныхъ губерній, въ народныхъ же говорахъ нерѣдко встрѣчается въ соединеніи съ «йканьемъ», очень распространеннымъ во всей средней переходной великорусской полосѣ, совершенно, однако, напрасно, мнѣ кажется приписываемымъ проф. Соболевскимъ ³⁾ «нашему» говору, если онъ подъ «нашимъ» разумѣетъ языкъ такъ называемаго образованнаго класса, такъ какъ большинство этого послѣдняго, насколько мнѣ приходилось наблюдать, никогда не произноситъ яснаго *и* вмѣсто удар. *е* или вмѣсто *а* (*я*) послѣ мягкаго согласнаго, а болѣею частію звукъ неясный глухой, средний между *й* (*э*) и *ѣ*; но несомнѣнно, что это «йканье», а въ связи съ нимъ и измѣненіе удар. этимологическихъ *о* и *а* въ *и*, наблюдаемыя въ однихъ говорахъ только въ извѣстномъ болѣе отдаленномъ отъ ударенія положеніи, въ слогѣ, предшествующемъ ему, или въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, но закрытомъ, въ другихъ же говорахъ наблюдаемыя чаще и переходящія указанныя границы, генетически связаны съ этимъ среднимъ произношеніемъ: стоитъ только этотъ обыкновенный у большинства глухой звукъ произнести протяжнѣе, и мы получимъ почти чистыя *и* или *и*; при этомъ надо замѣтить, что появленіе *и* вм. *о* (*а*) рѣже и ограниченнѣе, чѣмъ появленіе *и* вм. *е* (или *я*, т. е. *а* съ предшеств. *ј*

¹⁾ «Auf induktiv. Wege kann die Ausnahmslosigkeit der Lautgesetze nicht bewiesen werden», говорятъ Delbrück. («Einleitungen»... 116).

²⁾ Это, конечно, зависитъ отъ качества слога (начало, середина, закрытость, открытость, послѣ ударенія или передъ нимъ, и за сколько слоговъ до него); срв. А. А. Потебни «Два изслѣдованія о звук. рус. яз.» 66—68; А. П. Соболевскаго «Очеркъ русской діалектологіи» въ «Живой Старинѣ» 1892, вып. I, стр. 10.

³⁾ Тамъ-же.

или небнымъ согласн.). Это «йканье», не отмѣченное, къ сожалѣнію, составителемъ карты, вѣроятно, и кроется въ его говорѣ, «среднемъ между *a* и *o*».

Во вторыхъ, я намѣренъ сдѣлать нѣсколько географическихъ и историко-этнографическихъ разъясненій, на сколько это въ моихъ силахъ.

Лукояновскій уѣздъ—самый южный изъ уѣздовъ Нижегородской губ.; онъ лежитъ въ юго-восточномъ углу ея и граничитъ на востокъ съ Ардаатовскимъ уѣздомъ Симбирской г., на югъ съ Саранскимъ Пензенской г., на западъ—съ Краснослободскимъ Пензенской и съ Ардаатовскимъ и Арзамасскимъ Нижегородской г., на сѣверъ съ Арзамасскимъ и Сергачскимъ Нижегородской г. Онъ отличается большимъ разнообразіемъ говоровъ, которое обуславливается характеромъ русской колонизаціи въ этой мѣстности. Какъ извѣстно, южная часть Нижегородской и сѣверная Пензенской г. были искони мордовскимъ краемъ. Мордва искони раздѣлялась на двѣ вѣтви: сѣверную (Эрзя) и южную (Мокша). Первая отличается большей культурностью и уже въ средніе лѣта имѣла своихъ князей, воевавшихъ съ русскими Суздальскими и Нижегородскими, имѣла и укрѣпленные пункты (тверди)¹⁾; на ея землѣ стоитъ теперь русскій городъ съ инородческимъ названіемъ Арзамасъ. Вторая до сихъ поръ отличается большей дикостью и грязнымъ образомъ жизни и въ нравственномъ отношеніи, по словамъ Н. И. Русилова²⁾, стоитъ ниже Эрзянъ. Послѣ того, какъ пало мордовское княжество, безпокойшее Суздальскихъ и Нижегородскихъ князей, русская колонизація въ этомъ краю усилилась, а Мордва частію постепенно отступала на югъ, частію стала жить въ болѣе глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а иногда и среди Русскихъ по сосѣдству и даже въ одномъ съ ними селѣ; такія села (половинныя), извѣстныя мнѣ въ южной части Курмышскаго у. Симбирской г., встрѣчаются, какъ видно изъ карты, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, Мордва довольно быстро русьветъ. «Что касается Мордвы, то надо полагать», говоритъ упомянутый авторъ статьи о Лукояновскомъ уѣздѣ въ Нижегородскомъ Сборникѣ³⁾, «что ея было гораздо больше, чѣмъ доказывается... названіями селъ и деревень; но мало-по-малу Мордва обрусѣла, бросила свой оригинальный костюмъ и стала даже чуждаться своего коренного языка, такъ напр., всѣ села государственныхъ крестьянъ, расположенныя на югѣ уѣзда, когда-то окруженныя дремучими лѣсами и корабельными рощами,—Азрапино, Наруксово и проч.—со-

¹⁾ Иловайскій, «Исторія Рязанскаго княжества», стр. 73.

²⁾ «Нижегородскій Сборникъ», т. II (1869 г.), стр. 23.

³⁾ Тамъ-же 21—22. Возможною воспользоваться этимъ изданіемъ въ Харьковѣ я обязанъ секретарю Харьковскаго статистическаго комитета В. В. Иванову, по рекомендаціи проф. Багалѣя допустившему меня къ пользованію библіотской комитота.

стояли не только изъ Мордвы, но даже изъ племени Мокшанъ, самаго дикаго и неподатливаго на обрусѣше. Если же національность еще сохранилась въ двухъ сосѣднихъ съ первыми селлахъ, т. е. въ Печлахъ и Темашевѣ, то это свидѣтельствуеетъ только о позднѣйшемъ переселеніи народа изъ-за Мокши, Пензен. г., гдѣ племя Мокшанъ до сихъ поръ живетъ значительными группами, не поддающимися никакой цивилизаціи; тогда какъ въ Лукояновскомъ у. священники и школы имѣютъ значительное вліяніе на Мордву, и потѣмъ видимымъ успѣхамъ, которыхъ достигаютъ ученики, можно навѣрное сказать, черезъ десятокъ лѣтъ національность темашевской Мордвы окончательно исчезнетъ»¹⁾. Что касается мордовскихъ селъ, то перечисленіе ихъ въ статьѣ Русилова въ общемъ согласно съ обозначеніемъ на картѣ Даля, но есть и различія: у Русилова Саитовка отнесена къ мордовскимъ селамъ, а у Даля, судя по краскамъ, она русская съ «акающимъ», «цокающимъ» и «дзекающимъ» говоромъ; у Русилова оба Пермѣева мордовскія, у Д. одно (южное). судя по черному цвѣту, русское и окаетъ; кромѣ того, у Даля мордовскихъ селъ больше въ сѣверной части уѣзда: у Русилова не упомянуты выкрашенные у насъ въ темно-зеленый цвѣтъ (=Мордва—Эрзя) Старые, Средніе и Новые Пичингуши, Ракшазонъ²⁾ и Аникѣвка. Относительно Мордвы—Мокши оба согласны, называя только два села: Печи и Темашево.

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи языка инородцевъ на языкъ русскихъ колонистовъ остается до сихъ поръ открытымъ; для рѣшенія его необходимо основательное знакомство не съ однимъ мордовскимъ нарѣчіемъ, а съ сравнительной фонетикой вообще финскихъ нарѣчій, кромѣ основательнаго знанія словянскихъ нарѣчій; однимъ словомъ, требуются знанія, которыя рѣдко могутъ соединяться въ одномъ лицѣ. Но и то, что сдѣлано въ этой области, заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности; я разумѣю труды покойнаго Веске, а также недавно вышедшій трудъ молодого ученаго Mikolja «Die Berührungen unter dem Westfinnischen und Russischen», на который обратилъ мое вниманіе профес. М. Е. Халанскій; при бѣгломъ просмотрѣваниіи его я замѣтилъ, что словян. *o* въ заимствованныхъ Финнами словахъ часто передается черезъ *a*; упоминаю это не для того, чтобы отъ финскаго вліянія производить южно-великорусское аканье, но всетаки на такіе факты стоитъ обращать вниманіе. Трудъ г. Миколи уже потому заслуживаетъ вниманія, что самъ онъ прошелъ школу проф. А. А. Потебни.

---

¹⁾ Къ числу обрусѣвшихъ селъ мордовскихъ въ Казанскихъ «Извѣстіяхъ общества археологій, исторій и этнографіи», т. XI, вып. 3, стр. 286—287 отнесены Тагасво и Кармален.

²⁾ Что въ этомъ селѣ есть Мордва и теперь, мнѣ извѣстно изъ сообщенія тамошняго землевладѣльца, прив.-доцента Харьковскаго университета В. А. Стоклова.

Что касается родины основного зерна русского населенія, поселившагося здѣсь, времени первыхъ поселеній, основанія самаго города Лукоянова и т. п., то мои поиски для опредѣленія этого въ разныхъ историческихъ трудахъ остались неудовлетворительными. Быть самому въ Лукояновѣ и Лукояновскомъ уѣздѣ и на мѣстѣ поискать какого либо архивнаго матеріала для исторіи здѣшней колонизаціи мнѣ не пришлось, да я и не считаю себя подготовленнымъ къ работѣ подобнаго рода, которую предоставляю специалистамъ историкамъ, хотя и не отрицаю возможности найти что либо. Вслѣдствіе этого я постараюсь подойти къ рѣшенію этого вопроса косвеннымъ путемъ при помощи трудовъ, посвященныхъ специально исторіи сосѣднихъ съ Лукояновскимъ краемъ мѣстностей, а именно Иловайскаго («Исторія Рязанскаго княжества»), Перетятковича («Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка»... 1892 г.) и Дубасова («Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» 1888—1887¹⁾), предполагая, что край этотъ былъ искони приблизительно въ одинаковыхъ этнографическихъ условіяхъ съ мѣстностями, составлявшими нѣкогда восточныя окраины Рязанскаго, а также южныя Нижегородскаго княжества, т. е. нынѣшними: губерніей Пензенской, Ардатовскимъ и Курмышскимъ уѣздами губ. Симбирской, Ардатовскимъ, Арзамасскимъ и Сергачскимъ уѣздами губ. Нижегородской и сѣверными уѣздами Тамбовской. Перечисленныя мѣстности окружаютъ Лукояновскій край вольцомъ, и нетрудно догадаться, что историческія данныя относительно нихъ приложимы и къ нему тѣмъ болѣе, что косвенныя намеки на мѣстности Лукояновскаго края мы находимъ и въ двухъ послѣднихъ изъ названныхъ трудовъ. Древнѣйшее населеніе всей этой мѣстности, какъ я уже упоминалъ, было Мордва, которая въ древности занимала гораздо большее пространство по направленію съ юга на сѣверъ, чѣмъ теперь, а именно на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Тамбова на сѣверъ и сѣверо-востокъ черезъ всю почти Тамбовскую и правобережную часть Нижегородской губ. до Нижняго-Новгорода и Василя-Сурска²⁾. Но вопросъ въ томъ, откуда и когда пришли сюда первые русскіе поселенцы. Можно бы было думать, что здѣсь столкнулось два теченія: одно сѣверное или сѣверо-западное, двигавшееся отъ Нижняго-Новгорода, и другое западное,

---

¹⁾ Указаніемъ на эти книги и отчасти пользованіемъ ими я обязанъ проф. Д. И. Багалію и В. И. Саввѣ.

²⁾ На стр. 6 «Памятной книжки Нижегородской губ.» 1865 г. говорится, что Мордва живетъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Книгининскомъ, Василя-Сурскомъ, Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ; слѣдовательно, и въ наше время она встрѣчается не только въ южныхъ, но и центральныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. Срв. также «Историческій очеркъ Василя-Сурскаго уѣзда» (Нижній-Новгородъ) Н. Деядова, стр. 5—6.

двигавшееся изъ стараго Рязанскаго княжества. Но историческіе памятники слишкомъ скудны данными въ этомъ отношеніи. О свободной колонизаціи древнѣйшаго времени мы не знаемъ почти ничего. Что же касается болѣе новаго времени—XVI—XVII в., то мы знаемъ, что здѣсь, т. е. на границахъ Нижегородской и Пензенской губ. проходили сторожевыя линіи, на которыхъ селились обыкновенно разные служилые люди изъ различныхъ мѣстностей. Населеніе сторожевыхъ городковъ было также весьма разнообразно и набиралось не только изъ сосѣднихъ, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Напр. о Пензѣ извѣстно, что «населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.), пѣшіе же казаки собраны были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди присланы были двукратно изъ Шацка»...¹⁾. Много служилыхъ людей получало также помѣстья и вотчины. Для состава крестьянскаго населенія важно обращать вниманіе и на переселеніе служилыхъ людей, такъ какъ, во первыхъ, они часто переселяли своихъ крестьянъ изъ старыхъ помѣстій и вотчинъ въ новыя, во вторыхъ, многіе служилые люди въ качествѣ бѣдныхъ однодворцевъ со временемъ вполне сливались съ крестьянами: мнѣ напр. извѣстно, что есть такіе «дворяне», которые сами пахутъ и бѣднѣе нѣкоторыхъ мѣстныхъ крестьянъ, въ Курмышскомъ уѣздѣ. Но надо еще замѣтить, что служилыми людьми Московскаго государства бывали не одни Русскіе, а и многіе татарскіе мурзы, принявшіе московское подданство, которые не только утверждались во владѣніи занятыхъ ими раньше помѣстій въ этихъ мѣстностяхъ, но и надѣлялись новыми, часто не измѣняя магометанству. Такимъ образомъ явилось у насъ много дворянскихъ фамилій татарскаго происхожденія, которые владѣли крѣпостными русскими крестьянами или Мордвою, и только при Петрѣ I многія изъ нихъ обратились въ христіанство²⁾. Потомки этихъ фамилій и теперь очень нерѣдко встрѣчаются между помѣщиками Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и Симбирской губ., часто передавъ свои имена и своимъ помѣстьямъ, такъ что, кромѣ мордовскихъ, татарскихъ и чисто-русскихъ названій селъ и деревень, въ этихъ губерніяхъ можно встрѣтить и названія съ корнями татарскими или мордовскими, но съ присоединеніемъ суффиксовъ, а иногда и цѣлыхъ словъ русскихъ; сравн. напр. въ Лукояновскомъ уѣздѣ село Дивѣевъ—Усадъ и фамилію Дивѣевы, упоминаемую Дубасовымъ въ числѣ дворянскихъ инородческаго происхожденія³⁾; упоминаемые тамъ-же въ числѣ тамбовскихъ

¹⁾ Перетятковичъ, «Поволжье», стр. 234, сноска.

²⁾ Дубасовъ, «Очерки изъ исторіи Тамб. края», вып. 3, гл. I, стр. 39

³⁾ Ibid. вып. I, гл. IV, стр. 183.

фамилій XVIII вѣка Енгальчевы извѣстны теперь и въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ.; тамбовская татарская фамилія Ишеевъ (ib 3, I. 39) теперь извѣстна въ названіи татарской деревни Васильскаго уѣзда, Нижегородской губ.; разумѣется, весьма многія названія повторяются въ разныхъ губерніяхъ, а многія мѣстныя фамиліи сдѣлались общеизвѣстными въ Россіи. Конечно, вмѣстѣ со служилыми людьми изъ Татаръ не мало было и крестьянъ, если только не предположить, что нынѣшніе Татары—крестьяне въ этихъ губерніяхъ суть отатарившіеся туземцы Мордва или Мещера. Татарскихъ селъ и теперь не мало въ Курмышскомъ, Сергачскомъ и друг. уѣздахъ этихъ губерній, а въ XVI в. сѣверные, ближайшіе къ Нижегородской губ., уѣзды Тамбовской губ. Темниковскій и Кадомскій (послѣдній теперь за штатомъ) были почти исключительно мордовскими и татарскими ¹⁾. Удивительно, что на находящейся въ нашемъ распоряженіи картѣ Лукояновскаго уѣзда татарскихъ селъ не отмѣчено совсѣмъ.

Ближайшая къ южной части Нижегородской губ., а слѣдовательно и къ Лукояновскому уѣзду сторожевая линія проходила въ XVI в. черезъ Алатырь (Симбирской губ.) и Темниковъ (Тамбовской губ.) ²⁾. Къ сожалѣнію, мы знаемъ только главнѣйшіе пункты сторожевыхъ линій, т. е. города, а потому и не можемъ точно опредѣлить, какъ именно шла такая-то сторожевая линія, но если мы взглянемъ на карту и проведемъ прямую линію отъ г. Алатыря къ Темникову, то она пройдетъ какъ разъ черезъ южную часть Лукояновскаго уѣзда, а потому можно предположить, что уже въ XVI вѣкѣ въ Лукояновскомъ уѣздѣ были русскія поселенія.

Ближайшій городъ Пензенской губ., лежащій на югъ отъ Лукояновскаго уѣзда, Саранскъ отмѣчается Петратковичемъ на картѣ, приложенной къ его сочиненію, какъ основанный въ XVII в., а изъ него въ 1681 г. переводятся служилые люди для засѣчной и сторожевой службы въ восточную часть Пензенской губ. ³⁾. Слѣдовательно, колонизація мѣстности къ югу отъ Лукояновскаго уѣзда началась только съ XVII-го столѣтія (по крайней мѣрѣ официально).

Что касается мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ Лукояновскаго уѣзда, то тамъ, по крайней мѣрѣ до рѣки Пьяны на югъ и юго-востокъ, т. е.

¹⁾ Дубасовъ, ib. I, стр. 156.

²⁾ Д. И. Багалъй, «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», т. I, стр. 36. Города Алатырь, Темниковъ, Кадома и Шацкъ входили въ половинѣ XVI-го в. въ составъ передней линіи укрѣпленій, къ юго-востоку отъ которой тогда сейчасъ же лежала степь. Д. И. Багалъй ссылается на сочин. Бѣляева «О сторожевой станичной и полевой службѣ».

³⁾ «Поволжье»... 235.

въ нынѣшнихъ уѣздахъ Нижегородскомъ, Бнягининскомъ, части Сергачскаго ¹⁾ и Курмышскаго русскія поселенія были уже въ XIV-мъ столѣтїи, хотя они могли быть и раньше, вскорѣ послѣ извѣстной борьбы основателя Нижняго-Новгорода Юрія II съ мордовскимъ княземъ Пургасомъ въ началѣ XIII в. ²⁾). Говоря объ опустошенїяхъ, произведенныхъ Арапшею въ 1377 или 1378 г. ³⁾, лѣтописцы называютъ гостя Тараса Петрова, у котораго Моголы разорили 6 «цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимую» ⁴⁾ (вѣроятно, Кудьюю, какъ она называется теперь, которая и теперь течетъ въ нынѣшнемъ Нижегородскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу); надо замѣтить, что «за Кудьюю» — очень неопредѣленно, такъ какъ позднѣе напр. Закудемскій станъ занималъ «обширную страну между р. Кудьюю и р. Сурою», и Сергачъ въ XV в. былъ волостнымъ селомъ этого стана ⁵⁾. Сталкиваясь и воюя съ Мордвою и Татарами, Русскіе сами, несомнѣнно, селились среди нихъ подобно тому, какъ селятся теперь среди сплошного чувашскаго населенія по правому берегу р. Суры въ Симбирской и Казанской губ. Съ другой стороны, масса Мордвы, не имѣя возможности вслѣдствіе незнанія русскаго языка сопротивляться злоупотребленіямъ русскихъ служилыхъ людей въ XVI—XVII в., разбѣжалась въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII-го столѣтїя отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны ⁶⁾. Конечно, оставшіяся пустыми земли тѣмъ удобнѣе могли быть заняты Русскими. Что довольно рано русскія поселенія распространились на востокъ до р. Суры, доказываетъ существованіе на ней не только Курмыша на лѣвомъ берегу, но и села Алгашей, которое теперь гораздо далѣе Курмыша на югъ по правому берегу р. Суры, уже въ самомъ началѣ XV-го столѣтїя ⁷⁾. Торговое село Спасское въ Васильскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ къ западу отъ Курмыша, основано еще въ 1399 г. ⁸⁾. Такимъ образомъ, можно думать, что приблизительно къ концу XV-го столѣтїя большая часть нынѣшней Нижегородской губ. до юго-восточныхъ ея предѣловъ, а къ половинѣ XVI-го и самыя южныя окраины ея, т. е. Лукояновскій уѣздъ, не были лишены русскихъ поселковъ.

¹⁾ Бнягинино и Сергачъ въ XVII в. были еще селами Нижегородскаго уѣзда («Поволжье»... 285, 286—7).

²⁾ Иловайскій, «Истор. Рязанск. книж.», стр. 72—73.

³⁾ Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», т. V (изд. Смирдина 1852), стр. 50—52; Новгород. лѣтопись по списку Арх. ком. подъ 1378 г., изд. 1888 г., стр. 366.

⁴⁾ Карамзинъ, *ibid.* 52.

⁵⁾ Перетятковичъ, «Поволжье»... 277, 286—7.

⁶⁾ *Ibid.* 38.

⁷⁾ Грамота 1406 г. Василія Дмитріевича (изд. Руманцова).

⁸⁾ «Историч. очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губ.» Н. Демидова, стр. 11.

Кромѣ служилыхъ людей, важную колонизаторскую роль играли монастыри. Въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ напр. намъ извѣстна дѣятельность нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ монастырей, какъ Кириллова - Вѣлозерскаго, переводившаго на новыя своя вотчины крестьянъ изъ Вѣлозерскаго и Пешехонскаго уѣздовъ¹⁾, слѣдовательно изъ мѣстностей сѣверно-великорусскихъ («окающихъ»). Тоже самое слѣдуетъ сказать какъ о вольныхъ сходцахъ, такъ и о бѣглыхъ крестьянахъ, искавшихъ здѣсь убѣжища или на совѣтѣ дикихъ поляхъ или на земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ или новымъ служилымъ людямъ въ новомъ краѣ. Всѣ эти новые переселенцы должны были пестрить этнографическій составъ новаго края, какъ свидѣтельствуемъ напр. извѣстіе о вотчинахъ Новоспасскаго монастыря въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губ., на которыя приходили не только изъ уѣздовъ сравнительно ближайшихъ Саранскаго и Ломовскаго Пензенской губ., Арзамасскаго Нижегородской, но и болѣе отдаленныхъ, несомнѣнно, сѣверно-великорусскихъ (окающихъ)—Владимирскаго, Костромскаго, Юрьевскаго²⁾. Эта вольная колонизація могла начаться гораздо раньше оффиціальной, но о ней мы не имѣемъ болѣе раннихъ извѣстій.

Для колонизаціи Лукояновскаго края не безъ значенія также «будное майданное дѣло», т. е. выдѣлываніе поташа изъ золы, столь распространенное нѣкогда въ разныхъ мѣстностяхъ Тамбовской, Пензенской и Нижегородской губ. Этотъ промыселъ, извѣстный особенно въ XVIII-омъ столѣтіи, процвѣталъ уже и въ XVII-мъ. Имъ занимались преимущественно безземельные крестьяне, майданники³⁾, бывшіе въ Тамбовскомъ краѣ подъ командою Починковской поташной конторы. Интересно знать, о какихъ это Починкахъ идетъ рѣчь у Дубасова. Можетъ быть, это тѣ Починки, которые теперь извѣстны какъ заштатный городъ въ южной части Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ., хотя и нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ, такъ какъ слова Починки, Починокъ и т. п., какъ мѣстное названіе, означающее нѣчто початое, затронутое человѣческой рукой, особенно говоря о вырубленномъ мѣстѣ среди лѣсовъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ лѣсной или пограничной съ лѣсной полосы Россіи⁴⁾. Дубасовъ (стр. 95,

1) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Тамб. кр.», стр. 37, вып. 4-ый.

2) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Т. кр.» 39, 44, 45 (вып. 4).

3) Перетятковичъ, «Поволжье»... 285, 279 и др.; Дубасовъ, вып. 1, стр. 170.

4) На картѣ въ одномъ старомъ атласѣ (начала XIX столѣтія)—Заглавн. листъ утерянъ) отлѣчены Починокъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ. и Починки недалеко отъ верховьевъ р. Инсары въ Пензенск. губ., но оба эти села означены менѣе крупно, чѣмъ заштатный городъ Лукоян. уѣзда. О словѣ починокъ см. у Потебни, «К истор. звук.» IV, 22—23.

вып. I) упоминаетъ о проектѣ христіанскаго просвѣщенія Мордвы, принадлежавшемъ во второй половинѣ XVII-го в. поддьячему Починковской конторы (поташной) Василью Симонову. Будные станы упоминаются въ концѣ XVII-го в. въ этихъ мѣстностяхъ: въ 1678 г. напр. написаны въ переписныхъ книгахъ крестьяне села Сергача Нижегородскаго уѣзда, отецъ и сынъ, и сказано, что отецъ платилъ на будные станы по 2 четверти золы¹⁾. Слѣды этого промысла, на который шли преимущественно бобыли, въ нынѣшнемъ Васильскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. — Березовый и Огневъ Майданы, которые упоминаются еще въ XVII в. въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и самое названіе которыхъ указываетъ на занятіе ихъ жителей²⁾; въ Пензенской губ., недалеко къ востоку отъ Краснослободска, отмѣченъ на старинной картѣ «Поташной» (заводъ). Съ этимъ промысломъ въ народномъ преданіи связано основаніе нѣкоторыхъ селъ. Такъ напр. изъ «описанія села Елфимова Майдана Лукояновскаго уѣзда» священника Прогрессова³⁾ узнаемъ, что, по словамъ старожилловъ, это село получило такое названіе «отъ перваго поселенца Ефима, по народному нарѣчію Ялхима, который, поселившись въ дремучемъ лѣсу, на устьѣ рѣчки, занимался вареніемъ поташу изъ вязовой золы»... Въ связи съ этимъ промысломъ, кажется, находится и появленіе въ Лукояновскомъ уѣздѣ среди русскаго населенія особой этнографической группы, къ которой принадлежитъ населеніе Елфимова Майдана вмѣстѣ съ населеніемъ нѣсколькихъ смежныхъ съ нимъ селъ и деревень. Среди мѣстнаго населенія оно слыветъ подъ названіемъ «пановъ» или «бутаковъ» и на нашей картѣ отмѣчено оранжевымъ цвѣтомъ; первое прозвище характеризуетъ ихъ народность: это переселенцы изъ западныхъ губерній, второе — ихъ занятіе и указываетъ, мнѣ кажется, на то, что они были поселены первоначально преимущественно для выдѣлки поташа, если ставить это названіе въ связь съ «буднымъ» дѣломъ; но я долженъ сознаться, что для меня неясны какъ чередованіе *d* съ *m*, такъ и самая этимологія этихъ словъ. Относительно времени ихъ поселенія и мѣста ихъ выселенія трудно дать вполне опредѣленные свѣдѣнія. Можно бы было рѣшить это отчасти на основаніи разбора ихъ языка, но я принужденъ пока ограничиться тѣми данными, которыя сообщены въ Нижегородскомъ Сборникѣ. Эти данныя указываютъ на элементы бѣлорусскіе и малорусскіе; но то и другое отдѣлить не всегда легко, такъ какъ приходится считаться съ искаженіями малорусскихъ словъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ восточныхъ южновеликорусскихъ го-

¹⁾ Перетятковичъ, 285.

²⁾ Ibid. 279.

³⁾ «Нижегородскій Сборникъ», II, стр. 329—330.

воровъ, имѣющихъ много общихъ звуковыхъ чертъ съ западными своими собратьями говорами бѣлорусскими, такъ что иногда трудно рѣшить, есть ли известное произношеніе остатокъ рѣчи бѣлорусскихъ переселенцевъ (если таковыя вообще здѣсь были), или только южновеликорусское искаженіе, переименованіе малорусской рѣчи. Есть, однако, въ языкѣ «пановъ» и такія особенности, которыя несомнѣнно указываютъ на малорусскій элементъ, а съ другой стороны такія, которыя несомнѣнно указываютъ на элементъ бѣлорусскій, при чемъ то и другое такъ перепуталось и исказилось подъ вліяніемъ мѣстнаго великорусскаго, что получились отдѣльныя выраженія довольно безобразнаго смѣшаннаго характера, результатъ дѣйствія различныхъ звуковыхъ законовъ. Остановлюсь нѣсколько какъ на существующихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ мѣстными жителями, о народности упомянутой группы, такъ и на разборъ приводимыхъ въ статьяхъ Нижегородскаго Сборника словъ и особенностей произношенія «пановъ».

Н. И. Русиновъ въ статьѣ «Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губ.»¹⁾ приводитъ 6 деревень: Василевъ Майданъ, Новую Слободу, Дубровку, Пралево, Малиновку и Чиреси, называя жителей ихъ прямо Малоруссами, вызванными, вѣроятно, графомъ Разумовскимъ на пожалованныя ему земли изъ малорусскихъ губерній. Редакторъ Нижегород. Сборника Гацисскій въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева²⁾ говоритъ, что «при собраніи Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній объ иноплеменномъ составѣ населенія Нижегородской губ. (см. отчетъ о засѣд. комитета 1 іюня 1871 и 15 янв. 1873 г.) обнаружилось, что кромѣ названныхъ г. Русиновымъ шести селеній съ такъ называемымъ малорусскимъ типомъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ находятся еще 7 такихъ-же селеній: Кондрыкино, Михалковъ Майданъ, Елфимово (Елфимовъ Майданъ), Козаковка, Погиболка, Красная Поляна и Василевочка». . На нашей картѣ прибавлена еще 14-ая деревня Сергѣевка къ сѣверо-востоку отъ Погиболки. Гуляевъ и Прогрессовъ причисляютъ жителей этихъ селеній также къ Малоруссамъ³⁾. По ихъ свидѣтельству, окрестное русское населеніе зоветъ жителей этихъ селеній не только панами, но и поляками, польшей, литвой, ягунами²⁾. Но эти послѣднія прозвища, мнѣ кажется, говорятъ скорѣе въ пользу Бѣлоруссовъ, а не Малоруссовъ, такъ какъ Литвой обыкновенно называли въ старину Бѣлоруссовъ, которымъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ Южновеликоруссовъ идетъ и прозвище ягуновъ (отъ родит. п. ягò, вмѣсто малорус, ёгò, сѣверно-

1) «Нижегор. Сборникъ», II, стр. 20.

2) Ibid. V, 336.

3) Ibid. II, 318, 329.

великорус. ёвѡ и средневеликор. ивѡ); Малоруссовъ прозвали бы скорѣе ёгунами или всего скорѣе хохлами, какъ ихъ зовутъ Великоруссы вездѣ, гдѣ встрѣчаются съ ними; Даль даже называетъ въ числѣ трехъ говоровъ Нижегородской губ. особый ягѡтскій, лукояновскій и прибавляетъ, что это, по сосѣдству и по говору, Пензенцы, хотя различеніе только трехъ говоровъ въ Нижегородской губ. онъ приводитъ не отъ себя и не считаетъ его удовлетворительнымъ ¹⁾. Священникъ Гуляевъ въ статьѣ «Особенности въ говорѣ жителей села Василева Майдана» ²⁾ приводитъ рядъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно великорусскія или по крайней мѣрѣ не имѣютъ ничего спеціально западнорусскаго, другія свойственны одинаково малорусскимъ, бѣлорусскимъ и нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ нимъ южновеликорусскихъ говоровъ, и только очень немногія присущи спеціально бѣлорусскимъ, а еще менѣе малорусскимъ говорамъ; кромѣ того написаніе *а* вм. *о* и *я* вм. *е* (неударяем.) обличаетъ говоръ акающій, слѣдоват. или южно-великорусскій или бѣлорусскій. Говоря о принадлежности словъ той или другой группѣ говоровъ, я разумѣю также и ихъ форму и тѣ фонетическія особенности, которыя можно вывести изъ переданнаго авторомъ написанія. Къ сожалѣнію, авторъ лишь въ немногихъ словахъ означилъ удареніе, которое весьма характерно въ иныхъ случаяхъ, и о которомъ можно сдѣлать заключеніе лишь косвенно на основаніи измѣненія гласныхъ, возможнаго только при условіи ихъ неударяемости. Къ великорусскимъ я отношу: давѣча (т. е. дáвѣча), кесъ «кажется» и комлата вм. «комната», такъ какъ мнѣ неизвѣстно существованіе ихъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, и я не нашелъ ихъ въ имѣющихся у меня подъ руками словаряхъ Пискунова и Носовича; напротивъ, первое изъ нихъ весьма обычно во многихъ великорусскихъ говорахъ; второе, о которомъ я дальше намѣренъ сказать обстоятельнѣе, извѣстно во многихъ великорусскихъ говорахъ Нижегородской и частію Симбирской г.; третье обычно въ великорусскихъ, особенно восточныхъ говорахъ ³⁾. Кажется, также исключительно великорусскими надо признать: рочагъ (примѣры *о* вм. *ы* у Колосова въ «Обзорѣ» 93 исключительно сѣверновеликорусскіе); *спрячи* «приготовить», которое, вѣроятно, тоже, чтó въ словарѣ Даля «спрягчї калуужск. изжарить» ⁴⁾, и родственно съ великор.

¹⁾ «О нарѣчіяхъ русскаго яз.» LVІ при издан. Толков. Словаря 1879 г.

²⁾ «Ниж. Сборн.» V, 338.

³⁾ Колосовъ, «Обзор звуковъ и формальн. особ. н. р. яз.», 167 (что касается собственно измѣненія группы *ми* въ *ма* не только въ этомъ словѣ, то оно весьма обычно даже и во русскіихъ, а и во многихъ изъ южнославянскихъ говоровъ (сравни. серб. болг. млого).

⁴⁾ Впрочемъ въ бѣлорус. сравни. *прежчъ*, — *гу...* „п्राжїть, поджаривать въ маслѣ или салѣ.“ (Носовичъ) „Прежчъ яешню, цѣсто.“ Неясна этимологія этихъ словъ въ виду

прѣжитъ «жарить»; *жвѣты*, которое Колосовъ ¹⁾ отмѣтилъ во многихъ южно и восточно-великорусскихъ говорахъ (не только Воронеж, Курск., Орловск., Ливенск., Южновск., Холмск. Псков. губ., Ситварск., гдѣ бы можно было заподозрѣть вліяніе мало- или бѣло-русскихъ говоровъ, но и Горбатовск. Нижегород. губ., Ковровск. Владимир. губ., Чебоксар. Казан. г., Симбяр.), при чемъ Мотовиловъ ²⁾ также отмѣтилъ *жвѣтъ* въ Симбир. и Буинск. у. Симбир. губ.; только мнѣ кажется, что *ж* здѣсь не изъ *ж*, какъ думалъ Колосовъ, а изъ *ж*, и причину появленія *ж* (мягкаго) я вижу въ томъ, что въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ *ж* мягкое необычно, а здѣсь въ положеніи передъ мягкимъ сочетаніемъ *вѣ* (*евѣ*) и т. п. требовался мягкій звукъ, и вотъ вмѣсто мягкаго дифтонга *ж* явился мягкій *ж* подобно тому, какъ встрѣчается и *с* вм. *ц* ³⁾, такъ что въ одномъ случаѣ остается одна составная часть дифтонга *ж*, въ другомъ другая; что же касается бѣлорусск. твицѣли, твятѣчекъ, то, по мнѣнію Карскаго ⁴⁾, здѣсь *ж* представляетъ лишь орфографическую неточность. Общерусскими можно назвать слова: *нако*, *натѣко* «возьми»,—*те*, *николи* «никогда», *нягоже* «нехорошо» (разумѣется, кромѣ измѣненія *е* въ *я*, которое свойственно специально «акающимъ» говорамъ). Ничего нельзя сказать опредѣленнаго по поводу такихъ переименованій иностранныхъ словъ, какъ *облокать*, *двухакать*, *прокуронъ*. Бѣлорусско-южновеликорусскими можно признать: *Ахимья*; *воляди*, *поляка* «посмотри» (указыв. на произношеніе *е* какъ *ѣ* латин.); *встрѣлись*; *мянѣ*; *квакуха* «наседка» (въ словарѣ Даля: смолен.); *закутать* «затворить», *откутай* (вѣроятно, *аткутай*, какъ отмѣчено А. В. Ветуховымъ ⁵⁾ въ Старобѣльскомъ у. Харьковск. губ., также *аткутатъ* «отвори»; *Яхимъ*; *яшня* «яичница» (срв. *яецъ* въ Воронеж. Колосов. 118). Бѣлорусско-великорусскимъ слѣдуетъ признать также *ужо* «немного спустя», *ѣвъ* ⁶⁾ «онъ»—*яны*, *кушны* ⁷⁾). Общимъ для южновеликорус., бѣлорус. и малорусскаго являются: *у* вм. *в* въ выраженіи: *у лѣсъ*, также нѣкоторыя

серб. *прѣжити*, болг. *прѣжѣ* (Дювернуа), литов. *spirgiti* (Kurschat); срв. А. А. Потбни, К истор. звук. III, 118—114.

¹⁾ О. с. 180.

²⁾ „Симбирская мольва“ въ «Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Н.», т. XLIV, № 4 прилож. стр. 31.

³⁾ Колосов., О. с. 180.

⁴⁾ «Обзоръ звук. и формъ бѣлорус. рѣчи», 65.

⁵⁾ «Говоры слободъ Бахмутовки и Новой Айдары Старобѣльск. у. Харьк. губ.» (оттискъ изъ Р. Ф. В. 1893), стр. 2, 15.

⁶⁾ Колосовъ, Обзор. 130, Карскій, Обзоръ 57; также и въ сѣв. влорусс.: Соболевскій, Жив. Стар. 1892, вып. II, стр. 4.

⁷⁾ Колосов., *ib.*, 169 (и въ сѣв. великор.)

слова и формы: тымъ «тѣмъ», Хвѣдоръ¹⁾, чутко «слышно» (малор., бѣлор., а у Даля западн.), по малу «тихонько». Можетъ быть, къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести и отмѣченныя Далемъ, какъ южн. или южн. зап., завчоръ «третьяго дня», понька «шерстяная юбка» и сѣчка «тяпка». Восточно-малорусскимъ или южновеликорусскимъ по мягкости *р* надо признать поретуйся «подвинься» (основн. значен. «спасайся», «берегись»), хотя въ такой формѣ оно и въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича, но, вѣроятно, или по недоразумѣнію или взято изъ мѣстности нечисто-бѣлорусской. Бѣлорусско-малорусскимъ можно назвать: твердость *л* въ болше²⁾; гомонить «шумѣть» (предполагая соответствующія бѣлорусскому измѣненія *о* неудар. въ *а*); горщокъ (скорѣе бѣлорус., если измѣнить *о* неудар. на *а*, такъ какъ въ малорус., кажется, болѣе обычно горщикъ съ друг. суффиксомъ); кавзаться не «выѣзжать на показъ», какъ толкуетъ авторъ статьи, а «кататься» (по льду или на лошади), основное же значеніе «скользить» (чешск. klouzati³⁾); что касается *а* вм. *о*, то оно можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и переименованіемъ малорусскаго на южно-великорусскій ладъ; морква «морковь»; нярошъ «не трогай» (вѣроятно, искажено вмѣсто не рѣш, можетъ быть, подъ влияніемъ великорус. нетрош, т. е. не трожь «не трогай»); Пилипъ; перепечка; сховать; Прячистая «праздникъ Успенія Божіей матери» (вѣрнѣе, бѣлорус., какъ показыв. и *л* вм. *е*, само по себѣ впрочемъ неубѣдительное вслѣдствіе упомянутой возможности переименованія: въ малорус., по Пискунову, — всѣ Богородичные праздники, а въ бѣлорус. (Носовичъ) преимущ. Успеніе). Матушъ, вѣроятно, переименованіе на великорусскій ладъ бѣлорусско-малорусскаго матѹся. Можетъ быть, случайно только въ малорусскомъ словарѣ найдено мною кузня «кузница». Подпирязаться «подносываться» можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и великорусскимъ акающимъ (вромѣ неточности *о* вм. *а*) произношеніемъ малорусск. *підперезацця*. Кажется, специально бѣлорусскимъ надо признать слѣдующее: твердость *р* въ брытый (твердое *р* свойственно бѣлорусскому и частью западно-малорусск.; мягкое — восточно-малорус.); дычка (хотя удареніе не поставлено, однако по *ы* въ первомъ слогѣ нетрудно догадаться, что оно на концѣ, какъ въ малорусск. и бѣлорусскомъ въ этомъ словѣ, но измѣненіе безударнаго *о* въ *ы*⁴⁾ въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, свойственно именно

¹⁾ Колосов. 171; Будде приводятъ изъ Касимов. Ряз. г. (рецепція Соболевскаго въ «Жив. Стар.» 1893, II, 256).

²⁾ Карскій 59, Потемня «Два изслѣдов.» 130.

³⁾ *е* здѣсь изъ *а*.

⁴⁾ Карскій, «Обзор. яв. и ф. 52». Сравни также Шахматова, «Исслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 284—285.

бѣлорусскому: великорусск. переименованіе было бы дачкà, а не дычкà); мозагъ «мозгъ» (вѣроятно, слѣдуетъ читать мѡзак, у Носовича мѡзокъ не вполне вѣрно фонетически; малорус. мѡзок); попръже, прыткомъ (бѣлор. прѣдкѣй, малор. прѣдкѣй); переплавное—«прешоловенье»; особенно форма пьетъ «поеть», такъ какъ въ малорус., по крайней мѣрѣ восточномъ, форма *пѣ́, кажется, необычна, а обыкновенно только спѣае¹⁾, но въ бѣлорусск. именно первая форма и съ измѣненіемъ неудар. ъ въ я: пѣ́ю, пѣ́ешъ (словарь Носовича).

Редакторъ въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляена приводитъ еще замѣченныя членомъ статистической экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ несомнѣнно бѣлорусскія черты: 1) «дзяканье», спорадически встрѣчающееся впрочемъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ: дзядя, дзянуть (sic!), іонъ лгецъ 2) «господство у»: ваукъ²⁾; твердость р: трабуха вм. требуха, кручокъ, по рядомъ съ этимъ малорусск. «у сорожи на хвистѣ».

Преобладаніе бѣлорусскихъ чертъ, кажется, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе В. И. Даля, подтвержденное архивными разысканіями П. И. Мельникова, что это «таже мензелинская шляхта», т. е. Бѣлоруссы, поселенные здѣсь, какъ и въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ восточной Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ XVII столѣтіи³⁾, къ которымъ потомъ, можетъ быть, присоединились малорусскіе выселенцы въ XVIII в., когда эти земли были пожалованы графу Разумовскому, отъ котораго онѣ перешли къ князю Кочубею и Лубяновскому. Впрочемъ управляющій имѣніемъ кн. Кочубея г. Праль, по словамъ редактора Ниж. Сборника Гадисскаго, объяснилъ, что жители этихъ селеній были переселены «изъ литовскихъ губерній и принадлежатъ къ литовскому племени», но что документальныхъ свѣдѣній въ конторѣ имѣній не имѣется⁴⁾; эти слова опять указываютъ на Бѣлоруссію, которую смѣшивали съ Литвой. Къ сожалѣнію, я еще не имѣлъ пока возможности непосредственно познакомиться съ этими интересными гѡворами и провѣрить приведенныя данныя, а также убѣдиться, на сколько сохранились

¹⁾ Впрочемъ А. А. Потѣбня говорилъ, что спѣаю, т. е. *въ с-пѣваю («Два изслѣдованія» 135, «Разборъ сочин. Житкецаго» 63, «Слово о полку Игоревѣ» 20, «Объясненія малорусскихъ и сродн. пѣс.» «II, стр. 58, сноска) употребляется о людяхъ, а пію о животныхъ. Послѣднее во всякомъ случаѣ встрѣчается въ правобережной Украйнѣ (у Номиса въ «Українські приказки, прислів'я»... стр. 118: як уміем, так и піем со ссылкою на Бердичевъ и Радомысль) и въ галицкомъ (у Головацк. въ Сборникѣ: чому кури не пѣсте? ч. I, стр. 44).

²⁾ Странно а вм. о подъ ударен.; не родит. ли падежъ ваукà? (вмѣсто *волкà съ такимъ удар. въ южновеликор.)

³⁾ Ниж. Сборн. V, 337; Рус. Вѣсти., мартъ 1873, 290—291. О поселеніи Полоцкой шляхты въ Закамской сторонѣ въ 1668 г. у Перетятковича, стр. 258.

⁴⁾ Нижегород. Сборн. V, 337.

еще въ этихъ говорахъ западно-русскія особенности; но неудовлетворительность записаннаго ясна уже изъ того, что напр. ничего не сказано о произношеніи *z* (какъ лат. *z* или какъ лат. *g*). Прибавлю, что нѣкоторыя западно-русскія слова находимъ тоже въ деревняхъ, не отмѣченныхъ цвѣтомъ «паповъ». Такъ въ Ульяновкѣ, отмѣченной на картѣ съ говоромъ «среднимъ между *a* и *o*» (въ юговосточной части Лукояновскаго уѣзда, на рѣкѣ Инсарѣ), что вполне совпадаетъ съ описаніемъ ея говора священника Добровракова ¹⁾, указаны въ этомъ описаніи слова *ба жа ю* (желаю) и *сховать* (спрятать).

Такимъ образомъ, на сколько намъ позволяютъ судить историческія данныя, русское населеніе Лукояновскаго края составилось изъ переселенцевъ изъ различныхъ губерній, хотя господствующій типъ его долженъ былъ обусловиться населеніемъ сосѣднихъ, ближайшихъ мѣстностей. Но, кромѣ старыхъ поселеній, время и происхожденіе которыхъ въ точности неизвѣстно, мы изъ приложенныхъ къ нашей картѣ примѣчаній узнаемъ точно, откуда именно выселены жители нѣкоторыхъ сель. Источникъ свѣдѣній, сообщаемыхъ составителемъ карты, мнѣ неизвѣстенъ, но приведу эти свѣдѣнія, какъ они записаны вмѣстѣ съ сообщеніемъ нѣкоторыхъ особенностей рѣчи. Эти свѣдѣнія вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ исторіи сосѣднихъ мѣстностей—Тамбовскаго края съ одной стороны и средняго и нижняго Поволжья съ другой, и что мы предположили только по аналогіи для занимающаго насъ края.

„Дер. Мерлинка—часть жителей (28 семействъ) переселенцы изъ Тульской, Рязанской и Калужской губерн. Калужане говорятъ яго.

Дер. Волчиха—почти всѣ переселенцы изъ Тамбовской губ.—говор. на *o* (ѣнь-то); остальные, здѣшніе жители, говор. на *a*.

Дер. Надѣжино переселенцы изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда. Говорятъ: вмѣсто корецъ—цапальникъ, мастюга (мал. горшоѣ).

Дер. Петровская—переселенцы изъ Пензенской и Тамбовской губ.; говорятъ на *a*, съ цоканьемъ; переселенцы же изъ Сергачскаго уѣзда говорятъ на *o* и не цоканютъ.

Дер. Елховка—переселенцы изъ Княгин. уѣзда говорятъ чисто на *o*.

Дер. Ворякушка—выселокъ изъ села Крюши (Лук. уѣзда) и Пензенской губерніи (деревни Мелызанъ), говор. на *a*, прицоккиваютъ.

Село Рождествено. Есть переселенцы изъ Суздаля (80 лѣтъ²⁾ ³⁾, говоръ на *o* и *a*. Употребляютъ въ будущемъ времени сягѣтъ вм. сягнетъ; жжетъ вм. ждетъ; друген.

¹⁾ Этнограф. Сборн., издав. Имп. Русск. Географ. Общ., вып. 1 (Спб. 1853), стр. 35—37.

²⁾ Последнее слово въ рукописи неясно.

Дер. Березовка выселокъ изъ Пузы (Лук. уѣзда) и частію изъ Курской губерніи.

Село Николай - Даръ—переселенцы изъ Рязанской губерніи.

Д. Мал. Силино—Семеновскаго уѣзда, говор. чисто на *о*.

Д. Орловка—часть Мордвы и переселенцы изъ Орловской губ., гов. на *а* (яго).

Д. Нелей

Д. Елевъ Врагъ } выселокъ изъ Пензенской губерніи.

С. Рубцово—коренные жители гов. чисто на *о*, а переселенцы изъ села Саятовки (Лук. уѣзда) гов. на *а* и цокають; вмѣсто *мъ* говор. *ѹ*: дѣлазь, работазь и пр.

С. Теплое—говоръ на *а*; сильно акають, говорятъ гажй вм. гожи, чаво и проч.; въ среднемъ родѣ употребляютъ прилагательное женскаго рода «какая добро»; употребляется слово батманчикъ (10 фунтовъ).

С. Шелангъ—гов. на *а*; вмѣсто оскудѣли—искудѣли.

С. Акаево—сильно акають, говор. магѣшь, мельницывъ.

С. Пеля Хованская—цокають и чвакають, но не сильно. Говорять кесъ вмѣсто кажись.

С. Пеля Казенная (на *а*)—цокають и употребляютъ кесъ, перинѣкъ (паренекъ), сѣновъ и пр.

Д. Степановка (на *о*)—цокають, говорятъ: удоблять землю.

С. Ильинское (на *а*)—цокають, говорятъ: шѣлга (рычагъ).

Б. Пуза (на *о*)—цокають; толика вмѣсто часть, сустанетса (станеть), рукомесло (ремесло)».

Къ сожалѣнію, всѣтаки эти свѣдѣнія о переселенцахъ далеко не полны, и, какъ видимъ, составитель о многихъ селахъ не могъ сказать, откуда выселены ихъ жители, и ограничивался указаніемъ особенности ихъ произношенія или словаря. Нѣкоторыя свѣдѣнія о переселенцахъ находимъ также въ статьѣ о Лукояновскомъ уѣздѣ Н. И. Русина. Именно, тамъ говорится (стр. 27, Ниж. Сборн., т. II): «Въ Лукоян. у столько было и есть въ настоящее время (т. е. въ концѣ 60-хъ годовъ) незаселенныхъ площадей, что съ-издавня уѣздъ привлекалъ къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ мѣстъ... юго-западный край какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ состоялъ только изъ двухъ деревень Шутилова и Обуховки, тогда какъ нынѣ онъ составляетъ двѣ волости и 14 деревень¹⁾, изъ нихъ: Орловка вывезена изъ Орловской губ., Бутцкое изъ Княгининск, уѣзда, Пруды и Гремячка изъ Василевской волости Лукоян. у.,

¹⁾ Срв. Соболевскаго, Жив. Старина, 1892, вып. I, стр. 21 и сноски 7.

Елховка—ч. изъ Пензенской губ., ч. изъ Княгин. у., Петровка изъ Обуховки, Григорьевка—изъ Пензенской губ., Чеварда изъ Княгининск. у., Русиновка изъ Тамбовск. губ., изъ Макарьевск. и Княгининск. у Нижегородск. губ., Елевъ Врагъ изъ Пензен. губ., Василевъ Врагъ (его нѣтъ на нашей картѣ) изъ Шутилова и Нелей изъ Пензен. губ.»... Эти свѣдѣнія частію повторяютъ и подтверждаютъ нѣкоторыя изъ находящихся у насъ, частію даютъ нѣчто новое.

Мы должны обратить вниманіе на то, что есть переселенцы *окаюціе* изъ завѣдомо *окающихъ* губерній, напр. о селѣ Николай Даръ, окрашенномъ въ черный цвѣтъ, слѣдоват. *окающемъ*, сказано: «переселенцы изъ Рязанской губ.» Но если мы замѣтимъ при этомъ, что въ тотъ-же черный (*окающій*) цвѣтъ окрашена деревня Недѣжино, переселенная изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда, и что съ другой стороны этотъ Егорьевскій уѣздъ занимаетъ самую сѣверную лѣвобережную заокскую часть губерніи, смежную съ *окающими* восточными частями (Богородскій уѣздъ) Московской и западными частями Владимирской губ., завѣдомо *окающей*, исключая нѣкоторыхъ самыхъ южныхъ ея мѣстностей, примыкающихъ къ Тамбовской и Касимовскому уѣзду Рязанской губ., то мы можемъ предположить, что и переселенцы села Николай-Дара, какъ и переселенцы Надѣжина, были изъ сѣверной, смежной съ *окающими* мѣстностями и, вѣроятно, также *окающей* части ¹⁾ Рязанской губ., хотя, къ сожалѣнію, мы объ уѣздѣ переселенцевъ перваго не находимъ точныхъ указаній. Изъ списка узнаемъ также, что деревня Волчиха, окрашенная на картѣ въ красный (*окающій*) цвѣтъ, имѣетъ *окающихъ* переселенцевъ изъ Тамбовской губ., и что только здѣшніе жители говорятъ на *а*; что и въ Тамбовской губ., въ большинствѣ *окающей*, въ нѣкоторыхъ, особенно сѣверныхъ, уѣздахъ могутъ встрѣтиться *окаюціе* говоры,—это несомнѣно, если обратимъ вниманіе на исторію колонизаціи этого края (срв. «Очерки»... Дубасова); къ сожалѣнію только, наше невѣжество въ діалектологіи заставляетъ насъ предполагать, а не утверждать навѣрно. ²⁾

¹⁾ Мы вѣдемъ, что замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго о несомнѣнности сильнаго *оканья* даже сѣверныхъ говоровъ Рязанской губ. слишкомъ рѣшительно (Жив. Стар. 1892, вып. I, стр. 18). Правда, по Будде («Къ діалектологіи великор. нарѣч.», ред. Соболевскаго въ Ж. Стар. 1893, II, 256) и въ Касимовск. у. *окаютъ*, но нельзя навѣрно утверждать, чтобы въ сѣв. части напр. Егорьевскаго у. не встрѣтилось *окающихъ* селъ. Самъ Соболевскій считаетъ исконными сѣверно-великорусскія черты, встрѣчающіяся въ смѣшеніи съ южно-великор. въ Касимовскомъ говорѣ.

²⁾ О говорахъ Тамбовской губ. слѣдуетъ сказать тоже, что проф. Соболевскій замѣтилъ объ *окающихъ* говорахъ Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. (Ж. Ст. 1892, I, 21); среди *окающихъ* говоровъ здѣсь могутъ встрѣтиться говоры съ мѣной *и* и *ч*, *оканьемъ* и друг. сѣверными чертами; онъ самъ приводитъ извѣстіе изъ Тамб. вѣдом. о выселенцахъ въ Спасекій уѣздъ съ сѣвера (изъ Пошехонскаго и Бѣлозерск. у. (ibid. сноска 7).

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Русиновымъ, узнаёмъ, что село Русиновка, окрашенная въ окающій цвѣтъ, имѣетъ переселенцевъ не только изъ Тамбовской г., но также и изъ завѣдомо окающихъ Макарьевского и Княгининскаго (въ послѣднемъ оканье только мѣстами въ южной части) уѣздовъ Нижегородской губ.

Изъ приложенныхъ къ картѣ свѣдѣній мы узнаёмъ также, что такъ называемые ягуны могутъ не совпадать съ панами и поляками и т. п., т. е. могутъ быть переселенцами не изъ Бѣлоруссiи, а изъ центральныхъ, южновеликорусскихъ губерній (Калужской, Орловской, Курской); а бѣлорусское измѣненiе *та* въ *за* находимъ въ селѣ Рубцовѣ у переселенцевъ изъ села Саитовки. Откуда выселились жители послѣдней, мы не знаемъ; можетъ быть, это тоже остатокъ нѣкогда бывшихъ здѣсь бѣлорусскихъ поселенiй.

Я уже упоминалъ выше, что оканье кроется, вѣроятно, въ терминѣ «говоръ среднiй между *а* и *о*», употребленномъ составителемъ карты. По терминологiи проф. Соболевскаго это говоры «умѣренно окающiе». Дѣйствительно, въ Ульяновѣ, по описанiю Доброзракова, сильно распространено оканье, т. е. измѣненiе неудар. *е* (изъ первонач. *е* и *я*) въ *и*, при чемъ это измѣненiе чередуется съ измѣненiемъ *е* послѣ шипящихъ въ *а* (чавѣ, жовѣтъ при землѣ, градѣ и т. п.)¹⁾. Такое-же оканье извѣстно и во многихъ говорахъ Сергачскаго и Курмышскаго²⁾ уѣздовъ, напр. въ описанномъ мною въ «Archiv für slav. Philologie» X, 350—351 говорѣ села Теплаго Стана, гдѣ также послѣ шипящихъ и *ј* въ слогѣ передъ ударенiемъ вмѣсто *и* является *а* (примѣры изъ моей замѣтки извлечены и приведены проф. Соболевскимъ на страницахъ «Живой Старины»). Такiе среднiе говоры должны быть особенно свойственны полосѣ переходной отъ сѣверновеликорусскаго къ южновеликорусскому нарѣчiю. Въ этой переходной полосѣ и лежатъ южные уѣзды Нижегородской и западные Сибирской губ. Иногда болѣе или менѣе точными границами служатъ рѣки³⁾. Такъ въ Курмышскомъ уѣздѣ такой границей служить рѣка Пьяна, къ сѣверу отъ которой окають, къ югу же почти

¹⁾ Этногр. Сборн. I, 35, Соболевскiй въ «Жив. Старинѣ» 1892, 1, стр. 22.

²⁾ «Жив. Стар.» *ibid.*

³⁾ Какъ иногда трудно провести границы сѣверно и южно-великорусскихъ говоровъ доказываетъ замѣчанiе Колосова, что во Владимирской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу, т. е. наоборотъ ожидаемому («Замѣтки о яз. и народн. поэзиі въ области сѣв. великор. нарѣч», 288). А. А. Шахматовъ, однако, указываетъ на то, что окающiе говоры (*и* въ нихъ въ закрытаго *е* послѣ небныхъ согласныхъ) одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверно-и въ южно-великор., т. е. соединяться съ оканьемъ и съ оканьемъ («Исслѣдов. въ области русской фонетики», стр. 199—202...). Болѣе заслуживаютъ названiя говоровъ «среднихъ между *а* и *о*» говоры «неокающiе», т. е. сохраняющiе въ слогѣ передъ удареннымъ *о* склоненiе къ *а* (*ibid.*, стр. 263).

исключительно *окаютъ* (*окающіе* говоры, какъ Олферьевскій у истоковъ Пьяны, составляютъ здѣсь исключеніе, встрѣчающееся, однако, и южнѣе, въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ.). Тоже приблизительно относится и къ западному сосѣду Курмышскаго уѣзда, къ лежащему также въ бассейнѣ рѣки Пьяны уѣзду Сергачскому Нижегородской губ., хотя, судя по упомянутой въ началѣ нашей статьи неполной картѣ, въ самой южной части уѣзда, прилегающей къ Лукояновскому, довольно много «окающихъ» селъ. Въ слѣдующемъ, лежащемъ въ бассейнѣ р. Пьяны къ западу и сѣверо-западу отъ Сергачскаго Бнягининскомъ уѣздѣ (центральномъ въ Нижегородской губ.), по описанію, приложенному къ картѣ, въ сѣверной части р. Пьяны *окаютъ*, а въ изгибѣ Пьяны «оканье слабѣе, выговоръ ближе приближается къ нашему» и одно село (Инкино) *окаеть*. Хотя Лукояновскій уѣздъ находится южнѣе этихъ трехъ уѣздовъ и идетъ параллельно съ Ардатовскимъ Симбир. губ., всетаки и тамъ, какъ видимъ изъ карты и описанія, *оканье* перемѣшано съ *оканьемъ*, но *окающихъ* селъ больше къ югу отъ р. Алатыря, чѣмъ къ сѣверу отъ него, и въ самомъ Лукояновѣ, лежащемъ въ сѣверо-западномъ углу уѣзда, *окаютъ*.

Кромѣ общей характеристики говоровъ въ объяснительной запискѣ, приложенной къ картѣ, находимъ и приведенныя, правда, безъ всякой системы, отдѣльныя слова и выраженія (формы), употребительныя въ данной мѣстности. Обращу вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ.

О селѣ Рождественѣ сказано, что тамъ употребляется въ будущемъ времени *сягѡт(ъ)* вм. *сягнетъ*; эту форму 3 л. ед. ч. я произвожу отъ перво-образной основы *сяг-* (—ст.-сл. *сѧг-*) безъ суффикса *н*, которую находимъ въ глаг. *досѧчѣ*—*досѧгѹ*. Особенность образованія здѣсь въ томъ, что *г* передъ *е* осталось несмягченнымъ, а *е* подъ удареніемъ измѣнилось въ *о*, вѣроятно, черезъ посредство *ѣ*. Въ отношеніи неизмѣняемости гортаннаго въ шипящій и переноса ударенія на суффиксальный слогъ подъ влияніемъ ф. 1 л. (сравни. *досѧгѹ*—*досѧжетъ*), а можетъ быть, вѣрнѣе сказать, въ отношеніи удержанія ударенія на суффиксальномъ слогѣ, если считать, что въ *мѡжешъ* при *могѹ* удареніе отодвинуто назадъ ¹⁾; эту форму слѣдуетъ сопоставить съ формой *магѣш(ъ)*, т. е. *могѣшъ, вм. *мѡжешъ*, употребляемой въ селѣ Акаевѣ.—Тамъ-же говорится «*жжетъ*» (вѣроятно, *жжот*)

¹⁾ По мнѣнію Ф. О. Фортунатова, *мѡжешъ* и серб. *мѡрешъ*, *мѡресъ* болѣе древнимъ удареніемъ, чѣмъ рус. *могѹ*, серб. *штокав. мѡгу*, такъ какъ наоборотъ суф. 1 л. ед. ч. ст.-слов. ж рус. серб. (въ немногихъ глаголахъ) у съ первонач. длительной долгой перетянутой на себя удареніе еще въ общесловенскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего берѹ, могѹ (ст.-сл. берѣж, могѣж) при греч. *φέρω* и т. н. Слѣдов. вѣрнѣе сказать, что удареніе въ *магѣшъ* подъ влияніемъ *могѹ*.

вм. «ждетъ» (вѣроятно, точнѣе вмѣсто ждѣт или жцѣт, употребляя для сложнаго звучнаго *дж*, соответствующаго невзвучному *ц*, сербскій знак *ц*)¹⁾.

Форма «други» (несомнѣнно, другѣи съ удареніемъ на *е*) указываетъ на очень интересное явленіе въ склоненіи прилагательныхъ, а именно на то, что вм. звука *ы* при удареніи на немъ является послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ гортанныхъ, звукъ *э*, т. е. *е*, не смягчающее предыдущаго согласнаго, послѣ же гортанныхъ вмѣсто *и* (изъ древне-русскаго *zi*) другихъ говоровъ является *е*, смягчающее предыдущій согласный, т. е. качество гласнаго *ѣ*, замѣнившаго *и*, зависящее отъ качества предыдущаго согласнаго. Эти *э* и *е* проходятъ затѣмъ по всѣмъ падежамъ множ. ч., захватывая творит. и мѣстн. пад. муж. и средн. р. единственнаго: худѣи, простѣи, толстѣи, молодѣи, гнилѣи, сырѣи, бол'шѣи (*и* въ этихъ говорахъ твердо) и т. п., худѣх и т. п.,—ѣм,—ѣми. и т. д., мѣстн. един. *ѣ* худѣм, *е* гнилѣм и т. п., но такѣи, другѣи,—ѣх,—ѣми (глухѣм и дорѣгѣми), *ѣ* такѣм мѣс'тѣ и т. п.²⁾

Формы эти очень распространены въ разныхъ говорахъ средней полосы какъ овающихъ такъ и акающихъ. Колосовъ³⁾ напрасно называетъ эти говоры имѣющими отгнѣнокъ бѣлорусскаго нарѣчія. Если-бы это было такъ, то пришлось бы признать бѣлорусскій отгнѣнокъ едва ли не во всѣхъ говорахъ средне-вожскаго бассейна. Самъ Даль⁴⁾ приписываетъ формы *и* и *ѣи* (вѣроятно, *и* и *ѣи*), *с*ухѣи, правда, мѣстами, всей лежащей на правомъ берегу Волги полосѣ Нижегородской губ. (Горбат., Нижегород., Княгини, Вас. у.), мнѣ же удалось слышать ихъ, кромѣ говоровъ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. (на *о* въ сѣв. части, на *а* въ южн. ч.) и Нижегородской губ. (Василь-Сурскаго, Макарьевского и случайно отъ крестьянки села Павлова

¹⁾ Я употребляю знакъ *ѣ* для известнаго звука, близкаго къ *о*, но нетождественнаго съ нимъ не только въ томъ отношеніи, что онъ слѣдуетъ за небнымъ согласнымъ, но и въ самомъ характерѣ звука. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой весьма важной статьи О. Е. Корша «Beobachtungen über die Aussprache des russischen» (Archiv für slav. Philologie III, 666—684), гдѣ опредѣленъ характеръ звука *ѣ* (вмѣсто *е* въ известныхъ случаяхъ) въ московскомъ нарѣчіи.

²⁾ Я позволю себѣ оставлять при записываніи особенностей говоровъ букву *ъ* пока еще не выяснено окончательно, дѣйствительно ли *ъ* вполне совпадаетъ съ *е* въ данномъ говорѣ, предполагая подъ *ъ* звукъ, близкій или тождественный съ *е*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе *ъ* для меня представляется важнымъ при указаніи нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей говоровъ.

³⁾ «Обзор. звуков. и формальн. особенностей народн. русск. яз.», 229.

⁴⁾ «Θ нарѣчіяхъ», 56—58.

Горбатов. у.), также и отъ крестьянъ Владимирской г. Покровскаго у. ¹⁾ (въ Москвѣ въ военномъ госпиталѣ), Тверской Корчевскаго ¹⁾ у. (въ Петербургѣ, въ клиникѣ Вилье) и Оренбургской ¹⁾ г. (случайно въ вагонѣ желѣзной д.). Кромѣ того, странно было предполагать въ этомъ явленіи вліяніе того нарѣчія, въ которомъ подобныхъ формъ до сихъ поръ не было извѣстно, когда ихъ возможно объяснить фонетическими и морфологическими причинами, вытекающими изъ свойствъ мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ. Бѣлорусскимъ отгѣнкомъ можно было бы назвать именит. п. един. ч. муж. р. или дат., твор. и мѣстн. един. жен. р. на эй, такъ какъ подобныя формы были извѣстны уже давно въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ ²⁾, но послѣдніе какъ разъ не знаютъ наши говоры. Только въ послѣднемъ недавно вышедшемъ трудѣ Карскаго ³⁾ находимъ формы множ. ч., почерпнутыя изъ Сборника Романова съ указаніемъ на Сѣвнскій и Оршанскій уѣзды, на эя (—ѣя) и т. п.: половэя, старэя, чу жея, лубяняя, такэя. Въ болѣе раннемъ трудѣ Карскаго «Обзоръ звуковъ и формъ»... я ничего подобнаго не находилъ. Но и теперь, когда въ области бѣлорусскаго нарѣчія стали извѣстны подобныя формы, я не вижу никакой необходимости это совпаденіе нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ со средне-великорусскими объяснять непременно вліяніемъ первыхъ на послѣдніе, такъ какъ и въ тѣхъ и другихъ эти формы могли развиваться вполне самостоятельно. Я уже предложилъ объясненіе этихъ формъ въ «Archiv für slavische Philologie» X, 350, гдѣ я призналъ въ нихъ явленіе не фонетическое, а морфологическое. Я именно вижу здѣсь вліяніе мѣстоименныхъ формъ, какъ тѣ—тѣх, одиѣ—одиѣх, моѣ, твоѣ, моѣх, твоѣх, —ѣм, —ѣми и т. д., употребительныхъ въ тѣхъ же говорахъ; этимологическое ѣ въ нихъ доказывается какъ произношеніемъ (не е) такъ и исторіей русскихъ и другихъ словянскихъ нарѣчій. Что касается формъ косвенныхъ падежей, то ѣ здѣсь было уже въ древне-русскомъ и старословянскомъ; напомнимъ нѣсколько примѣровъ изъ древне-русскаго, напр. Новгород. I лѣтописи по Синодальн. списку (фототипич. издан.): онѣмъ (дат. множ.) 179, 193, самѣхъ 203, инѣхъ 35, 36, 41, 42, 81, 141 и мн. др., одинѣхъ 178, хотя нерѣдко и по образцу склоненія слитныхъ прилагательныхъ: онѣхъ 77, 180, инѣхъ 171, 181, 190 и др.; не говорю объ обще-извѣстныхъ въ др.-русскомъ, старо-славянскомъ и другихъ словян-

¹⁾ Эти три говора на о.

²⁾ Карскій, Обзоръ зв. и формъ бѣлорус. р., 137; Потебня, Два наслѣдованія, 59. Колосов., Обзор. 225, 229.

³⁾ «Къ истор. зв. и формъ бѣлорус. рѣчи» (Рус. Фил. Вѣстн. 1893, № 3, стр. 64, 57).

скихъ нарѣчійхъ тѣхъ, въ сѣхъ ¹⁾) и т. д. Эти формы косвенныхъ падежей дѣйствовали съ одной стороны на формы косвенныхъ падежей другихъ мѣстоименій, гдѣ по фонетическимъ условіямъ должно было явиться *и* вм. *ъ*, а съ другой стороны на формы именит. множ., гдѣ также искони и въ твердыхъ основахъ по известной причинѣ (изъ дифтонга *oi* съ длительной долготой, по мнѣнію проф. Ф. Θ. Фортунатова) являлось *и* вмѣсто *ъ*; такимъ образомъ въ діалектахъ явились съ одной стороны формы сѣхъ(ъ), моѣхъ(ъ) и т. п. вмѣсто старыхъ сихъ, моихъ и т. п. (отъ имен. ед. съ, мой и т. п.), напр. уже въ XV-мъ столѣтіи: въ сѣхъ строкахъ Послан. духовенства къ Шемякѣ 1447 г.), въ XVI-мъ в.: до сѣхъ мѣстъ (рѣчь патр. Іова 1598 г.) ²⁾, сѣми часы (письмо В. кн. Василія III къ супругѣ Оленѣ 1526—1530) ³⁾, въ XVII в. по сѣхъ мѣстъ (куранты 1665 г.) ⁴⁾, въ соврем.: по сѣхъ пор (слышано мною въ дер. Плетникѣ Василь-Сурскаго у. Нижегородской губ.), моѣхъ, моѣмъ твоѣхъ и т. п. (въ разныхъ говорахъ Нижегородской и частию Симбирской губ.), съ другой стороны имен. множ. онѣ, тѣ, однѣ, всѣ и т. п. вмѣсто они, ти, *одни, вси и т. п., далѣе при моѣхъ также моѣ и т. п., сѣ при сѣхъ. Кроме того, имен. падеж. множ. ч. на *и* породилъ и въ косвен. падеж. формы съ *и* вм. *ъ*, которыя являются довольно рано: въ древ. новгородскомъ нарѣч. всімъ, всіхъ, всеми, всемъ, тимъ (твор. едн.), тимъ, тими ⁵⁾, соврем. бѣлорус. всіхъ, всеми ⁶⁾ и т. п., соврем. литерат. однихъ и т. п. Я не могу согласиться съ проф. Соболевскимъ, что формы тѣ, однѣ, самѣ (уже въ памятникахъ ⁷⁾ XIV в.) вызваны формами всѣ, сѣ, которыя, какъ и моѣ, суть собственно формы стараго винит. п. множ. ч. ⁸⁾ (*ъ* изъ сочетан. гласн. съ носовымъ, соотвѣтственно съ

¹⁾ По предположенію проф. Ф. Θ. Фортунатова и А. А. Шахматова, формы множ. ч. и нѣкоторыя едн. ч. (твор. въ сѣмъ) этого мѣстоименія предполагаютъ имен. *въхъ = литов. *vīsa*; при такомъ предположеніи является понятнымъ *ъ* вм. *и*, ожидаемаго отъ мягкой основы въ сѣ: въ сѣхъ при *въхъ тоже, что въ сѣхъ при въахъ; кроме того, ф. сѣ *и* доказана примѣрами изъ др.-русскаго: Новгород. I глѣт., стр. 175 въ х е о л ѣ, грам. Варлаама Хутын. 1192 г. въ хо у (вин. ед. жен. р.); что касается въ сѣ, то оно образовано такъ-же какъ и отъць, къ нѣ с ѣ и т. п.

²⁾ Христом. Пеннинскаго 1843 г., стр. 409 (изъ актовъ, издан. Археограф. ком.).

³⁾ Ibid. 384.

⁴⁾ Буславъ, Историч. христомат. 754.

⁵⁾ Ibid. 1143.

⁶⁾ Шахматовъ, О языкѣ Новгород. грамотъ, 195.

⁷⁾ Соболевскій, Лекція, 135; Карскій, Обзоръ зв. и ф. бѣлор. р., 135.

⁸⁾ «Исслѣдованія въ области русской грамматики», 35. Нѣчего напоминать о томъ, что различіе въ правописаніи литературнаго языка они и онѣ, одни и однѣ по родамъ не имѣютъ ни малѣйшей научной подкладки.

⁹⁾ Соболевскій, Лекція 1, стр. 140, Исслѣдованія въ обл. рус. грам. 15; Колосов., Обзоръ зв. и ф. особ. 238.

старослов. ѡ); напротивъ, я думаю, что удержаніе формы винит. п. на *ъ* въ послѣднихъ обязано вліянію *ъ* въ первыхъ, въ которыхъ оно обязано косвеннымъ падежамъ; кромѣ того, *ъ* въ формѣ всѣ, хотя и могло бы считаться формой вин. мн., какъ сѣ и моѣ, но естественнѣе выводимо изъ косвенныхъ пад. наравнѣ съ тѣ и т. п. Въ отдѣльныхъ великорусскихъ говорахъ вліяніе этого *ъ* распространяется и далѣе, вслѣдствіе чего являются формы, какъ *с'* кѣх пор (вм.—воих—) въ Курмыш. у. Симбир. губ., гдѣ звукъ *е* нельзя объяснять какъ результатъ стяженія *ои*, а скорѣе какъ перенесеніе изъ формъ тѣх, сѣх и т. п.; мнѣ кажется, что, еслибы въ корнѣ этого мѣстоименія былъ согласи. негортанный, то вм. *е* (*ъ*) мягкаго явилось бы *э* (*е* твердое). Въ тѣхъ-же великорусскихъ говорахъ употребительны и вышеуказанныя формы прилагательныхъ, въ которыя вслѣдствіе поздняго ихъ происхожденія мѣстоименный звукъ *е* (этимологич. *ъ*) перешелъ, не измѣнивъ твердаго характера предшествующаго согласнаго, обусловленнаго слѣдующимъ за нимъ *ы* или *о* (въ мѣстн. п. един. ч.); такимъ образомъ, по моему мнѣнію, худѣх и т. д., а затѣмъ и худѣи возникли по образцу тѣх—тѣ, а вслѣдствіе частаго смѣшенія формы мѣстн. над. съ ф. творит. (сравн. въ тѣхъ-же говорахъ: с'нѣм вмѣсто с'ним и на оборотъ в нем, фтѣм вм. в нѣм, в том) и въ мѣстн. един. является худѣм по образцу тѣм.

А. А. Потебня, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ формъ въ послѣдній годъ его жизни весною 1891 г., не могъ согласиться съ моимъ объясненіемъ потому, что при дѣйствіи аналогіи онъ ожидалъ бы полнаго совпаденія, т. е. не только звукового характера *е*, но и смягченія предшествующаго ему согласнаго, а именно напр. * худѣх, а не худѣх; какъ извѣстно, Потебня не любилъ злоупотреблять объясненіями помощію аналогіи, а потому и здѣсь онъ предпочелъ увидать стяженіе, можетъ быть, изъ формъ * худѣех, * молодѣех (—нѣх?), подобныхъ формамъ тнѣх, добрыхъ или ситск. горькіеф, чужіеф ¹⁾ и т. п., молодыемъ робятам ²⁾ Череп. Новг. г.

Дѣйствительно, говоры праваго берега средней Волги (особенно Нижегородской и Симбирской губ.) богаты примѣрами стяженія; въ говорахъ Курмышскаго уѣзда, напримѣръ, весьма обычны формы: знат вмѣсто знаѣт, мот, мом, вмѣсто мѣѣт, мѣѣм, цалѣт вмѣсто цѣлѣует и т. п., гдѣ второй неударяемый гласный всецѣло поглощается первымъ ударяемымъ, и

¹⁾ Исслѣдованія въ области рус. грам., 74.

²⁾ Колосов, Обзор. звук. и форм. особ., 229, 99—100.

даже пѣхъл вмѣсто поѣхалъ (ѣ), гдѣ второй ударяемый гласный ассимилируетъ себѣ первый неударяемый, сохраняя его твердый характеръ, пыжжѣй вмѣсто поѣжжѣй, гдѣ сочетаніе неударяемаго о, которое, находясь за два слога передъ слогомъ ударяемымъ, должно было измѣниться въ глухой звукъ (з), съ неударяемымъ е (ъ), въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударяемому измѣнившимся, вѣроятно, въ краткое е, близкое въ и, дало нѣчто вродѣ того, что мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ словянскихъ нарѣчіяхъ изъ сочетанія з (конечн. гласнаго основы) + и (мѣстоименіе) въ окончан. именительнаго падежа единственнаго числа мужск. рода именъ прилагательныхъ (напримѣръ польское *dobry*), т. е. звукъ и; тоже явленіе, что въ нѣхъл, и въ челѣк вмѣсто чело (о) ѣк (ѣ). Но для того, чтобы убѣдиться въ происхожденіи худѣх изъ худѣех и т. п., слѣдовало бы во первыхъ доказать, что послѣднія формы дѣйствительно существовали въ этихъ говорахъ, во вторыхъ доказать возможность стяженія ударяемаго и + неударяем. е въ э (твердое е); что касается перваго вопроса, то думаю, что на него скорѣе слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ доказано существованіе подобныхъ формъ, ясно позднее ихъ происхожденіе изъ именительнаго падежа на ие; что же касается втораго, то изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ стяженія уже ясно, что ие ¹⁾ могло дать только и, а никакъ не э, которое могло получиться только изъ иé (иѣ), т. е. изъ сочетанія неударяемаго и съ ударяемымъ е (ъ), хотя вообще примѣровъ стяженія ие въ этихъ говорахъ мнѣ неизвѣстно. Вслѣдствіе этихъ соображеній я пока не вижу никакой причины, почему бы я долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго мною еще семь лѣтъ тому назадъ объясненія. Что касается мѣстоименной формы кѣх вмѣсто кѣи х (ѣ), то и относительно ея не можетъ быть никакого сомнѣнія, что никакого стяженія тутъ нѣтъ, ибо *ои* никогда бы не дало е (ъ), вслѣдствіе чего я это е и позволялъ себѣ обозначить буквою ѣ, чтобы показать его полное тожество съ ѣ въ тѣх.

Затѣмъ мое вниманіе останавливаетъ на себѣ частица кес' (кесъ) въ значеніи «кажется». Въ Толковомъ словарѣ Даля это слово объяснено такъ: «кесъ или кестъ Влад., Моск., Ряз., Тамб., кажется, кажись, видится, никакъ, будто-бы. Кесъ нѣ-нѣбѣ хотеть хмуриться». Очевидно, прибавка «или кестъ» вызвана ошибочной этимологіей самого Даля, которому казалось, что это вмѣсто какъ есть; по крайней мѣрѣ иначе я не могу объяснить ея себѣ, такъ какъ фонетически *т'* (тѣ) не

¹⁾ Т. е. сочетаніе ударяемаго и + неударяем. е (ъ). При стяженіи въ нашихъ говорахъ вообще всегда одерживаетъ верхъ ударяемый гласный надъ неударяемымъ, въ какомъ бы порядкѣ одинъ за другимъ они ни стояли.

могло бы удержаться. Какъ было упомянуто выше, слово это было отмѣчено Гүляевымъ въ числѣ словъ, употребительныхъ въ Василевѣ Майданѣ у такъ называемыхъ «пановъ». Но, какъ я уже говорилъ, здѣсь нѣтъ ничего западно-русскаго, а ссыла Дала на Владимірскую, Московскую, Рязанскую и Тамбовскую губ. еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Прежде, чѣмъ предложить этимологію этой частицы, я приведу нѣсколько примѣровъ ея употребленія и значенія. Въ разговорѣ, напечатанномъ Колосовымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ I, стр. 163 и перепечатанномъ Смирновымъ въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» 177, изъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губ., нѣкто на вопросъ о качествѣ муки отвѣчаетъ: «к е с ь г о ж а» (т. е. «кажись» или «кажется, хороша»). Мною слышано въ с. Теплоу Станѣ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ.: «какѣ ¹⁾ скромны да тѣхи—к е с ь красны дѣвушки»; «к е с ь мѣл ево гольс» (= «кажется (могъ) его голось»). Изъ этихъ примѣровъ видно, что значеніе к е с ь (к е с ь)—«кажется», «кажись», «слѣвно» и т. п. Надѣюсь, что нарѣчное употребленіе слова к а ж ь с ь всѣмъ извѣстно, такъ какъ встрѣчается во многихъ говорахъ, а по этимологіи оно не что иное, какъ повелительное наклоненіе отъ глагола «казаться», употребленное вмѣсто и въ значеніи изъявительнаго. Основываясь на тождественности или по крайней мѣрѣ близости значенія к е с ь и к а ж ь с ь, я постараюсь привести кое-какія соображенія относительно того, что и этимологически они тождественны. Для этого необходимо сдѣлать вѣроятнымъ во-первыхъ выпаденіе извѣстныхъ согласныхъ внутри словъ между гласными и въ частности ж, во-вторыхъ стяженіе а неударяемаго—и ударяемое въ е. Что касается перваго вопроса, то на него можно отвѣтить утвердительно. Очень часто въ весьма многихъ говорахъ разныхъ словянскихъ нарѣчій и въ частности въ разсматриваемыхъ нами великорусскихъ говорахъ такому процессу подвергаются звучные гортанные и зубные (г, ж и д); въ нашихъ говорахъ собственно зубные (д): г л я ь ²⁾ (причемъ передъ и не слышно ъ) вмѣсто г л я д ь и даже г л я ь а, которое могло явиться лишь подъ условіемъ перенесенія ударенія на первый слогъ, сравни южновеликорусское ³⁾ и малорусское р а ь н ь т ь вмѣсто р а д и т ь, напримѣръ у Квятки: «не-

¹⁾ Стяженная форма вмѣсто к а к ѣ и (не пишу ѣ потому, что е мягкое здѣсь не само по себѣ, а лишь вслѣдствіе положенія послѣ гортаннаго).

²⁾ Я удерживаю буквы я и ю при записываніи говоровъ для упрощенія правописанія, разумѣя подъ ними или а и у послѣ небныхъ согласныхъ (если онѣ написаны послѣ согласныхъ) или сочетанія согласной j съ а и у (если онѣ написаны послѣ гласной или въ началѣ словъ).

³⁾ Халанскій, «Свидѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка, II... (сѣв. ч. Путивальскаго уѣзда Курской губ.): Р. Ф. В. 1886, XVI, 15.

знаты, що громада на р а е» (Малор. пов. II, 220); параллельныя этому явленію находимъ и въ южнославянскихъ говорахъ: хорутанск. *le* вмѣсто *gle* отъ того же корня **glad-*, *g* г е ш отъ корня *grad-* (ст.-слов. *gradj* 1), болгарское *йзв а(д)і* Прилеп., *г л е(д) а м е*, *ò(д) і т* и другія 2). Я не говорю о нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ, которые во многихъ славянскихъ нарѣчійхъ подвергаются выпаденію между гласными или въ началѣ словъ и наоборотъ иногда появляются вновь; таковы особенно спиранты *σ*, *χ*, *h*, *j*. Для выпаденія собственно *ж* я не могу привести несомнѣннаго примѣра не только въ нашихъ говорахъ, но и въ другихъ говорахъ различныхъ славянскихъ нарѣчій. Тѣмъ не менѣе кажется несомнѣннымъ, что явленіе это наблюдается въ формахъ двухъ глаголовъ, хотя я не отрицаю, что причина его можетъ быть нефонетической.

Во многихъ южно-великорусскихъ, малорусскихъ и южнославянскихъ (болгарскихъ) говорахъ встрѣчаются формы безъ *ж* тамъ, гдѣ оно приходилось между двумя гласными. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Даль въ своемъ словарѣ отмѣчаетъ слѣдующее: «*к а е кур(ск). вор(онез).* сокращенное *к а ж е*, онъ говоритъ или сказалъ, онъ баятъ, молю, де, дескать. Онъ *к а е*, не пойду, *кае.....*». М. Е. Хеланскій въ числѣ словъ описаннаго имъ Путивльскаго говора Курской губ. 3) приводитъ глаголь «*к а и т ь* говорить», не приведя, къ сожалѣнію, примѣровъ эго употребленія, вслѣдствіе чего я позволю себѣ усумниться, чтобы авторомъ дѣйствительно была слышана форма неопредѣленнаго наклоненія *к а и т ь*, и думаю, что онъ её построилъ теоретически на основаніи слышаннаго имъ 3 лица единственнаго числа *к а е* или *к а э* или *к а и*. Для восточно-малорусскаго можно привести много примѣровъ изъ повѣстей Квитки и сказовъ Манжуры. И замѣчательно, что у Квитки *к а э* (такъ, съ твердымъ неототованнымъ *э*, а не *е*) часто чередуется съ *к а ж е*. Напримѣръ: отъ и *к а ж е* имъ: «Чомъ же вы не хрыстѣсуетесь?» А Василь и *к а э*: «Несмію, пан-отче!»—«Чомъ несміты?» *к а э* Наумъ... (Старій Наумъ выпивъ чарку горилки передъ обѣдомъ, а Василь нестѣвъ; бо, *к а э*, ще непочывавъ йй пѣты.....; отъ Наумъ и каже..... ёму *к а э ш т*—негодѣтця; а винъ чухаетця, та *к а э*: «ничавò-ста». .... Ну, намалѣвавшы, та й *к а э* намъ: «тепѣръ, хлопци, дывѣтєся, що за кумѣдня будє». А мы

1) Разуздается, съ этимъ не слѣдуетъ смѣшивать специально хорутанско-словѣнскаго и хорватско-чакавско-кайлавскаго выпаденія *d* въ общеславянской группѣ *dj*.

2) П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, 108.

3) Рус. Фил. Вѣст. 1886 г. ч. XVI, стр. 14. Впрочемъ выпаденіе *з* и вѣтъмъ *а* или, можетъ быть, дѣлаго слога *за* можно видѣть въ частицѣ *дѣска*тъ изъ *дѣе-скавати; вторая половинна *дѣс* также неопредѣленное наклоненіе.

к а э м о: «а ну, ну; щò—тамъ бѹдо?» ¹⁾). Такое-же колебаніе между формами съ ж и безъ ж находимъ въ сказкахъ, записанныхъ въ Харьковской и Екатеринославской губ. Манжурою: «Давайте, цыганъ к а э, хто кого пере-зира»..... «Э ни, к а э цыганъ, дайте, хто кого передрима»..... (Алек-сѣвка Александровскаго уѣзда) ²⁾, но въ той-же деревнѣ к а ж е ³⁾; рядомъ: «Пиду, к а э, ляжу на шляху, може хто забье».... «Идить же, к а ж е, дядьку, та ляже у жыти»..... «Йиже, к а э, дядьку»..... ⁴⁾ Далѣе влѣдствіе стя-женія является правильно ка: Бувъ собі дидъ та баба и унадивсь до ныхъ довгомудыкъ курчать таскаты. Перетаскавъ усихъ, а то прийшовъ и куря-почку забравъ. Отъ дидъ и ка: «пиду я, бабо, вбью довгомудыка»..... ⁵⁾. (Ольшана Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ.). Такую же стяжонную форму представляет и слѣдующій примѣръ, записанный въ Лукояновскомъ у Нижегородской губ. ⁶⁾: «а катца в нашемъ силѣ самому яму быть не слу-чилось»; хотя ударенія не разставлены, но ясно, что слѣдуетъ читать кѹцѣ которое изъ *кѹжется черезъ посредство *кѹацѣ. причеъ ѳ въ слогѣ послѣ удареннаго должно было сильно ослабиться. Недавно еще А. В. Ветуховымъ изъ одного южновеликорусскаго говора Харьковской губ. ⁷⁾ приведена замѣчательная форма 1 лица единственнаго числа к у ѹ: «я к у ѹ: ну атправляйсь», «я к у ѹ: ни пайдѹ въ халѹдную»; неіотованное у (не ю) инте-ресно сопоставить съ неіотованнымъ э формъ 2-го, 3-го лица единственнаго числа, 1 лица множественнаго числа и т. п.; оно доказываетъ, что съ выпа-деніемъ ж между гласными не развивалось іоты; кромѣ того замѣчательно первое у вмѣсто а подѣ влияніемъ второго у, что интересно сопоставить съ первымъ а въ малорусскомъ б а г а т ы й, явившимся изъ о подѣ влияніемъ слѣдующаго а.

Тоже самое извѣстно о формахъ настоящаго времени глаг. мочь. Изъ южно-великорусскаго говора Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ. Вету-ховъ приводитъ: «м ѹ'е штѹ-пѣ идѣ' зарабѣли» ⁷⁾ (... можетъ быть, для того, чтобы гдѣ нибудь заработать); но, въ сожалѣнію, нельзя навѣрно

¹⁾ Малороссійскія повѣсти Г. О. Квятки, изд. подѣ редакціей проф. А. А. Потебни, т. I, 79, 80, 9, 8, также 11, 47, 71, 86, 96, 97, 107, 125 и многія другія.

²⁾ Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской гу-берніяхъ Манжурою, Харьковъ 1890 г., стр. 112.

³⁾ Ibid. 72, 120, 121.

⁴⁾ Ibid. 6—7.

⁵⁾ Ibid. стр. 1.

⁶⁾ М. Колосовъ. Русск. Филл., Вѣсти. I, 1879, стр. 164; Смирновъ. Сборникъ..., 190.

⁷⁾ Говоры слободъ Бахмутовин и Новой-Авдари Старобѣльск. уѣзда Харьков. губ., стр. 4. При формѣ к у ѹ авторъ приводитъ также к у ж ѹ (стр. 2) изъ того-же го-вора Бахмутовскаго.

рѣшить, читать ли тутъ *e* неіотованное или іотованное, такъ какъ авторъ для звука *e* употребляетъ три знака: *e*, *ε* и *э*, изъ которыхъ только о двухъ послѣднихъ можно сказать, что они означаютъ іотованное и неіотованное *e*, а что именно выражаетъ буква *e*—неясно; повидимому, авторъ употребляетъ *ε* не только для іотованнаго *e* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ и для рефлексовъ *ъ*, но также и для *e*, смягчающаго предшествующій ему согласный; но и при этомъ изрѣдка, можетъ быть, по недосмотру у него является *e* въ совершенно сходныхъ случаяхъ; напр. авторъ пишетъ: бѹде, впадѣе, дѣла, привѣсть, атвядѣть, дѣржыцца и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ: неѣмшы, нѣйдетъ, атпрѣвите, памѣните, дѣньги и т. п.¹⁾; иногда даже въ одной и той-же формѣ: тивѣтъ (стр. 2) и тивѣтъ (стр. 5); вообще *ε* употреблено чаще, и о значеніи буквы *e* нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Интересно то, что при формѣ мѹе употребляется еще мѹжа и магѣтъ въ одномъ и томъ же говорѣ слободы Бахмутовки, но авторъ говоритъ, что мѹе и магѣтъ встрѣчаются чаще²⁾. Подобно какъ изъ вѣа путемъ стяженія является и мо изъ мѹе (вѣроятно, мѹе): у Пискунова отмѣчено «мѹ—можетъ быть, словно». Приведу примѣры изъ малорусскаго, въ которомъ мнѣ даже и неизвѣстно нестяженное мѹе, а только мо: «Пидужъ я у хливець, мо тамъ удобнише»³⁾, «Отгакъ я пролежавъ, та просыдивъ мо бильшь мисяця»...³⁾ Не прошло мо й недѣли писля того⁴⁾.

Изъ южнославянскихъ говоровъ. подобные случаи мнѣ извѣстны въ болгарскихъ и опять въ тѣхъ-же глаголахъ: Тудорка ка и (вѣроятно, въ ка и надо видѣть *и* изъ неударяем. *e* или *э*) Ивану: «Ивани ле, либи ле»...⁵⁾. «И прочетохъ малко на него и мѹ написахъ нѹмарити, защо таи триябѹва за скорѹ да моишъ да намеришъ, конто празникъ трасишъ» (приписка 1829 г. къ рукописи Н. С. Тихонравова XVII столѣтія)⁶⁾, здѣсь также *и* вмѣсто неударяемаго *e*.

Таковы факты, но объясненія могутъ быть различны. Въ ф. 2-го и 3-го л. глагола мѹчь можно предполагать постепенное ослабленіе согласнаго *z* (*h*), которое могло быть перенесено по аналогіи изъ формы 1-го л. (мо гѹ), какъ показываетъ южновеликорусская форма ма гѣш, ма гѣт' (срв. Ветухова, говор. слоб. Бахмутовки и т. д., стр. 5); только смущаетъ при

¹⁾ Ibid стр. 2, 3 и др.

²⁾ Ibid. стр. 5.

³⁾ «За злыми людьми й хата не згорить», кавка Алексѣя Грабныи, Кіевъ 1882, стр. 2, 6. Для согласія съ примѣрами изъ Каньки я замѣнилъ и здѣсь *i* и *и* черезъ *и* и *ы*.

⁴⁾ «Старосвятскыи кавки» А. Грабныи, Кіевъ, 1885, стр. 6.

⁵⁾ Словарь болгарскаго яз. А. Л. Дювернуа, подъ слов.

⁶⁾ П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болгар. яз. 6.

этомъ объясненіи то, что при *z* во 2-мъ и 3-мъ л. и. удареніе тоже, что въ 1-омъ л, тогда какъ въ м ò е удареніе старое; мнѣніе объ ослабленіи *z*, которое особенно вѣроятно въ говорахъ малорусскихъ и южновеликорусскихъ, гдѣ *z* = *h* ¹⁾, высказалъ проф. Фортунатовъ ²⁾, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ явленій, но онъ-же высказалъ предположеніе и о томъ, что причина этихъ явленій нефонетическая. Но кромѣ ударенія затрудненіе встрѣчается еще въ томъ, что тоже явленіе наблюдается въ глаголѣ *к а з а т и*, гдѣ трудно предположить въ формахъ настоящаго времени *z* или *h* вмѣсто *ж* или коренного *з*.

Какой нибудь аналогіи подыскать трудно, и потому приходится пока воздержаться отъ объясненія. Но какъ бы то ни было, для насъ важно то, что *ж* исчезаетъ въ формахъ 1-го, 2-го и 3-го л. ед. и 1 л. мн. наст. врем. этого глагола въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ того же доказать для формы повелительн. накл. *ка ж и* или *ка ж и сь*, но существованіе и здѣсь подобной формы безъ *ж* не лишено вѣроятности, и я думаю, что *к е сь* есть не что иное, какъ стяженное *к а и сь; фонетически весьма вѣроятно появленіе *е* (очень узкаго, близкаго къ *и*) изъ сочетанія неударяем. *а* съ ударяем. *и*; жаль только, что я не могу подыскать несомнѣннаго примѣра такого стяженія, кромѣ довольно близкаго *п è х т л и п ы ж ж а й* вмѣсто *п о в х а л т* или *п о в з ж а й*. Правда, мы ожидали бы скорѣе *к ы сь или *к и сь, и причина появленія *е* вмѣсто *и* для меня неясно. но я останусь при своемъ объясненіи, пока не будетъ указана его невозможность.

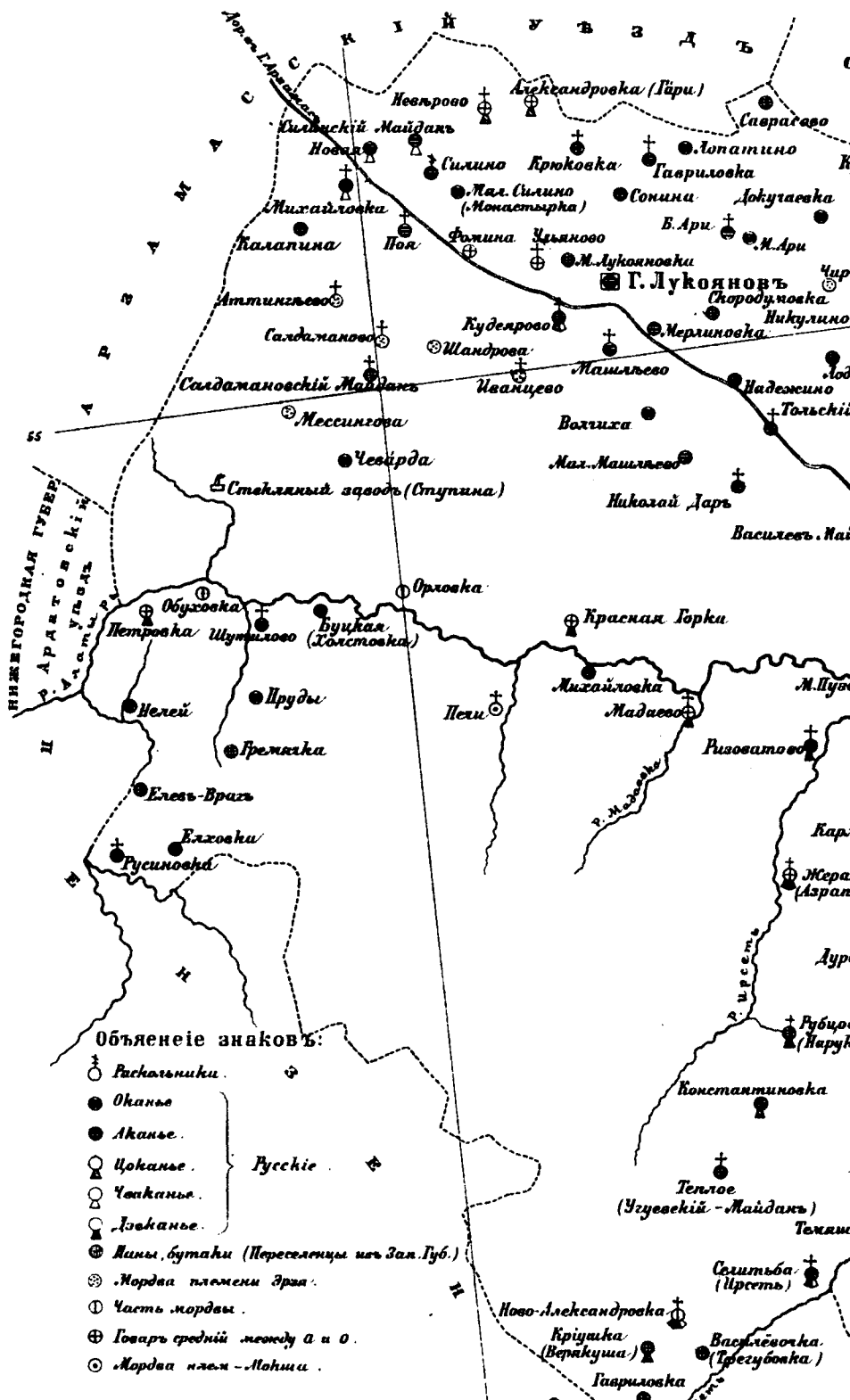
Еще нѣсколько словъ о приведенной въ примѣчаніяхъ къ картѣ формѣ *п е р и н е к ъ*. Я думаю, что написано ошибочно *вм. пиренѣкъ*, такъ какъ это слово я всегда слышалъ съ удареніемъ на концѣ и съ *и* въ первомъ (3-емъ отъ конца) слогѣ, несомнѣнно изъ *е* по извѣстному закону измѣненія неударяемыхъ гласныхъ. Это этимологически *п е р е н ь к ъ ³⁾, уменьшит. отъ *п е р ё н ь ³⁾ съ кореннымъ гласнымъ *е*; форма съ *е* чередуется съ формой съ корен. *а*, обычной въ другихъ говорахъ и литературномъ русскомъ (*п а р е н ь*, *п а р е н ё к ъ* = этимологич. *п а р е н ь к ъ ³⁾). Форма

¹⁾ Въ болгарскомъ, однако, тоже *м б и ш* (*м о е ш), хотя *z* = *g*, а не *h*.

²⁾ Вѣроятность ослабленія и выпаденія именно *z*, а не *ж* уменьшается приведенной А. В. Ветуховымъ формой *к у ú*, между тѣмъ какъ формы *м о ú или *м у ú не извѣстны; это *к у ú* *вм. к а ж ú* какъ будто указывать именно на выпаденіе *ж*, а не *z*.

³⁾ Или *п е р ь н ь к ъ*, *п е р ь н ь*, *п а р ь н ь к ъ*, *п а р ь н ь*, если второе *е* изъ *э*?

Объяненіе знаковъ:

- ⊕ Раскольники.
- Оканье.
- Аканье.
- Цоканье.
- Чоканье.
- Ёканье.
- ⊕ Липы, бутаны (Переселенцы изъ Зал. Губ.)
- ⊕ Мордва племени Эра.
- ⊕ Часть мордвы.
- ⊕ Говарь средній между а и о.
- ⊕ Мордва плем. - Мокши.

Русскіе

КАРТА
ЛУКОЯНОВСКОГО УЪЗДА

этого слова, указывающая по этимологич. *e*, слышана мною въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Разница между *п е р* и *п а р* могла бы восходить и къ праязыку, хотя возможно предположить возникновеніе перваго *e* подъ вліяніемъ втораго, какъ *a* въ *багатый*.

Этимъ я заканчиваю свои замѣчанія, которыя и безъ того уже слишкомъ разрослись.

Борисъ Ляпуновъ.

Письма А. Э. Гильфердинга—Кукулевичу Сакцинскому.

(Сообщено проф. П. А. Кулаковскимъ).

1.

Берлинъ 10—22 октября 1855.

Не имѣя чести знать Васъ лично, но знакомый съ Вами по прекраснымъ ученымъ трудамъ Вашимъ, почтеннѣйшій господинъ Кукулевичъ-Сакцинскій, осмѣливаюсь къ Вамъ обратиться и представить Вамъ небольшую книжку объ Юго-Славянской исторіи. Съ письмомъ этимъ Вы получите 4 экз. изданныхъ мною «Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ». Это первый выпускъ, начало довольно обширнаго сочиненія, назначеннаго для легкаго чтенія, но основаннаго на собственной разработкѣ источниковъ. Я буду просить Васъ, удержавъ одинъ экземпляръ для себя, а другой для библіотеки ученаго общества Вашего, остальные раздать занимающимся исторіею южныхъ Славянъ, и принять бы съ великою благодарностью отзывъ Сербскихъ ученыхъ о моей работѣ, трудной по недостатку или недоступности матеріаловъ. Смѣю ожидать отъ Вашей доброты, что если начатыя мною историческія разысканія заслужатъ Вашего одобренія, Вы не откажете мнѣ въ благосклонномъ содѣйствіи къ ихъ продолженію. Въ слѣдующихъ выпускахъ я долженъ буду говорить объ эпохѣ, отъ которой осталось уже много домашнихъ памятниковъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ, памятниковъ къ сожалѣнію большею частью неизданныхъ. Я досталъ нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ, въ спискахъ съ рукописей, находящихся въ Россіи (какъ-то Доментіаново Житіе св. Саввы, Житіе Стефана Дечанскаго, Житіе Стефана Лазаревича, Данииловъ Цароставникъ). Но сколько другихъ источниковъ, Сербскихъ и Болгарскихъ, которыхъ я не знаю, и многіе изъ нихъ, я увѣренъ, теперь уже спасены и открыты для науки Вашею просвѣщенною дѣятельностью. Могу ли надѣяться, что въ случаѣ, если этому не будетъ особеннаго препятствія, Вы благоволите указать мнѣ на нихъ и дадите мнѣ возможность извлечь изъ нихъ что ни-

будь для своего труда? Черезъ мѣсяць или шесть недѣль предполагаю пріѣхать въ Вѣну, и тогда буду въ состояніи заняться этимъ предметомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Гильфердингъ.

Адресовать можно А. О. Гильфердингу (Hilferding) въ Вѣну, въ Русское Посольство.

На томъ же письмѣ приписка:

P. S. 2—14 Декабря 1855. Вѣна. Письмо и посылка пролежали въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ почти два мѣсяца; между тѣмъ я получилъ записку Вашу, гдѣ Вы съ такою обязательностью вызываетесь содѣйствовать мнѣ въ моей работѣ. Искренно благодарю Васъ. Не знаю, буду ли имѣть возможность пріѣхать въ Загребъ и лично воспользоваться Вашою бесѣдою и Вашими, указаніями, но во всякомъ случаѣ не откажу себѣ въ удовольствіи переписываться съ Вами о предметахъ, касающихся изученія древней Сербской и Хорватской исторіи. На первый разъ позвольте просить у Васъ совѣта насчетъ поисковъ въ Венеціи. Ёду туда послѣ завтра, останусь тамъ, правда, недолго, но все таки надѣюсь, что, можетъ быть, удастся найти въ архивѣ какіе нибудь документы, относящіеся къ сношеніямъ Венеціанцевъ съ старыми Сербскими краями. Я слышалъ, что Вы посвятили много времени поискамъ въ Венеціанскомъ архивѣ: Вы оказали бы мнѣ великую услугу, еслибы благоволили извѣстить меня о томъ, что Вы уже извлекли оттуда, и гдѣ я долженъ искать. Я сообщилъ бы Вамъ потомъ свою добычу, и Вы, можетъ быть, не отказались бы дать мнѣ попользоваться Вашими выписками. По возвращеніи изъ Венеціи, я намѣренъ также работать нѣсколько въ здѣшнемъ архивѣ: знакомъ ли онъ Вамъ, и можете ли Вы мнѣ благосклонно указать на то, что въ немъ есть важнаго для моего предмета?

Если моя просьба на счетъ Венеціанскаго архива для Васъ необременительна, то благоволите прислать отвѣтъ съ возможною скоростью, адресуя: A. Hilferding, Venezia, Hôtel Royal.

Прилагаю къ моимъ «Письмамъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ» по 2 экз. филологическихъ моихъ работъ.

Ut in litteris

А. Гильфердингъ.

Варшава $\frac{27 \text{ янв.}}{8 \text{ февр.}}$ 1856.

Представляется неожиданно случай писать къ Вамъ и отправить къ Вамъ посылку, достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ. Къ сожалѣнію, не могу еще возвратить Вашей рукописи: въ Вѣнѣ и Варшавѣ было постоянно столько разъѣздовъ, что не имѣлъ времени кончить выписки изъ нея. Здѣсь въ Варшавѣ только одна Русская книжная лавка, и книгъ въ ней весьма мало, да и тѣ, которыя есть, продаются ужасно дорого. Нестора и другихъ книгъ, которыхъ Вы желали, нельзя было въ ней найти,—я пришлю ихъ при другомъ случаѣ, изъ Петербурга, куда выѣзжаю завтра. На первый разъ посылаю лучшую нашу комедію, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, басни Крылова, и Польскую книгу, «Сельскіе очерки» Григоровича. Какъ у Крылова господствуетъ наша Русская народная стихія, такъ у Григоровича—народная стихія Польская. Его повѣсти (такъ говорили мнѣ здѣшніе литераторы),—лучшая и самая вѣрная картина народной Польской жизни. Я знаю, что Вы желаете имѣть книги въ такомъ родѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія домой, чтобы опять приняться за свои историческія работы. Какъ я благодаренъ за Вашъ радушный пріемъ, за Славянскую щедрость, съ какою Вы подѣлились со мною Вашими историческими богатствами! Надѣюсь, что Богъ дастъ когда нибудь побывать опять въ Загребѣ; но во всякомъ случаѣ его никогда не забуду.

Прошайте, будьте здоровы, трудитесь, прилежнѣ издавайте матеріалы. Пришлите мнѣ, черезъ о. Мих. Федор. Раевского, новую книгу «Архива», какъ скоро она выйдетъ. У меня всего три книги «Архива»: нѣтъ ли четвертой? Вообще же и впредь не оставляйте своею милостью и помощью

Вамъ душевно преданнаго и покорнѣйшаго вашего слуги

А. Гильфердинга.

Мой поклонъ всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнить.—Въ Вѣнскій Архивъ меня не пустили подъ вѣжливымъ предлогомъ. Для любителей Русской словесности одинъ Варшавскій житель прилагаетъ Ломоносова, Княжнина и Хемницера. Я просилъ одного господина, который ѣдетъ въ Пулавы, справиться о Гундуличевой рукописи. Но я слышалъ, что вся бібліотека Чарторижскихъ во время войны 1831 года перевезена была въ Галицію.

3.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ! Я послалъ Вамъ нѣсколько книгъ, какъ изъ тѣхъ, которыя Вы мнѣ поручили доставить Вамъ, такъ и другія, которыя, по моему мнѣнію, должны были быть занимательны для Васъ и для Вашихъ Хорватовъ.—Сегодня посылаю Вамъ «*Annali di Ragusa*», съ душевною благодарностью за это драгоцѣнное сообщеніе и съ извиненіемъ, что продержалъ рукопись такъ долго; къ Вашей рукописи прилагаю «Слово о Богомилахъ» въ полную собственность Вамъ или тому, кому вы захотите отдать эту тетрадь. О другихъ Вашихъ порученіяхъ скажу слѣдующее:

1) «Матеріалы для исторіи писменъ» и «Временникъ» вышлю при первомъ удобномъ случаѣ.

2) Пулавская рукопись не находится въ Царствѣ Польскомъ; передъ самую революцію 1830 года Чарторижскій перевезъ всю свою бібліотеку въ замокъ Сеняву въ Галиціи; если поэма Гундулича сохранилась, то она тамъ. Такъ какъ Сенява находится въ Австрійскомъ государствѣ, то Вамъ легче будетъ, чѣмъ мнѣ, поискать этой рукописи. Впрочемъ, одинъ Варшавскій ученый обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ для этого.

3) Художественныя извѣстія, какихъ Вы желаете, постараюсь достать для Васъ въ Москвѣ, куда думаю поѣхать черезъ три недѣли и провести тамъ нѣсколько времени.

4) «Путешествіе Григоровича» еще не могъ найти, оно бібліографическая рѣдкость. Сочиненія Срезневскаго, выписки изъ Данила пришлю. Свѣдѣнія (впрочемъ немногочисленныя) о Бѣлохорватахъ найдете въ началѣ Несторовой лѣтописи, которую я Вамъ прислалъ; кромѣ того объ нихъ часто упоминается въ началѣ Польскихъ лѣтописцевъ Кадлубка, Длугоша (оба изданы въ книгѣ *Ioannis Dlugossi seu Longini Historia Polonica, Francofurti 1711*) и Богухвала (въ *Silesiacarum rerum Scriptores*, изд. *Sommersberg, Lipsiae 1729*); но эти лѣтописи такъ мало достовѣрны, столько въ нихъ басень и лжи, что непрѣмнно нужно прочесть извѣстія о Хорватахъ въ связи съ цѣлымъ рассказомъ, иначе попадешь непрѣмнно въ ошибки, поэтому я не посылаю Вамъ выписокъ, а указываю только на необходимость для Васъ просмотрѣть эти книги, которыя найдете навѣрное въ Вѣнѣ, а можетъ быть и на Вашемъ Загребскомъ «пчаневскомъ градѣ». Если бы у Богухвала нашлось мѣсто для Васъ очень важное, то совѣтую обратиться къ Мацѣевскому въ Варшаву и просить повѣрки текста: онъ говорилъ мнѣ, что изданіе Соммерсберга полно ошибокъ, и что у него есть древній, исправный текстъ Богухвала. Были Хорваты и въ Чехіи: объ нихъ Вы вѣроятно знаете показанія Космы Праж-

скаго и то, что говорить Шафарикъ? Просмотрите Эрбена *Regesta Bohemiae*. Нѣсколько извѣстій изъ другихъ источниковъ надѣюсь Вамъ прислать.

Съ нетерпѣнiемъ жду отъ Васъ вѣстей и жажду драгоценностей, которыя по Вашей добротѣ заготавливаются для меня въ Загребѣ. Когда Вамъ не будутъ нужны Житiя Саввы и Стефана Лазаревича, то пошлите ихъ къ о. Раевскому. Буду также очень радъ получить то, что у Васъ для меня списывается, чтобы скорѣе пользоваться всѣми этими историческими богатствами. Когда буду въ Москвѣ, постараюсь порыться въ рукописяхъ Синодальной библиотеки: можетъ быть, найду что нибудь хорошее.

До Васъ и вообще до всѣхъ Вашихъ Хорватскихъ ученыхъ есть покорнѣйшая просьба: участвовать въ новомъ 3-хъ-мѣсячномъ журналѣ, который будетъ издаваться въ Москвѣ подъ названiемъ «Русская Бесѣда» (одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ немъ извѣстный Вамъ по имени Хомяковъ), и который будетъ обращать особенное вниманiе на славянскую науку и словесность. Я, кажется, говорилъ вамъ уже объ немъ и г-нъ М. В. ¹⁾ обѣщаль мнѣ для него свой сборникъ пословицъ. Пожалуйста, попросите его прислать пословицы какъ можно скорѣе, и для нихъ было бы мѣсто во 2-ой книжкѣ Бесѣды, если бы я могъ получить ихъ скоро, потому что онѣ будутъ, я увѣренъ, истиннымъ украшенiемъ для новаго изданiя; а кромѣ того доставляйте или попросите доставлять «Бесѣдѣ» всякiя свѣдѣнiя и статьи о Хорватской словесности, о Вашихъ историческихъ открытiяхъ, о бытѣ поселянъ Хорватскихъ, Далматинскихъ и т. д. Редакцiя «Русской Бесѣды» напишетъ Вамъ съ своей стороны.

Мнѣ очень хотѣлось бы написать статейку по Хорвато-Сербскому этнографическому и литературному вопросу, постараться познакомить нашихъ читателей съ этимъ споромъ и сказать безпристрастное слово. Къ сожалѣнiю, я не записалъ у Васъ разныхъ *data*, которыя при этомъ нужны. Вы можете легко помочь мнѣ, сообщивъ коротенькiя данныя по этому вопросу, особенно о слѣдующемъ: 1) какая теперешняя этнографическая граница Хорватовъ и Сербовъ, гдѣ и когда въ Боснiи и Герцеговинѣ народъ называлъ себя Хорватами; 2) было ли имя Хорватовъ въ Черногорiи; 3) какiя заглавiя (*tituli*) книгъ XVI или XVII столѣтiя, гдѣ сказано *Harvatski jezik* (при этомъ просилъ бы для образца языка двѣ три строки); и какое заглавiе Загребской библiи, гдѣ сказано *Slovenski jezik* (тоже съ образчикомъ); 4) когда начался споръ, кто предложилъ имя *Jlliri* или *Jugoslaveni*, и какiя послѣднiя явленiя этого спора.

Я означаю эти вопросы не за тѣмъ, чтобы Вы именно, занятые столь

---

¹⁾ Извѣстный писатель и дѣятель Хорватскiй Мирко Боговичъ.

многими и столь важными для науки трудами, отвѣчали на нихъ: отвѣтить можетъ всякій другой изъ вашихъ друзей, у которыхъ есть досугъ. Я не прошу подробныхъ свѣдѣній, а самыхъ лаконическихъ указаній (но указаній какъ можно больше), и прошу только, чтобы это было прислано поскорѣе, иначе моя статья опоздаетъ.

Прощайте, дай Вамъ Богъ здоровья и успѣха въ работахъ Вашихъ. Усердно кланяюсь всѣмъ, кто меня вспомнить.

Вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

23 марта 1856

ст. ст.

Р. S. Для ускоренія, пришлите письмо по почтѣ, или если отправите къ Раевскому, то скажите, чтобы онъ послалъ по почтѣ, а не дожидался курьера.

Р. S. Занимаюсь теперь обработкою Болгарско-Сербской Исторіи въ XI-мъ вѣкѣ, и надѣюсь скоро издать свою работу. Повторяю свою усерднѣйшую просьбу: если есть у Васъ какія нибудь свѣдѣнія, касающіяся до этой эпохи и обнаруженіемъ которыхъ Вы сами не дорожите, сообщите мнѣ ихъ съ Вашою всегдашнею благосклонностью.

4.

Карлсбадъ $\frac{9}{21}$ іюля 1856.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ!

Судьба опять принесла меня въ Ваши края, если не на югъ, то на сѣверъ Австрійскаго государства. Отецъ мой долженъ былъ возобновить лѣченіе на Карлсбадскихъ и Франценсбадскихъ водахъ, и я опять пріѣхалъ съ нимъ. Самъ пью здѣсь Мариенбадскій «Креузбруннъ», но собираюсь на будущей недѣлѣ сдѣлать новую ученую поѣздку къ потомкамъ Валтійскихъ славянъ. Какъ въ прошломъ году я ѣздилъ въ Ганноверское Прилабье, такъ теперь думаю посѣтить Кашубовъ подъ Гданскомъ. Что извлеку изъ этой поѣздки, не знаю, но надѣюсь найти кое что любопытнаго. Потомъ возвращусь въ Франценсбадъ, и оттуда поѣду съ отцемъ въ Остенде или къ какимъ нибудь другимъ морскимъ купальнямъ, которыя мнѣ предписываются. Какъ бы хотѣлось на возвратномъ пути еще разъ побывать у южныхъ славянъ, повидаться съ Вами, но едва ли удастся.

Изъ Берлина я послалъ Вамъ черезъ Вѣну нѣсколько книгъ, которыя Вы желали имѣть: Матеріалы для исторіи письменъ, Болгарскія народныя пѣсни, Срезневскаго нѣсколько статей и проч. Получили ли Вы эти книги? Получили ли Вы также двѣ моихъ брошюрки, посланныя прямо unter Kreuzband? Очень желалъ бы знать Ваше мнѣніе о статьѣ моей про Лужичанъ. «Русская Бесѣда» будетъ Вамъ доставляться редакцію (кажется даже въ 2 экз.) и 1 № уже посланъ.

Вообще я просилъ бы Васъ доставить мнѣ списокъ всѣхъ Русскихъ книгъ, которыя Вы получили со времени моего выѣзда изъ Загреба. Мнѣ хочется знать, дошло-ли до Васъ все, что я послалъ, что еще нужно послать.

Теперь посылаю Вамъ, какъ подарокъ автора Загребскимъ литераторамъ «Семейную» хроникку Аксакова (Сергѣя Тимофеевича, отца двухъ Аксаковыхъ, которые также извѣстны у насъ, Константинъ какъ ученый, Иванъ какъ поэтъ): эта книга замѣчательна по красотѣ языка и изяществу изложенія и имѣла у насъ успѣхъ небывалый со времени Пушкина. Не забудьте при томъ, что сочинитель ея 85-лѣтній старикъ, и только нѣсколько лѣтъ выступилъ у насъ на литературное поприще. Прилагаю еще 2 тома Русскихъ баснописцевъ (Крылова Вы уже имѣете), а черезъ нѣсколько времени Вы получите сочиненія Луганскаго (псевдонимъ; собств. имя—Даль), гдѣ найдете много занимательнаго и характеристическаго—Русскаго.

Я получилъ передъ отъѣздомъ Ваше письмо съ приложеніемъ этнографическихъ данныхъ о Хорватахъ и свѣдѣній о старой хорватской литературѣ. Очень и очень благодарю Васъ за это; путешествіе не дало мнѣ времени воспользоваться Вашимъ подаркомъ, но какъ только будетъ досугъ, примусь за дѣло.

Я былъ бы необыкновенно радъ получить отъ Васъ или когонибудь изъ Вашихъ чтонибудь для «Русской Бесѣды». Г. Боговичъ обѣщалъ сборникъ пословицъ: что онъ его не пошлетъ? Какъ-бы хорошо было помѣстить какуюнибудь этнографическую статью о Вашемъ народѣ, напр. описаніе быта, обычаевъ, народнаго управленія того или другаго края, Хорватскаго или Далматскаго? Или чтонибудь о литературѣ? Мы были-бы Вамъ чрезвычайно благодарны. Ожидаю отъ Васъ богатой поживы историческими матеріалами. Нѣсколько дней до выѣзда изъ Петербурга меня выбрали членомъ Общества Исторіи и Древностей въ Москвѣ, и требовали, чтобы я тотчасъ далъ чтонибудь во «Временникъ». Не имѣя ничего другаго въ готовѣ, я выбралъ 9 или 10 изъ Латинскихъ грамотъ, которыя Вы мнѣ дали, и послалъ ихъ въ Общество для напечатанія. Вы простите мнѣ, что я такъ смѣло распорядился чужимъ добромъ?

Нѣкоторые изъ нашихъ Московскихъ ученыхъ «славянофиловъ», которыхъ

я говорилъ про множество юридическихъ памятниковъ Далматскихъ общинъ, какія я у Васъ видѣлъ, были-бы крайне рады издать два-три такихъ памятника въ подлинникъ съ Русскимъ переводомъ: у насъ эта часть совершенно неизвѣстна, даже никто не знаетъ почти объ этихъ общинахъ, имѣвшихъ нѣкогда такое значеніе и такой развитой внутренней бытъ. Если Вы не имѣете другихъ предположеній на счетъ этихъ памятниковъ, то очень одолжили бы насъ доставкою такихъ матеріаловъ для изданія, въ томъ числѣ Устава Которскаго, который такъ меня занялъ, что я просилъ у Васъ списка его?

Если это Вамъ не противно, то мы еще сплшемся на счетъ такого предположенія.

Забывъ спросить Васъ: получили-ли рукопись о Богомилахъ. Меня очень радуешь мысль, что Вы ее хотите напечатать, также какъ то, что Вы издали житіе Дечанскаго. Къ корректурнымъ листамъ тотчасъ послалъ въ Троицкую Лавру къ Профессору Горскому для сличенія, но къ несчастью подлинникъ былъ взятъ кѣмъ-то съ разрѣшенія Митрополита, и возвратится въ библіотеку только въ концѣ лѣта; потому Горскій просилъ обождать съ исправленіемъ до будущей книжки Архива, но обѣщалъ доставить ихъ непременно. Спискомъ Слова о Богомилахъ я тоже одолженъ Горскому, и онъ ничего не имѣетъ противъ изданія его Вами; списокъ довольно вѣрный; но замѣйте, что Слово это кончается тамъ, гдѣ есть упоминаніе объ Іоаннѣ экзархѣ Болгаркомъ, и что остальное въ посланной Вамъ тетради уже не принадлежитъ къ нему.

Я оставилъ въ Берлинѣ большой пакетъ книгъ, для Васъ назначенныхъ Московскимъ обществомъ Исторіи и Древностей: это 23 выпуска его «Временника». Какъ доставить Вамъ этотъ тюкъ? Можно ли черезъ комисіонера (*crediteur*)?—Директоръ Публичной библіотеки въ Петербургѣ, баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ спрашивалъ у меня о томъ, кто бы хотѣлъ и могъ въ Вашихъ краяхъ состоять въ ученыхъ сношеніяхъ съ этимъ главнымъ книгохранилищемъ Россіи. Я указалъ ему, разумѣется, на Васъ. Вы должны скоро получить, если не получили, дипломъ на званіе почетнаго члена Императорской Библіотеки.

Дипломъ Академической Вы такъ долго не получаете потому, что онъ подписывается въ какіе то весьма рѣдкіе сроки, въ полномъ засѣданіи Академіи. Но Вы его получите.

Я просилъ Срезневскаго касательно доставленія Вамъ правилъ Академіи. Иванъ Ивановичъ Давыдовъ—Предсѣдатель II-го Отдѣленія Академіи (Отдѣленія Русскаго языка и словесности); секретарь—Коркуновъ, Срезневскій—редакторъ Извѣстій и Ученыхъ записокъ.

По задачѣ Уварова у насъ ничего до сихъ поръ не вышло; свѣдѣній

о художникахъ не удалось для Васъ найти, но въ этомъ взялся помочь издатель Болгарскихъ пѣсенъ, Безсоновъ.

Всѣ другія Ваши порученія я, по возможности, исполнилъ или объ нихъ увѣдомилъ Васъ въ предъидущемъ письмѣ. Пошлю Вамъ вмѣстѣ съ Семейною Хроникою выписки изъ Арабскаго географа Эдризи (во Французскомъ изданіи), которыя я велѣлъ для Васъ сдѣлать. Тутъ много о Далмаціи. Очень радъ буду, если это окажется для Васъ новостью. Эдризилжилъ, сколько помню, въ XII столѣтіи.

Прощайте, будьте здоровы. Поклонитесь отъ меня усердно всѣмъ господамъ, которые сохранили обо мнѣ такое доброе воспоминаніе, Враницани, Боговичу, Мажураничамъ, Праусу, Бабукичу и проч. и вѣрьте искреннему почтенію, съ которымъ остаюсь всегда

Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Адресуйте мнѣ до 10 Іюля (нов. ст.) въ Карлсбадъ (Cursaal, № 8), потомъ цѣлый мѣсяцъ во Франценсбадъ, дальнѣйшій адресъ дамъ въ послѣдствіи.

5.

13 (25) іюля 1856. Франценсбадъ.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Я получилъ въ странѣ Кашубовъ дорогое письмо Ваше отъ 5 іюля. Очень обрадовался извѣстію о Вашемъ новомъ путешествіи въ Далмацію, которое принесетъ непремѣнно богатый плодъ наукѣ. Чрезвычайно хотѣлось-бы сопровождать Васъ, но теперь не могу вновь отлучиться отъ своего отца. Четыре недѣли провелъ я въ Стольскомъ, Лауенбургскомъ, Бытовскомъ и Пудкомъ (Putzig) краѣ, и чрезвычайно доволенъ этою поѣздкою. Вчера только возвратился изъ Данцига.

Посылаю Вамъ сегодня же два остальные тома сочиненій нашего юмориста и описателя народныхъ нравовъ, Луганскаго (собственно фамилія его Даль) и нѣсколько экземпляровъ своихъ сочиненій, которые прошу Васъ, если они не обременятъ Вашего чемодана, взять съ собою въ Далмацію и тамъ раздать занимающимся исторіею. Не понимаю, почему «Русская Бесѣда» не дошла до Васъ.—Я хотѣлъ уже послать Вамъ свой экземпляръ, но удержался въ увѣренности, что съ тѣхъ поръ Вы ее получили. Нельзя ли бы

Вамъ сказать объ этомъ журналѣ въ Далмаціи, и доставить мнѣ, при возможности личнаго, письменное знакомство съ кѣмънибудь изъ тамошнихъ дѣятелей? Я могъ-бы сообщать Русскимъ читателямъ въ Бесѣдѣ извѣстія, оттуда получаемыя.—Чрезвычайно обрадовался я Вашему обѣщанію прислать статью въ Бесѣду; также благодарю Васъ душевно за посланныя мнѣ книги и матеріалы. Я не получилъ ихъ еще, они вѣроятно находятся у Раевского. Въ Далмаціи не забывайте моего твердаго намѣренія продолжать при первой возможности изданіе своихъ «Писемъ» объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Не забудьте также желанія нѣкоторыхъ изъ Московскихъ славянистовъ—получить для изданія какіенибудь памятники юридической старины Далматской и Хорватской,—памятники слишкомъ мало оцѣненные и у насъ совершенно неизвѣстные.

Прощайте, будьте здоровы, дай Богъ Вамъ многихъ, многихъ успѣховъ и открытій. Не теряю надежды съ Вами повидаться въ нынѣшнемъ году. А пока, обрадуйте меня еще письмомъ. Вотъ еще что Вы могли бы легко сдѣлать, къ великому для насъ всѣхъ удовольствію: написать, для помѣщенія въ Р. Бесѣдѣ, какіянибудь письма, извѣстія изъ Далмаціи, Апуліи и проч.; не нужно строго ученыхъ извѣстій, довольно легкихъ описаній, если Вы ученые свои находки захотите обнародовать сначала, какъ и слѣдуетъ, въ Хорватскихъ изданіяхъ. Можете всегда адресовать ко мнѣ. До 8 Авг. нов. ст. я буду въ Франценсбадѣ; потомъ пишете: А. А. Н. Frankfurt—a M. abzugeben bei der russischen Gesandtschaft.

Остаюсь, какъ всегда, съ душевнымъ почтеніемъ

Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

NB. Въ случаѣ, если бы кто изъ Далмаціи захотѣлъ мнѣ доставить чтонибудь или писать ко мнѣ въ послѣдствіи, то скажите, чтобы всегда адресовали ко мнѣ черезъ отца М. О. Раевского въ Вѣнѣ.

6.

Вѣна. 6 Декабря 1856.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Не зная, гдѣ Вы находитесь, посылаю письмо на имя супруги Вашей. Хочу обратить Ваше вниманіе на Славянскій Codex presum cum calendario, находящійся въ бібліотекѣ Герцога Пармскаго. Объ немъ прочелъ я извѣстіе въ Польской книгѣ Wiadomość bibliograficzna o rękopismach zawierających w

sobie Rzeczy Polskie przez Alex. Przewdziekiego. Warszawa 1850, стр. 118. Пржездецкій видѣлъ рукопись въ Прагѣ и выписалъ изъ нея некрологъ Боснійскихъ королей; но къ сожалѣнію онъ не умѣлъ читать по славянски, такъ что изъ его выписки ничего нельзя вывести, кромѣ именъ Твѣртка, Дабиши и Остон. Было бы очень полезно, если бы Вы могли познакомить ученый свѣтъ съ этимъ памятникомъ.

Я ѣду теперь черезъ Новый Садъ въ Бѣлградъ. На возвратномъ пути въ Январѣ, думаю посѣтить Загребъ. Сердечно желалъ бы Васъ тамъ застать и опять поработать надъ исторіею подъ Вашимъ руководствомъ. Благоволите написать мнѣ въ Бѣлградъ, въ Русское Консульство.

Желаю Вамъ душевно всевозможныхъ успѣховъ.

Вамъ преданнѣйшій и покорнѣйшій Вашъ слуга

А. Гильфердингъ.

7.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ. Посылаю Вамъ вырѣзку изъ газеты Варшавской, доставленную мнѣ для Васъ.—Очень сожалѣю, что такъ давно ничего отъ Васъ не получалъ. Писалъ Вамъ зимою въ Венецію. Получили ли Вы письмо?—Сообщите мнѣ о ходѣ Вашихъ ученыхъ работъ, и если вышло у Васъ что нибудь новаго, пришлите. Вышла-ли 4-я книга Архива? Мы теперь съ Вами сосѣди и слѣдовало бы имѣть чаще другъ о другѣ свѣдѣнія. Будьте здоровы. Вамъ преданнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

Сараево ¹⁶/₂₈ іюля 1857 г.

Къ письму изъ Сараева ¹⁶/₂₈ іюня 1857 г. Гильфердингъ приложилъ вырѣзку изъ Gazeta Warszawska (№ 191 за 1856 г. ¹²/₂₄ іюля), въ которой помѣщена замѣтка польскаго ученаго Андрея Кухарскаго, вызванная запискою къ нему Гильфердинга. Гильфердингъ пишетъ, будто-бы въ Новой Александріи (т. е. Пулавахъ) находился въ библиотекѣ князей Чарторижскихъ экземпляръ перевода «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, сдѣланнаго Гундуличемъ (+1638). «Гундуличъ посвятилъ это свое произведеніе, писалъ Гильфердингъ Кухарскому, польскому королю Владиславу IV. Поэма эта не была напечатана, а другія копія ея пропали во время землетрясенія 1667 г., разрушившаго Дубровникъ». Кухарскій замѣчаетъ по этому поводу, что могъ

быть экземпляръ «Османиды» Гундулича, посвященный королю польскому Владиславу IV, ибо Гундуличъ воспѣваетъ его и славу поляновъ, но сомнѣвается, чтобы такой экземпляръ могъ быть въ Пулавахъ. Онъ предполагаетъ, что тамъ находился экземпляръ «Османиды», привезенный изъ Рима епископомъ Ридополитанскимъ ранѣе 1825 г.—Гундуличъ дѣйствительно переводилъ поэму Тасса (Appendini. *Notizie storico-critiche. Ragusa 1803. Томъ II, стр. 234*), но сообщаетъ при этомъ, что этотъ переводъ пропалъ во время разрушенія Дубровника 1667 г.

8.

Сараево. 16 (28) Января 1858.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Передо мною цѣлую вѣчность лежитъ Ваше уважаемое письмо, и я еще не собрался отвѣтить Вамъ. Очень благодарю за книги, доставленныя черезъ г. Моріера.

Я провелъ 6 недѣль прошлаго лѣта въ путешествіи, ѣздилъ въ Новый Назаръ, Печь, Дечане, Призренъ, Приштину, и на возвратномъ пути черезъ Герцеговину осматрѣлъ запустѣлыя монастыри на Тарѣ. Рукописей нашель очень много, особенно въ послѣднихъ, но, разумѣется, большая часть богословскаго содержанія. Есть однако и нѣкоторыя интересныя вещи для исторіи. Если бы зналъ, когда приблизится время изданія слѣдующей книги Архива, я прислалъ бы Вамъ что нибудь, и переписалъ бы тщательно, такъ что не было-бы тѣхъ ошибокъ и опечатокъ, за которыя справедливо упрекають изданіе житія св. Стефана Дечанскаго. Напечатано ли Вами слово Козмы Пресвитера противъ Богомилловъ?

Теперь мнѣ позволено возвратиться домой, и я съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда моего преемника, чтобы отправиться въ путь. Пребываніе въ Босніи оставитъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе по своей оригинальности и значительной ученой добычѣ; но, по совѣсти скажу, надолго я никому не желаю вкусить Сараевской жизни.

Очень порадуете меня письмомъ.

Если не хотите карать грѣшнаго его собственною виною, напишите немедленно, и адресуйте въ Вѣну, на имя о. Протоіерея Раевского или въ Русское посольство. Я засталъ бы Ваше письмо при проѣздѣ черезъ Вашу столицу. Если можете, пришлите мнѣ, пожалуйста, IV кн. Архива и то, что Бриличъ издалъ о Косовской битвѣ. Если будете читать Русскую Бесѣду, найдете тамъ мой отчетъ о путешествіи моемъ по Турціи.

Какъ мнѣ жалко было, что Вы до Сараева не доѣхали. Почему? Были ли Вы въ Сутѣскѣ? Я былъ въ обоихъ Латинскихъ монастыряхъ, Фойницѣ и Крешевѣ, но тамъ ничего не нашель; въ Сутѣскѣ не могъ быть, а тамъ, говорятъ, есть накая то лѣтопись.

Я окончилъ въ Сараевѣ вторую эпоху исторіи Сербовъ и Болгаръ (976—1019) и буду печатать тотчасъ по возвращеніи въ Россію. Теперь обрабатываю 3-ю эпоху (1019—1159). Если бы Вы могли сообщить мнѣ какія нѣбудь данныя для этихъ двухъ періодовъ, чрезвычайно бы обязали.

Напечатали ли Вы грамоты, обозначенныя въ Вашемъ *Izvestje* о *Putovanju*. на стр. 22? Эти грамоты особенно важны для меня.

Надѣюсь, что Ваше здоровіе Вамъ служить хорошо при неутомимыхъ трудахъ Вашихъ. Прошу Васъ передать поклонныя всѣмъ, кто меня вспомнитъ, и вѣрить искренней преданности

Вашего покорнѣйшаго слуги

А. Гильфердинга.

P. S. Что, словарь Шулека идетъ впередъ? Если будутъ выходить у Васъ матеріалы и для лингвистики Хорватской и Славянской, сообщайте мнѣ, пожалуйста.

Примѣчанію Редактора

Эти письма молодого (23-хъ—25-ти лѣтнаго) Гильфердинга къ извѣстному и заслуженному, покойному Хорватскому общественному и политическому дѣятелю, археологу и историку, Ив. Кукулевичу-Сакцинскому доставленъ намъ въ вѣрной копіи проф. Варшавскаго у-та, П. А. Кулаковскимъ, снятой имъ прошлою зимою въ Загребѣ. Покойный А. Ф. Гильфердингъ, бывший Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи нашего Общества, занимаетъ почетное мѣсто въ русской этнографіи своими замѣчательными трудами о Босніи и Герцеговинѣ, о Кашубахъ, а превосходнымъ сборникомъ записанныхъ имъ Былинъ Олонецкаго края и прекрасною, увы преждевременною смертью — онъ палъ жертвою ученой любознательности — Гильфердингъ записалъ свое имя золотыми буквами въ лѣтописяхъ нашей науки. Кромѣ того, за неполныя 20 лѣтъ своей дѣятельности, съ выхода изъ Московскаго университета до своей смерти, Гильфердингъ цѣлымъ рядомъ большихъ трудовъ и разныхъ статей оказалъ почтенныя услуги исторіи славянскихъ народовъ и вообще Славяновидѣнію, а своею государственною службою сначала въ М-вѣ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Госуд. Совѣтѣ, наконецъ въ качествѣ Основателя и Предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго комитета въ Петербургѣ онъ принесть не мало существенной пользы нашему отечеству по сношеніямъ и сблизженію нашимъ съ славянскими землями, а также по дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи и по важнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, когда состоялъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Н. А. Милютина. —

Олекминскіе скопцы.

Историко-бытовой очеркъ.

I.

Два года тому назадъ, живя въ глуши Олекминскаго округа, мы приняли изслѣдованіе быта Олекминскихъ скопцовъ и выбрали изъ архивныхъ источниковъ свѣдѣнія по исторіи поселенія ихъ въ Якутской области, но до сихъ поръ намъ не удалось воспользоваться добытыми нами и, на нашъ взглядъ, интересными матеріалами, относящимися къ культурному якобы значенію скопцовъ для Якутской области и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщающими, въ нѣкоторой степени, ходъ развитія скопчества—этого антиобщественнаго ученія въ Россіи за послѣдніе годы.

Въ виду одностороннихъ и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пристрастныхъ намъ попавшихся отзывовъ и отчетовъ административныхъ лицъ о великомъ значеніи и полезности для края скопцовъ, мы рѣшили теперь, по пословицѣ: лучше поздно чѣмъ никогда, изложить для печати результаты нашего изученія.

За послѣдвіе годы не мало было печатаемо журнальныхъ статей и спеціальныхъ трактатовъ о скопчествѣ и генетически связанной съ нимъ хлыстовщинѣ, съ изложеніемъ главнымъ образомъ догматической, обрядовой и нравственной сторонъ ученій этихъ крайнихъ религіозныхъ сектъ, но мало или вовсе не затрагивался бытъ ихъ. Поэтому мы думаемъ, что, помимо локальнаго значенія, описаніе образа жизни скопцовъ въ ссылкѣ можетъ имѣть и общій интересъ и, такъ какъ въ настоящее время скопцы высылаются исключительно въ Якутскую область, оно можетъ дать также нѣкоторое указаніе для заключеній о распространеніи и его районахъ или остановкѣ развитія скопческаго ученія на мѣстѣ его происхожденія, въ Европейской Россіи, откуда ежегодно не прерывается высылка скопцовъ по судебнымъ приговорамъ.

Хотя по тождеству религіозно-нравственныхъ мотивовъ наши скопцы имѣютъ предшественниковъ какъ въ христіанствѣ, такъ даже и въ древнемъ язычествѣ, но, не говоря уже о восточномъ и римскомъ евнушествѣ, преслѣдовавшемъ другія, не религіозныя цѣли, русское скопчество, кромѣ общаго сходства свойственнаго заблужденіямъ чловѣческаго духа вообще, не имѣетъ преемственной связи съ единичными случаями религіознаго изувѣрства пер-

выхъ и послѣдующихъ вѣковъ христіанства на западѣ и вполнѣдствіи у насъ. Языческіе же предки наши, по свидѣтельству Карамзина, не скопились. Русское скопчество выросло на почвѣ ученія хлыстовской секты о грѣховности сожителства половъ—ученія, приведшаго только послѣдователей секты къ совершенно другимъ результатамъ на практикѣ. Слабость и потребности человѣческой природы довели хлыстовъ до отрицанія только формальнаго брака и до отвращенія къ плодамъ сожителства—дѣтямъ, но терпимо стали относиться къ случайному блуду и тайному разврату. Многіе изъ хлыстовъ стали учить, что «только бракъ законный есть блудъ и скверна, яко противный Богу, а то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой по взаимной склонности, имѣють плотскую любовь»¹⁾). Скопчество такимъ образомъ явилось реакціей противъ хлыстовской разнузданности, отдѣлилось отъ хлыстовщины и образовало отдѣльную религіозную общину. Первое образованіе ея имѣло мѣсто въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. По крайней мѣрѣ первыя официальныя свѣдѣнія о скопцахъ, какъ сектѣ, относятся къ 1772 году. Съ тѣхъ поръ исторія распространенія скопческой секты изъ мѣста ея возникновенія, Орловской губерніи, на большую часть губерній Европейской и Азіатской Россіи служила неоднократно предметомъ ученаго изслѣдованія, а исторія ея гоненій и страданій представляетъ не малый интересъ, какъ судьба то покровительствовала, то предавала ее преслѣдованіямъ, пока въ царствованіи императора Николая Павловича не были приняты административнымъ и законодательнымъ путями болѣе энергичныя и постоянныя мѣры къ «искорененію» скопчества. Вотъ почему недобрая память сохранилась у скопцовъ объ этомъ императорѣ. Не лучшей симпатіей пользуются у скопцовъ Екатерина II и Павелъ Петровичъ, въ царствованіи которыхъ періодически предпринимались гоненія противъ нихъ. За то императоръ Александръ I, выказавшій къ скопцамъ особую терпимость, почитается у нихъ даже приверженцемъ скопческаго ученія.

Такъ какъ возникновеніе скопчества какъ секты относится ко времени, когда смертная казнь въ Россіи за общеуголовныя преступленія уже не примѣнялась, то въ лѣстницѣ наказаній, которымъ подвергались скопцы, мы не встрѣчаемъ смертной казни, несмотря на курьезное политическое самозванство основателя секты Селиванова. Только въ 1839 году Кронштадтскій военный судъ приговорилъ подпоручика Царенко къ смертной казни черезъ сожженіе за распространеніе скопчества въ войскѣ²⁾). Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго къ скопцамъ примѣняли обычныя тогда уголовныя

¹⁾ Реутскаго. Люди божьи и скопцы.

²⁾ Кутеповъ. Секты хлыстовъ и скопцовъ.

наказанія: внуть, каторгу, ссылку и сдачу въ солдаты. Въ 1838 году, по особому распоряженію императора, изъ всѣхъ скопцовъ, находившихся въ Черноморскомъ батальонѣ, была сформирована отдѣльная военно-рабочая рота. Особыхъ зачинщиковъ скопческой секты обращали тогда въ крѣпостныя работы и ссылали въ Сибирь, а въ началѣ царствованія Александра II исключительнымъ мѣстомъ ссылки скопцовъ служить уже Туруханскій край Енисейской губерніи. Въ настоящее же время всѣ скопцы, лишенные по суду правъ или отбывшіе срокъ каторги, высылаются на поселеніе въ Якутскую область на основаніи Высочайшаго повелѣнія (отъ 24-го октября 1861 года), послѣдовавшаго послѣ массоваго переселенія туда Туруханскихъ скопцовъ.

Жизнь этихъ измученныхъ, слабосильныхъ и изувѣченныхъ людей на Туруханской тундрѣ, не приступной для плуга, не благопріятной для скотоводства, окруженной бродячими инородцами и посѣщаемой періодическими голодовками, была крайне тяжелая и жалкая. До 1861 года въ Якутскую область высылали всѣхъ раскольниковъ крайнихъ толковъ, за исключеніемъ скопцовъ. Получивъ свѣдѣнія о возможности въ Якутской области занятія земледѣліемъ Туруханскіе скопцы подали прошеніе о переселеніи ихъ туда на имя генераль-губернатора Восточной Сибири Муравьева, представившаго это прошеніе съ одобрятельнымъ отзывомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣдній въ заключеніи своемъ отъ 24-го марта 1860 года согласился съ представленіемъ генераль-губернатора, но, сказано въ заключеніи: «скопцы должны быть водворены вдали отъ осѣлости мѣстныхъ жителей, во избѣжаніе вреднаго вліянія на лицъ не раздѣляющихъ ихъ заблужденій». Въ томъ же году въ указѣ Правительствующаго Сената на имя генераль-губернатора Восточной Сибири разъясняется, что на скопцовъ не распространяются манифесты отъ 27-го марта 1855 года и 26 августа 1856 года, что переходъ въ сословіе крестьянъ или мѣщанъ и отлучки изъ мѣстъ причисленія для заработковъ или по промышленнымъ цѣлямъ скопцамъ запрещены.

При такихъ условіяхъ Туруханскіе скопцы въ числѣ 319 человекъ отправлены въ 1860 году въ Якутскую область, при чемъ больше половины этого количества ѣхало на свой счетъ. Лѣтомъ 1861 года скопцы стали прибывать отдѣльными партіями въ Олекминскъ и Якутскъ.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ селить скопцовъ вдали отъ жителей, помимо своей суровости, оказалось не выполнимымъ на практикѣ. Оно упустило изъ виду потребности скопцовъ, какъ людей, и слабости сибирскихъ администраторовъ. Не говоря уже о томъ, что среди скопцовъ было много ремесленниковъ, но и при исключительномъ занятіи земледѣліемъ, скопцамъ нельзя было обойтись безъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ или обмѣна ихъ на другіе продукты и товары. Какъ потребности

скопцовъ не ограничены, они не могли образовать изъ себя общество, производящее для себя все необходимое и не нуждающееся въ рынокѣ и общеніи съ людьми. Это распоряженіе, а главнымъ образомъ его неопредѣленность, служили только источникомъ обильныхъ доходовъ для тогдашнихъ мелкихъ администраторовъ, имѣвшихъ дѣло съ людьми забитыми, наружно покорными и привычными еще въ Россіи къ приношеніямъ и подкупамъ властей. Такимъ образомъ оказалось, что 2 скопческихъ общества—Спасское и Мархинское, выросшія въ настоящее время въ громадныя богатѣйшія селенія, раскинулись—первое у самаго города Олекминска и второе въ 10 верстахъ отъ г. Якутска. Скопцы естественно тяготѣли къ рынкамъ, а ихъ глубокіе поклоны, не малые дары и, въ извѣстной мѣрѣ, челоуѣколюбивое къ нимъ отношеніе сибирскихъ властей вызвали рядъ представленій со стороны окружающихъ чиновъ, затѣмъ утвержденныхъ высшими властями временныхъ мѣръ, измѣненіе которыхъ не могло состояться безъ окончательнаго разоренія обстроившихся новоселовъ. Скоро, такимъ образомъ, стало сказываться экономическое вліяніе скопческихъ селеній на центры Якутскаго края. Вліяніе это не ограничилось одной только сферой сельско-хозяйственной дѣятельности скопцовъ, оно выразилось также въ ихъ торговой предприимчивости. Начнемъ съ земледѣлія и разумѣется пока будемъ говорить объ Олекминскомъ только округѣ.

Первый опытъ земледѣлія въ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 г. близъ г. Якутска. Въ 1768 году съ цѣлью развитія хлѣбопашества отъ Якутска по Иркутскому тракту были поселены нѣсколько семействъ поселенцевъ. Южнѣе же по Ленѣ отъ Олекминска до Киренска и Верхоленска начали заниматься хлѣбопашествомъ еще со временъ царя Алексѣя Михайловича ¹⁾. Съ тѣхъ поръ развитіе земледѣлія въ краѣ шло довольно туго. Оно то расширялось, то опять сокращалось. Обильные урожаи отъ маленькихъ посѣвовъ вызывали подражанія не только со стороны русскихъ поселенцевъ, но и инородцевъ. Но чередующіеся съ урожайными годами неурожайные, при неразвитости населенія и полной зависимости его отъ суровой природы, заставляли по временамъ земледѣлію дѣлать обратные шаги, обращая нерѣдко даже русскихъ переселенцевъ въ скотоводовъ. Въ концѣ же концовъ земледѣліе совершало все таки свое поступательное движеніе въ краѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ нынѣшняго восточно-сибирскія власти, по предписаніямъ правительства, постоянно заботились о развитіи этой отрасли промышленности въ области, пуская въ ходъ также отечески

¹⁾ Давыдовъ. Записки И. Русскаго Географическаго Общества 1858 г. кн. V.

патріархальныя внушенія, доставляя населенію хлѣбныя сѣмяныя зерна и огородныя сѣмена. Въ 1849 году еще было закуплено администраціей въ Иркутскомъ округѣ 10,549 пудовъ сѣмяннаго хлѣба для Киренскаго и Олекминскаго округовъ, а въ 50-хъ годахъ разработка полей какъ у русскихъ, такъ и у якутовъ стала быстро расширяться. За 1855, напр., годъ намъ неизвѣстны результаты урожая въ одномъ Олекминскомъ округѣ, но во всей области (т. е. въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ—Виллюйскій тогда еще принадлежалъ къ неземледѣльческимъ округамъ области) согласно свѣдѣніямъ 3-го Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири урожай простирался до 30,568 четвертей, т. е. 275,112 пудовъ разныхъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ яровыхъ. Но Якутская область еще не могла тогда довольствоваться своимъ собственнымъ хлѣбомъ безъ привознаго изъ Иркутской губерніи. Разумѣется и въ настоящее время можно сказать тоже самое, если принять во вниманіе, что $\frac{9}{10}$ населенія области почти или совсѣмъ еще не употребляютъ хлѣба, но ввозъ его изъ Иркутской и Томской губерній значительно сократился, несмотря на то, что раіонъ употребленія хлѣбовъ расширился.

Сдѣлавъ необходимое отступленіе для краткаго обзора развитія земледѣлія въ Якутской области, мы теперь вернемся къ отношеніямъ скопцовъ въ этому вопросу. Изъ упомянутыхъ 319 туруханскихъ и нѣсколькихъ партій вновь прибывшихъ къ тому времени изъ Россіи скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ было оставлено 260 человѣкъ—столько ихъ по крайней мѣрѣ числилось въ 1862 году. Изъ нихъ 80 челов. были поселены по рѣчкѣ Ала-лайвѣ вблизи города (нынѣ Спасское селеніе), а 180 челов. на устьѣ рѣки Олекмы въ 15 верстахъ отъ города (нынѣ Троицкое селеніе). Такое близкое ихъ поселеніе отъ города между прочимъ мотивировалось и слѣдующимъ обстоятельствомъ ¹⁾: «Принимая во вниманіе разстройство хозяйствъ инородцевъ вслѣдствіе неурожая хлѣба и травъ, который предстоитъ и въ нынѣшнемъ году, нельзя нынѣ приступитъ къ заселенію скопцовъ въ отдаленныя мѣста, рассчитывая при этомъ по обыкновенію на содѣйствіе инородцевъ въ содержаніи поселенцевъ... Въ видахъ облегченія инородцевъ и т. д.» было разрѣшено поселить скопцовъ близъ Якутска и Олекминска. Мы указываемъ на это обстоятельство только какъ на фактъ, интересный для исторіи скопческихъ селеній въ области, потому что, каковы бы ни были побудительныя причины представленій о нарушеніи министерскаго распоряженія, мы не можемъ не сочувствовать человѣчности этихъ представленій, хотя съ другой стороны посе-

¹⁾ Журналъ Общ. присутствія Областнаго Правленія. 1861 г.

леніе скопцовъ близъ городовъ должно было въ концѣ концовъ совершиться насчетъ инородцевъ и въ ущербъ ихъ интересамъ, лишая ихъ земель близъ городовъ т. е. земель болѣе высокой цѣнности и даже расчищенныхъ, земель, на которыхъ Якуты уже занимались земледѣіемъ. Такъ, на рѣчкѣ Алалайкѣ по первой нарѣзкѣ, скопцамъ была уступлена казенная земля, но на устьѣ рѣки Олекмы, при впаденіи ея въ Лену, мірская сходка Якутовъ Мальжигарскаго наслега, состоявшаяся въ Августѣ 1861 года въ Инородной управѣ въ присутствіи исправника и по его убѣжденію, «уступила» скопцамъ 50 десятинъ расчищенной земли, 50 десят. открытаго покоса и на 5 верстъ протяженія лѣвнаго берега рѣки, годнаго къ расчисткѣ «съ тѣмъ», какъ сказано въ актѣ объ уступкѣ, подписанномъ 148 сородовичами: «что въ послѣдствіи начальство по какимъ либо причинамъ распорядится перемѣстить ихъ изъ Олекминскаго въ другой округъ или же по случаю неплодности самихъ скопцовъ совершеннаго искорененія, тогда выше отведенныя мѣста должны обратиться въ наше владѣніе». Понятно, что эта уступка со стороны Якутовъ была большой жертвой и скорѣй всего—не добровольной. Извѣстно, какъ трудно корчевать якутскую мерзлую и дѣвственную почву, особенно первобытнымъ способомъ, безъ корчевальныхъ орудій. Трудъ и время, вложенныя въ расчистку одной десятины изъ подъ лѣса, оцѣниваются здѣсь минимумъ въ 100 рублей. Значитъ 50 десятинъ одной только расчищенной земли стоятъ не менѣе 5.000 р. Изъ акта уступки также видно, что на уступленной землѣ были якутскія жилища, потому что въ немъ говорится, что скопцы должны «сдѣлать якутамъ денежное пособіе за сносъ строеній», при чемъ размѣръ пособія тамъ не опредѣляется. Можетъ также быть, что перекочевка этихъ Якутовъ съ насиженныхъ ими разныхъ мѣстъ, на другія, не расчищенныя, остановила у нихъ процессъ развитія земледѣлія; а что уступка этихъ земель могла быть не добровольная, видно изъ того, что Якуты въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года дали исправнику подписку въ томъ, «что земля уступлена добровольно и что жаловаться на отнятіе этихъ мѣстъ не намѣрены». Такимъ образомъ мы видимъ, что первоначальное поселеніе скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ не принесло пользы мѣстнымъ жителямъ. Еще было одно дѣло объ отводѣ уже въ 1870 г. скопцамъ земли, принадлежащей крестьянамъ станціи Точильной, но по иску крестьянъ земля эта была имъ возвращена.

Обращаясь теперь къ современному значенію скопческихъ хозяйствъ для округа, надо замѣтить, что похвалы, которыя сыплются на скопцовъ, какъ на «проводниковъ земледѣльческой культуры», въ официальныхъ отчетахъ о хлѣбопашествѣ и экономической жизни области, кроются, по нашему мнѣнію, въ слѣдующихъ причинахъ. Во 1-хъ, въ традиціяхъ, долеко не безкорыстныхъ, передаваемыхъ старыми чиновниками новымъ; во 2-хъ—ничего нѣтъ любезнѣе

бюрократическому сердцу, когда, не только безъ всякихъ хлопотъ, но и съ выгодой, можно сказать, что все обстоитъ благополучно, указавъ на доброту, опрятность и зажиточность однихъ подчиненныхъ, а о другихъ—прибавивъ, что они не стоятъ заботъ; въ 3-хъ—никто, какъ скопцы, не умѣютъ такъ ловко выставлять на показъ мѣстному или проѣзжему администратору арбузъ, дыню или другое парниковое растеніе, не имѣющіе никакого значенія для массы населенія. Разумѣется благосостояніе большинства скопцовъ, какъ земледѣльцевъ, само по себѣ, независимо отъ другихъ соображеній, не можетъ не радовать всякаго порядочнаго человѣка, но насъ заинтересовалъ другой вопросъ: насколько скопческое хозяйство повліяло на развитіе земледѣлія у крестьянъ и Якутовъ и насколько развитіе земледѣлія повліяло на большую доступность хлѣба по своей цѣнѣ, въ пищу въ Олекминскомъ округѣ. Для выясненія этого вопроса мы опять таки обратились къ цифрамъ изъ отчетовъ окружныхъ чиновъ якутскому губернатору, опровергающимъ общепринятое мнѣніе о полезности скопцовъ для края. Но прежде чѣмъ приводить эти данныя, мы хотимъ нѣсколько дополнить исторію скопческихъ селеній въ Олекминскомъ округѣ.

Въ 1863 году областное правленіе запретило селить вновь прибывшихъ скопцовъ въ пригородныя селенія, имѣя въ виду точное исполненіе распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1865 году генераль-губернаторъ Восточной Сибири распорядился объ оставленіи всѣхъ прибывшихъ скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ, но распоряженіе это впоследствии было отмѣнено вслѣдствіе представленій олекминскихъ властей о затруднительности надѣленія всѣхъ скопцовъ землею, а можетъ быть и потому, что богатые скопцы стремились къ болѣе обширному рынку—якутскому. Въ 1884 году генераль-губернаторъ призналъ возможнымъ «къ поддержанію пригородныхъ скопческихъ селеній, пополнить ихъ вновь высылаемыми на мѣсто вымирающихъ и драхлѣющихъ, а также переводомъ скопцовъ изъ отдаленныхъ скопческихъ селеній». Между прочимъ раньше переводъ скопцовъ изъ одного селенія въ другое однимъ губернаторомъ разрѣшался, другимъ запрещался. Такимъ образомъ пригородныя селенія стали разрастаться на счетъ другихъ, болѣе отдаленныхъ и вліяніе ихъ на экономическую жизнь городовъ, все больше и больше даетъ себя знать—особенно на такой городокъ, какъ Олекминскъ.

Теперь мы приведемъ таблицу посѣвовъ и урожаевъ для Олекминскаго округа составленную нами на основаніи окружныхъ отчетовъ за выведенные годы съ извѣстными промежутками, начиная съ 1850 года.

	1850 г. ¹⁾		1861 г.		1862 г.		1882 г.		1888 г.						
	Всѣхъ хлѣбовъ.		Всѣхъ хлѣбовъ.		Всѣхъ хлѣбовъ.		Всѣхъ хлѣбовъ.		Всѣхъ хлѣбовъ.						
	пос.	род.	пос.	родил.	пос.	родил.	пос.	родил.	пос.	родил.					
	Десятинъ.	Четв. ²⁾	Десятинъ.	Четвертей.	Десятинъ.	Четвертей.	Десятинъ.	Четвертей.	Десятинъ.	Четвертей.					
У городскихъ жителей, крестьянъ, якутовъ и переселенцевъ.	959	980	2.538	2.156	2.379	17.780	2.530	2.798	11.886	1.480	5.492	19.956	1.276	1.438	18.200
У скопцовъ.	—	—	—	—	—	—	62	62	323	246	341	2.033	451	403	3.892

Не считая городскихъ жителей, изъ которыхъ очень немногіе занимаются земледѣліемъ, и бродячихъ Тунгусовъ въ округѣ было въ 1850 г.: крестьянъ—1.026 чел., Якутовъ—8.120 чел.; въ 1882 г.: крестьянъ—1.713 чел., якутовъ—8.598 ч., а скопцовъ: въ 1862 г.—272 чел., въ 1882 г.—391 ч.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что за 11 лѣтъ, отъ 1850 до 1861 года, посѣвъ хлѣбовъ въ округѣ увеличился болѣе чѣмъ вдвое, а съ 1862 г., т. е. года перваго земледѣльческаго опыта въ округѣ скопцовъ, до 1882 г. т. е. за 20 лѣтъ—запашки кореннаго населенія не умножились на 2, а еще черезъ 6 лѣтъ, въ 1888 году, обработка полей даже сократилась. Но послѣднее обстоятельство надо приписать неурожаемъ нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ. И такъ, говорить, какъ это принято, о благодѣтельномъ вліяніи скопческой земледѣльческой культуры на коренное населеніе, въ смыслѣ ея привитія и вызыванія подражанія, нельзя. Скопческіе земледѣльческіе успѣхи скорѣе вызываютъ зависть, потому что въ этихъ успѣхахъ, по невозможности какихъ бы то ни было родственныхъ союзовъ со скопцами, поселеніе не можетъ имѣть своей доли и въ этихъ успѣхахъ повинно не одно трудолюбіе выносливыхъ, но слабосильныхъ скопцовъ, а въ нихъ играютъ роль факторы которыхъ нѣтъ въ хозяйствѣ бѣдныхъ крестьянъ и Якутовъ. Благодаря

¹⁾ Неурожайный годъ.

²⁾ Четверть = 9 пудамъ.

своимъ средствамъ богатые скопцы сразу поставили свое хозяйство на солидную ногу, а благодѣтели изъ Россіи не оставляли страдающихъ «братьевъ» безъ помощи. Отсутствие же дѣтскихъ ртовъ и траты времени и средствъ на семейныя заботы и на удовольствія и слабости, присущія нормальнымъ людямъ, способствуетъ накопленію скопческихъ капиталовъ. Въ силу же одного этого нельзя ставить скопцовъ въ примѣръ «гражданственности» ¹⁾ бѣднымъ и обремененнымъ семействами, но грѣшнымъ крестьянамъ и Якутамъ. Скопческая культура, по нашему мнѣнію, не имѣетъ будущности даже въ смыслѣ передачи ея въ послѣдствіи кореннымъ жителямъ, если рядомъ со скопцами и первые не будутъ въ состояніи оказывать такіе же успѣхи на своихъ земляхъ. Способъ обработки и другіе успѣхи въ земледѣліи тоже передаются потомкамъ наследственнымъ образомъ, а потомки скопцовъ это—новыя жертвы религіознаго фанатизма, прекращеніе которыхъ, надо вѣрить, наступитъ съ уничтоженіемъ народнаго невѣжества. Послѣдніе скопцы заустятъ свое хозяйство и послѣ ихъ смерти поля ихъ могутъ придти въ полное заустѣніе, если правительство не приметъ своевременно мѣръ о переходѣ ихъ въ другія руки ²⁾.

За всѣмъ тѣмъ мы не возлагаемъ прямой отвѣтственности на скопцовъ за медленное развитіе земледѣлія въ Олекминскомъ округѣ. Главная причина его заключается въ успѣхахъ золотопромышленности по Олекминской системѣ за 60-е и 70-е годы. Пріиски отрывали крестьянъ отъ земли, суля имъ богатство и давая посторонніе заработки, какъ напр. перевозку клади. Но вмѣсто богатствъ, приленскіе крестьяне, заустивъ хозяйство, приобрѣли разореніе и впали въ нищету. Чтò можно ужъ прямо ставить въ вину скопцамъ, такъ это захватъ въ свои руки рынка, главнымъ образомъ хлѣбнаго, наиболѣе важнаго для массы населенія. Намъ рассказывали, случаи, когда скопцы, по приходѣ паузокъ съ иркутскимъ хлѣбомъ, моментально стали отпускать свой хлѣбъ по цѣнамъ ниже паузочныхъ. Привознаго хлѣба никто не покупалъ и скопцы общими средствами легко и дешево скупали его весь. Послѣ этого скопцы опять являлись господами рынка. Такимъ же образомъ они пользуются нуждой крестьянина и непредусмотрительностью Якута, скупая у

---

¹⁾ Мы беремъ это выраженіе изъ одного отчета.

²⁾ Смертность скопцовъ въ ссылкѣ, рядомъ съ рѣдкимъ долголѣтіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очень велика. Для примѣра возьмемъ Спасское селеніе. Съ 1861 года до 1884 г. къ этому селенію было причислено 180 скопцовъ и 69 скопчихъ. Изъ этого числа и за это время умерло 43 скопца и 27 скопчихъ, т. е. въ 23 года вымерло 27%.—болѣе четверти населенія. Еслибъ прибытіе новыхъ жертвъ изъ Россіи теперь прекратилось, то достаточно какихъ нибудь 50—60 лѣтъ, чтобы отъ скопческаго поселенія Якутской обл-сти не осталось и слѣда.

нихъ хлѣбъ—нерѣдко на корню—по дешевой цѣнѣ, потому имъ же продаютъ его по высокимъ цѣнамъ скопческой биржи или отправляютъ на прииска или сдаютъ въ качествѣ подрядчиковъ казнѣ. Всѣмъ этимъ рассказамъ мы нашли и официальное подтвержденіе въ конфиденціальномъ отношеніи Якутскаго губернатора Олекминскому исправнику отъ 9-го ноября 1885 года. Наконецъ мы знаемъ, какъ скопцы воспользовались всеобщимъ бѣдствіемъ неурожайнаго 1886 года, продавая изъ своихъ полныхъ амбаровъ ржаной хлѣбъ по 4 и болѣе рублей за пудъ. Какъ въ Россіи процвѣтаніе «отечественной» промышленности связано со вздорожаніемъ фабричныхъ произведеній, такъ и въ описываемомъ нами округѣ успѣхи земледѣлія подняли цѣны на хлѣбъ. Для доказательства мы приводимъ небольшую выписку изъ официальныхъ отчетовъ о справочныхъ цѣнахъ въ округѣ на сѣбные и другіе приасы за нѣсколько лѣтъ по плану предъидущей таблицы ¹⁾. Изъ этой таблички мы видимъ, насколько раньше привозный хлѣбъ обходился дешевле. Тогда, спрашивается, зачѣмъ хлопотать объ успѣхахъ въ области земледѣлія, служащаго одной изъ причинъ упадка скотоводства, такъ какъ самые лучшие выгоны отходятъ подъ пашни, которыя огораживаются плетнями, заставляющіе скотъ дѣлать длинные и утомительные обходы, чтобы попасть на топкія пастбища ²⁾.

¹⁾ Справочныя цѣны въ Олекминскомъ округѣ.

	1849 г.		1850 г.		1861 г.		1882 г.		1888 г.			
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	отъ		до	
									Р.	К.	Р.	К.
1 пудъ ярицы . . .	—	65	—	—	—	—	1	90	2	60	3	—
„ ячменя . .	—	86	—	—	—	—	1	90	2	35	2	40
„ пшеничн. м.	—	—	1	40	1	50	3	50	3	75	4	25
„ ржаной м. .	—	—	—	46	—	75	3	25	3	—	3	20
„ ячной муки.	—	—	1	60	—	—	2	90	2	30	2	60
„ ячной круч.	—	—	—	—	—	75	3	75	3	95	4	20

²⁾ Изъ слѣдующихъ данныхъ видно, какъ развитіе хлѣбопашества все сокращаетъ сѣнокосы:

Накошено сѣна пудами въ Олекминскомъ округѣ.				
	въ 1862 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Горожанами и Казаками	. . . . . 27.000	13.125	13.300	22.000
Крестьянами	396.535	197.900	144.500	96.500
Якутами	861.595	986.000	382.125	376.600
Скопцами	5.325	7.000	19.470	12.680

Намъ замѣтили, что цѣнность денегъ въ качествѣ мѣновыхъ знаковъ теперь понизилась, но въ чемъ, спрашивается, заключается курсъ денегъ? Въ ихъ отношеніяхъ къ вещамъ. Что касается до привозныхъ товаровъ, то они съ каждымъ годомъ тутъ дешевѣютъ, мѣстные же продукты, какъ мясо, масло и т. д., правда, вздорожали влѣдствіе спроса на нихъ на пріиска и вообще— уменьшенія скота, но скопцы вѣдь мяса не употребляютъ, а молочныхъ продуктовъ у нихъ есть достаточно отъ своего скота, цѣны же на хлѣбъ устанавливаютъ они.

Если мы теперь обратимся къ огородничеству, служившему уже было не только важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянъ и даже Якутовъ округа, но и предметомъ сбыта на пріиска, то насъ дѣйствительно поразитъ паденіе этого промысла у коренныхъ жителей, главнымъ образомъ у крестьянъ, съ одновременнымъ поднятіемъ его у скопцовъ и вздорожаніемъ овощей. Изъ многочисленныхъ годичныхъ отчетовъ объ огородничествѣ въ Олекминскомъ округѣ, начиная съ 1852 года мы выбрали 2 наиболѣе важныхъ огородныхъ продукта: капусту и огурцы съ опредѣленіемъ снятаго ихъ количества каждый, послѣдній годъ cadaго десятилѣтія до 1888 г у крестьянъ и скопцовъ ¹⁾).

Это непонятное и непростительное паденіе огородничества у приленскихъ крестьянъ, но которое, насколько мы замѣтили изъ бумагъ, не было еще обращено вниманіе администраціи, нельзя разумѣется приписать исключительно скопческому вліянію или конкуренціи, а опять таки надеждамъ крестьянъ на легкіе заработки на пріискахъ. Но то обстоятельство, что скопческое огородничество развивалось, было только на руку пріисковой праздности и разгулу крестьянъ, получившихъ возможность пріобрѣтать своица за деньги, безъ труда и заботъ огородника ²⁾, а скопцы со своимъ эмпирическимъ видомъ и обычнымъ умѣніемъ воспользовались своимъ господствомъ на овощномъ рынкѣ.

¹⁾ Снято съ огородовъ въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1852 г.	въ 1862 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Капусты	у крестьянъ 450 грядъ	600 пуд.	500 пуд.	250 пуд.	56 пуд.
	» скопцовъ —	» 200 »	» 900 »	» 2.575 »	» 2.275 »
Огурцовъ	» крестьянъ —	» 22.000 шт.	» 1.900 шт.	» 5.000 шт.	» 800 шт.
	» скопцовъ —	» 7.500 »	» 12.000 »	» 30.000 »	» 25.500 »

²⁾ Только разведеніе картофеля, не требующаго такого ухода и поливки, какъ капуста, или парниковъ, какъ огурцы, въ Якутской области, болѣе или менѣе у всѣхъ расшривались, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Снято четвертей картофеля въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1850 г.	въ 1860 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Горожанами (мѣщане, казаки и др.)	12	57	72	195	192
Крестьянами	328	247	1.262	2.094	955
Якутами	99	196	428	2.531	1.167
Поселенцами	—	—	—	110	150
Скопцами	—	—	1.236	2.006	2.200

Намъ олекминскіе старожилы рассказывали о дешевизнѣ овощей тамъ въ 50-хъ годахъ—сотня огурцовъ напр. стоила 40—60 коп. Изъ отчета по округу за 1862 годъ мы находимъ между справочными цѣнами стоимость огурцовъ: за сотню 1 р.—1 р. 50 коп.—капусты: за 100 вилокъ (что составляетъ не менѣе 10 пудовъ) отъ 1 р. 50 коп.—3 р., а по справочнымъ цѣнамъ 1888 года сотня огурцовъ уже продавалась по 5 р. и больше, а 1 пудъ капусты отъ 1 р. и больше ¹⁾).

Изъ всего сказаннаго нами о земледѣліи и огородничествѣ скопцовъ могутъ пожалуй сдѣлать ложное заключеніе, что мы желали бы стѣснить дѣятельность скопцовъ, какъ землепанцевъ, но это разумѣется было-бы несправедливо, такъ какъ всякій трудъ надо поощрять; но не мѣшаетъ также обратить вниманіе на рыночныя цѣны хлѣбныхъ и огородныхъ растений, а главнымъ образомъ не слѣдуетъ придавать важнаго значенія «земледѣльческой культурѣ» скопцовъ—значенія, какого они не имѣютъ. Наоборотъ, еще большой вопросъ полезна-ли она или вредна для будущаго, для того будущаго, которымъ сами скопцы не чреваты. Если скопцы тщательнѣе обрабатываютъ поля, глубже вспахивая землю, чѣмъ якуты, хотя все еще первобытными орудіями послѣднихъ, то это они дѣлаютъ для своей пользы и главное для пользы настоящаго момента. Самый способъ земледѣльческаго хозяйства скопцовъ можно назвать хищническимъ. Они не соблюдаютъ никакой системы при обработкѣ полей, особенно изъ арендуемыхъ ими земель. Они сѣютъ до тѣхъ поръ, пока земля даетъ всходы, потомъ бросаютъ ее и обращаются къ истощенію другихъ участковъ. Такимъ образомъ боевое земледѣліе скопцовъ едва ли полезно для того мирнаго завоеванія полей, которое началось у Якутовъ до прихода безполагаго народа.

Особенное значеніе скопческое хозяйство должно имѣть для Олекминскаго округа, въ которомъ Якуты становятся настоящими земледѣльцами, оставляя за собой, въ сожалѣнію, русскихъ крестьянъ. Много Якутовъ тамъ уже занимаются исключительно земледѣліемъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ бывший улусный голова Антоновъ, завели обширная хозяйство съ образцовыми экономіями, мельницами и т. д. ²⁾). Изъ примѣчанія къ этой страницѣ мы видимъ

¹⁾ Стоимость огородныхъ произведеній въ 1888 г. въ одномъ только Спасскомъ селеніи скопцы опредѣляли въ 6.328 рублей. Цѣны на овощи, какъ и на хлѣбъ, зависятъ отъ воли и сговора скопцовъ. Намъ рассказали случай, когда скопцы Троицкаго селенія-привезши въ городъ для продажи огурцовъ, хотѣли ихъ продавать по 3 р. за сотню, но «братья» Спасскаго селенія запротестовали и заставили первыхъ поднять цѣну до 5 р.

²⁾ Изъ данныхъ, приведенныхъ въ «Приложеніи къ Всеподданнѣйшему отчету Якутскаго губернатора» за урожайный 1889 г., мы вычислили, что изъ хлѣба, снатаго съ якутскихъ полей за этотъ годъ приходилось на cadaго якута въ Якутскомъ округѣ (всего 131.088 чел.) менѣе 0,5 пуда, — въ Вилюйскомъ округѣ (всего 66.475 чел.) менѣе 0,5 пуда, а на cadaго якута Олекминскаго округа (всего 9.667 чел.) по 25,4 пуда.

что эволюція перехода якутовъ Олекминскаго округа отъ пастушескаго къ земледѣльческому быту, несмотря на неблагопріятныя условія климата и почвы, можно считать законченной. Мы слышали недавно о предположеніяхъ высшей Восточно-сибирской администраціи о новомъ надѣленіи скопцовъ якутскими землями, такъ чтобы каждый скопецъ имѣлъ не менѣе 15 десятинъ земли. Эта мѣра, долженствующая по мнѣнію администраціи, способствовать развитію хлѣбопашества, нанесла бы тяжелый ударъ якутскому земледѣлію и землевладѣнію. Уже гораздо справедливѣе подвергнуть передѣлу земли, уже находящіяся въ рукахъ скопцовъ для уравниенія неравномѣрнаго среди нихъ землевладѣнія. Якутской области не только не нужны крупныя скопческія землевладѣльцы богачи и кулаки, но они абсолютно вредны по своему, безсердечію, притворству и ненасытной жадности.

Не мѣшало-бы уже теперь оставить увлеченія фальшивымъ блескомъ переходящаго явленія, чтобы, по примѣру стараго времени, главное вниманіе и заботу обращать на крестьянскія и инородческія общества, отъ которыхъ зависитъ не одно настоящее населенія, но и его будущее.

(Окончаніе въ слѣд. вып.).

ОТДѢЛЪ II.

Народныя сказанія о самоубійцахъ.

Село Даньково Смол. уѣзда, Сельцо Рудня Ельнинск. уѣзда.

Вотъ и чорту баранъ!

(Нар. погов.).

Многія психическія настроенія человѣка объясняются состояніемъ его здоровья физическаго организма, а, главнымъ образомъ, нравственнымъ и умственнымъ его складомъ, міросозерцаніемъ.

Народная психологія и міеологія требуютъ совѣстнаго изученія.

Простой народъ до сихъ поръ еще находится подъ властью міеологическихъ воззрѣній; эти воззрѣнія всасываются человѣкомъ съ дѣтства, передаются отъ бабокъ и дѣдовъ впускавъ вмѣстѣ съ пѣснями, сказками, обрядами, снагаданіями. И часто воззрѣнія, кажущіяся неважными и незначительными на обширномъ и пестромъ полѣ этнографіи, играютъ роль въ жизни человѣка, имѣютъ рѣшающее, поворотное значеніе.

При одинаковыхъ условіяхъ жизни и воспитанія, воззрѣнія простаго народа общи, легко передаются и сообщаются отъ одного другому—иногда у многихъ лицъ психическія настроенія выливаются въ извѣстныхъ формахъ. Даже психическія болѣзни, уклоненія отъ нормальнаго состоянія духа, какъ результатъ извѣстныхъ причинъ, получая опредѣленное направленіе, характеризуютъ нѣкоторыя мѣстности. Народу присуще то воззрѣніе, что человѣкъ не самъ лишаетъ себя жизни, а доводитъ его до самоубійства, иногда даже непосредственно убиваетъ, топчетъ, чортъ, дѣшій.

Меланхолическое настроеніе передъ самоубійствомъ, душевное разстройство, считаются дьявольскимъ навожденіемъ; раздвоеніе сознанія, разговоры и преширательство съ невидимымъ кѣмъ-то (что нерѣдко бываетъ также въ экстазѣ отъ хмеля) народъ понимаетъ, какъ борьбу съ нечистой силой; когда же больной самовольно прекращаетъ свое существованіе народъ выражается пословицей «чорту баравъ»!

Представленіе лютаго горя или насильственной идеи въ видѣ неотвязчиваго и неотступнаго преслѣдующаго демона усиливаетъ душевную тревогу больного и тѣмъ скорѣе приводитъ его къ преступленію или къ роковому концу. Иногда демонъ принимаетъ образъ знакомаго, кума¹⁾, чтобъ вѣрнѣе оболстать, а потомъ погубить человѣка; или же нечистая сила вручаетъ заклятыя вещи, которыя губятъ взявшаго ихъ.

¹⁾ Во время нынѣшняго голода получилъ популярность слѣдующій разсказъ.

Мужикъ продаетъ въ дорогѣ, возлѣ кабака, жонку свою куму за десятку, надѣясь, что кумъ изъ сосѣдней деревни сжалится и отдастъ ее со временемъ назадъ. Вышло иначе. Жонка пропала безъ вѣсти; ваявшій ея съ собою былъ не кумъ, а кто-то другой: кумъ никуда не тѣдаль, а былъ все время дома.

Слышавшіе этотъ разсказъ заключали, что несомнѣнно купилъ жонку у мужа дьяволь.

И въ Иліадѣ Гомера враждебный богъ пользуется такимъ пріемомъ, такою хитростью, чтобъ обмануть героя.

Жертвы самоубійства становятся стихійными существами, принадлежащими къ царству дѣсовика или водяника, или домового.

Умереть, по древнимъ воззрѣніямъ, значило уйти домой, къ домовому, къ предкамъ.

— «Я хачу двору итти... Што вы мне двору ни пуцантя?»... говоритъ страждущій больной, прося близкихъ, чтобъ ему дали умереть спокойно, не безпокоя плачемъ, не приковывая жалобными причитаніями къ мыслямъ о родныхъ, которыхъ все равно ему надо покинуть.

Особенно часто вѣшаютъ несчастные самоубійцы на хлѣвахъ, на гумнахъ, гдѣ, по народнымъ воззрѣніямъ, именно и обитаетъ домовый.

Самоубійцы тревожатъ живущихъ, особенно тѣхъ, которые знали ихъ, имѣли съ ними дѣло, быть можетъ, обидѣли ихъ, не оказали имъ должной любви и поддержки;— поэтому участь самоубійцъ и волнуетъ близкихъ родичей.

Видѣть во снѣ самоубійцу «хорошо», видѣть его въ блаженномъ состояніи, значить до павѣсной степени примириться съ нимъ и успокоиться относительно его загробнаго состоянія.

Приводимъ нѣсколько записанныхъ въ Смоленской губ. народныхъ разсказовъ о самоубійцахъ разсказовъ, характеризующихъ воззрѣнія народъ на миръ вѣковѣчныхъ самовольно свою жизнь.

1.

Янъ Данила абвѣсіуся.

Состояніе Данилы передъ самоубійствомъ.

Сядитъ Данила, дремлитъ,—маладуха спрашінтъ:

— «Данила, адурѣлъ ты? Чаго ты ета дремишь?»

— Чаму жъ мнѣ ни дримать, Ганничка?! Ляжу спать, ни рѣзачку ни засну—кѣрика я ня сплю.

— «Чаго жъ ты ета такъ ня спишь?»

— Ганничка, якъ ляжу я спать, здаются мнѣ дѣўки... Ни знаю, Ганничка, якея ета дѣўки мнѣ спать ня дають!. Што яны только мнѣ пристаўляють акаянныя! Яны мнѣ на аднягъ часть, на аэну минутку, ня дадутъ снаждю!..

— «Што ты ета адурѣу? Ти жантца ты уздуму? а?»

— Ды нѣ! Ни дѣйжа ¹⁾ я въ умѣ ни було, а дѣўки усѣ мнѣ приздаютца, усѣ приздаютца—никакъ ать ихъ ни атабьсья!..

— «Ну, якея жъ дѣўки?»

— А такел, да усѣ харошія—груди такел!.. Сиськами якъ трѣннить, трѣннить... Што только яны выдѣлывають пирѣда мною? Яны и скачуть, и вѣють, и пѣсни пѣють... Што яны только пристаўляють, такъ я и глази ни зваду. Усле начушучку хуть я лажись, хуть ни лажись, мнѣ спакою ать ихъ нѣтъ ни разу—хажу, якъ дуракъ!..

— «Ты сказаў-бы батьки!»..

— Я бы хуй и сказаъ бы батьки!.. Батьки я баюсь, баюсь: іонъ затукантъ,—затукантъ и залюкантъ ²⁾ (батька такел дуракъ: яму ни гаварп ни худога, ни харошіга—ни выпускантъ изъ рукъ байда ³⁾): што глянуў, то и грануў).

¹⁾ Дѣйжа—даже.

²⁾ Запугивать.

³⁾ Байда—клята.

— «Ты жь бы матки сказаў»!..

— Якъ я буду матки гаварить? Матка станиць бранитца: «Што ты? дуракъ ты! Простаўляяць блазнату, дурату! А ящо такей бальшой маладчуга! Вишь яму на угъ двѣки!..»

Бабка самоубійцы «передъ случаемъ» сонъ видить.

Нада жь такому сну Данилиный бабки саснитца:

Икъ бигать свиньи са ўсей дареўни на канавалыву зямлю и стали рыть,—во и рыть. Рыли, рыли—тады якъ збѣхса народъ, якъ стали етыхъ свинней турить. Узали тыхъ свиней путурили у заказъ. Етыи сонъ ина разказанть, а тутъ бигать и кричать: хто—пажаръ, а хто—нашъ Данила задавиўся.

Пожаръ и самоубійство Данилы.

Паѣхали за снапами и стали снапы на вазы ускладать. Данила кладеть снапы умѣсти съ махынныи дяўчонычый (ей только што вѣснмый гадокъ нашоў). Стаў Данила у трубку курить; дяўчоначка на яго заругалась:

— Чаго ты бязулься? ¹⁾ дуракъ»!..

А Данила гаворить:

— Маўчи, разумная дура: а то сичасъ возъ запалю.

А ина станиць бивъ апаски, сванимъ дѣлымъ займанца ²⁾. Ионъ жа выхватиў синчку съ кашукай ³⁾, стѣрь яе и запалиў авѣсь на вазу.

Дяўчонка съ возу саскачала и закричѣла. Тутъ народъ бягить къ нимъ, слыша крикъ и видя, што полы ⁴⁾ съ возу такъ и шибѣлтъ.

Стали кричать, Данилу бранить (а ета напрасна: агонь шуму на любить).

Уплялися у каня—каня диржать.

Каня таки атклѣли ⁵⁾. Конь якъ вырваўся, узбѣхъ на дворъ и зарзѣлъ ⁶⁾ стоячи.

Стали гаращій возъ раскидывать.

Принесли снапы ажъ на третю ниву.

Тады якъ стала усѣ шумѣть—загарѣлась!

Тушуть зямлѣю, выдаютъ комья на етыи авѣсь, и хто чимъ пунала: хто лупѣтками, хто руками.

А Данила узяў моўча и напешѣ.

Тутъ усѣ лавай яго ругать.

— «Пятлеўникъ ты! ⁷⁾ И ходишь ты, якъ разбойникъ, якъ неприкаянный... ⁸⁾ Валѣй ⁹⁾ ба ты ужъ задавился! Ходишь ¹⁰⁾ паверьхъ лѣсу, да бѣды дѣлать... Ты аднѣй намъ никому жить ни даешь...»

Данила жалобна баскомъ прамычѣлъ:

— «Пубягѣ ды и задаўдѣся!...»

А matka на няго:

¹⁾ Дурачишься.

²⁾ Занимается.

³⁾ Съ вкшета.

⁴⁾ Пламя.

⁵⁾ Отложали.

⁶⁾ Заржалъ.

⁷⁾ Разбойникъ, заслуживающій потли.

⁸⁾ Неприкаянный—человѣкъ безпокойный, не находящій себя ни гдѣ мѣста

⁹⁾ Лучше.

¹⁰⁾ Сьумашествуетъ.

— А бяги, с.. сынъ, давися: чортъ тебе возьмнѣтъ!...

Тѹшуть агонь и тѹшуть, а Данила правдѣтъ, да и назадъ поглядѣтъ.

Уси у занятія, никому да яго дѣла нѣтути—никто ни аглянѹса.

Бтыга ўрежини и съ часъ вѣ було.

Пажаръ путили, ужѹ двѣ дѣўки вѣхали запрягать вярхошъ,—глянули,— а ionъ висѣтъ.

Крикнули: «а, Божа мой, Данила задавиўся!»

Тадѹ дѹнули ¹⁾ уси къ заказу ²⁾.

Хто говоритъ— «бягнѣ за вадой ригувать ³⁾ Данилу» (атливать яго), хто кажить: за ножикамъ бягнѣ вярѣўку отризать.

Вадѹ нѣту—усѹ павыллѣли, ножикъ принесли.

Сняли Данилу; давай катать, давай махать.

Махали, махали—толку съ маханья ня вышла. Идѣ яго аткатайшь?!..

Душка—ня птушка!...

Деревенскіе толки о смерти Данилы и причитанія матери

Матка якъ увидѣла тѣла Данилы, такъ и самѣла ⁴⁾, доўга причитывала, наня-дѣлывать ⁵⁾ стала.

Почъ бранился:—нада маладова чплавѣка разсуждѣтъ—слин вы винуваты».

— Праўда, батюшка, праўда, батюшка! Зачѣмъ, зачѣмъ я на яго бранилась?!...

Видитъ батюшка, что къ горю яцо гора подбаўляють: надо матку утѣшить.

— «Упрочимъ только причина придалась ⁷⁾ къ етому. За Васькумыкый адинъ такъ задавитца хатѣў, а сястрѣнка за нмъ побѣгла у лѣсъ: ionъ ухадитъ атъ яе—ана за нмъ; ionъ далѣй ухадитъ—и сястру пугубиў и самъ задавиўся. Нѣтъ усѣё раўно ionъ былъ ужъ на свѣти ни жилѣць...»

— Нѣ, нѣ, батюшка, и ни гаваритя. Я, я яво зѣла ⁸⁾, своего сыночка.

Яму усѣ ни спалось, у галавѣ омутъ хадилъ. ⁹⁾ На парѣклѣти спаў ¹⁰⁾.

— Нихарошо мнѣ, мамочка, тутъ.—

— «Стяжись на павозки!»—

Паслаўся на павозки.

— И на павозки мѣтъ тыя чартѹўки спатъ ни дають.—Лажу я, мамочка. у пуни, на сяннѣцы.— ¹¹⁾

— «Ну, иди сабѣ ложись на сяннѣцу»—

А у мене, батюшка, дочка—вотъ эта самая большая—Ганначка.

На Ганначку ionъ и говоритъ:

— Иди ты, Ганначка, лажись са мною, а те мнѣ страшна...

Ана на яго:

— А иди ты—быкъ! дуратѹ пристаўляють... ¹²⁾.

¹⁾ Бросились бѣжать.

²⁾ Заказами часто называются въ Смоленской губерніи лѣса; первоначально «заказъ» заповѣднѣй лѣсъ.

³⁾ Спасать.

⁴⁾ Упала въ обморокъ,

⁵⁾ Панидѣлывать—постыться по поведѣльникамъ.

⁶⁾ Увѣщевать.

⁷⁾ Придалась—показалась

⁸⁾ Зѣсть—погубить.

⁹⁾ Омуть ходилъ—голова была не въ порядкѣ.

¹⁰⁾ Парѣклѣтъ—фронтѹ около амбара

¹¹⁾ Сяннѣца—пуня съ сѣномъ.

¹²⁾ Дуратѹ пристаўляють—дурачится.

Я на яе зругалась:

— Дура ты, гаварю: яму усё будць висягві.

Вохъ съ taboo, Ганничка, ни наслушалась мине!...

Штобъ то была, батюшка, якъ ба мы приглядѣли яго—уса вѣтаравъ ¹⁾ ягобъ ни такъ браў!...

Мужики гаварили:

— Ну, а штобъ была, кадабъ іонъ жиў ба былъ?! усюбъ дярэўню спаліў! Ета н харашо, што іонъ у лѣси задавіўся! Чоргъ атъ чорта родитца. Батька яго сумашедшій!...

Бабы гаварили:

— А идитя вы! — Напрасна, зря, нечига гаварить на чплавѣка.. Данила парпнъ быў змирный и изъ себе видный. А грѣхъ да беда на каго ни бывають?! А харошія ли жила ²⁾ была яму батьки? Знаемъ мы! хвалигъ нечига: тутъ и са здаровый галавой адурѣишь, лѣба воўси съ ума сайдѣшт! Ти чули ³⁾ вы, что батька вытварѣў мѣсиць таму назадъ, узлѣзъ къ абразамъ п скинулъ съ абразоў намѣтку ⁴⁾. Ну, вобразъ узялъ и поставилъ у чуланъ, пирявѣсь:

— Мапмъ абразамъ ни мадитись!

Ладна. Саснился жъ яму сонъ.

На жонку:

— Катя Андреіўна, сннини я у ва снѣ нихарошо видіў.

— «Што ты такая нихарошія видіў?»

— Пирявѣсь образъ Спасителя у клѣтъ. Онъ миѣ приснился:—«Нашто мине патревожилъ? ни бярн атседа!»—Если на другую ночь приснитца, то пастаўлю вобразъ на прежнія мѣста...

— «Пустыня ⁵⁾ ты, пустыня! На што ты вобразъ троганшь, пустасиѣца ⁶⁾ чужоа? Люди вокыла насъ и такъ насміялись»...

— Дыкъ я, баба, панясу...

— «Няси ты, пустыня!» ..

Узяў вобразъ и поставилъ на кутъ.

Знать, грѣхъ вабразѣ тривожити!..

Жонку и дятей биў дужа.

Яецъ напирягѣтъ ⁷⁾, сидитъ на услѣнки ⁸⁾, ихъ паатгонить; на кровати сядить жонка и двоа дятей. Самъ убѣривантъ яйца—яны только смотрять у глаза—ниѣ ничога. Цѣлѣю надѣлѣю жонку бѣтъ, адѣжу усю пуарвѣтъ на ей, ажно галѣя сядить; а іонъ хвалитца:—Сматрится, добрыа люди: ета мая Пятница сядить...

Ти чули вы ета? Изъ жонки Пятницу здѣлаў?!

Зъ нажомъ на жонку кинулся. Люди паддѣржили, а то была бѣ няплоха ⁹⁾.

Атъ жонки къ тяленку. Шархъ нажомъ—тялѣника зарѣзалъ. Патомъ гаворить:

— «Ти жиў іонъ булитъ?»— А няжъ жиў?! Ха, ха, ха!

Ета яво станавой троху паддѣржиў:

Пажалились, што новую рубаху на сыни падраў, и дярэўню зжечъ гразиўся.

— Ты у мине братъ, ня буйствуй, а сакратись ¹⁰⁾: я вашига брата сакрачѣтъ умѣю: туда заганю, куды Макарь тилить ни ганяў.

1) Вѣтаравъ=страхъ.

2) Жила=жизнь.

3) Слышали.

4) Намѣтка=головной старинный женскій уборъ; намѣтками покрываются образа.

5) Пустыня=эпитетъ волка, бѣшенного человѣка.

6) Пустасиѣца=предметъ смѣха.

7) Напирягѣтъ=наварить, нажарить.

8) На услѣнки=на услѣпцы=на лавкѣ.

9) Няплохо съ ироніей=очень плохо.

10) Усмирись.

Батька—уси скажуть—буянь, а абь сини сказать нильзя глупова ¹⁾ ничога;—нядбо явд: изъ сябе маладчуга, такей станкавитый ²⁾ тольки узглядь суворпстый ³⁾), ни ласки, ни привѣта ать яго, ни шутки, ни васѣлыва слова.

Такъ говорили бабы, такія дѣвки шли на дярѣни абь удавленники Данила.

И пять дѣвки снятся Данилиному брату.

Вярнуўся двору братъ Данилинъ и поклаўся спать на тымъ самымъ мѣсти, гдѣ спавъ Данила.

Муліўся, муліўся ⁴⁾ на аднымъ мѣсти—и яму дѣвки снятца. Самъ сябе кусъ за языкъ, ды пріяшоль на другой мѣста—тамъ кое-якъ уздрямнуў прядь святкодѣ. Казаў:

— А! таперъ я знаю, икаво Данила было... во страхъ, такъ страхъ.—

Бабъ у аднѣ голась спросил:

— Што снилась табѣ?—

— «Што мнѣ снилась?! А усѣ жъ тыя дѣвки снилсь».—

— Якея жъ, якея яны? Ти страшныя, ти пригѣжія?—

— «Такея—бѣлыя, іось сабѣ бѣлыя, іось и чѣрныя, ну, больши бѣлыя. Тольки адна черная, гробѣтая ⁵⁾), якъ жидоўка Махля—тая мне усю бутурѣшила...»⁶⁾

Данила снятца.

Присніўся Данила тому мужику, што яго атчѣливаў.

— Стань у мене Данила у глазахъ. кричить на мене у ва сняхъ ⁷⁾:

— «На што ты атчѣливаў?»

— А якжа, братъ, ни атчѣливаўши? Ня ўсѣжъ тибѣ висѣть?!

— «Ты думаншь: я задавіўся—я тольки што аборпну ⁸⁾затаціў: а намнѣ няурѣдна...»

Пагаварилъ я съ Данилинъ, аткуль узайўнись, бигать двѣ сабак: аднѣ уряднику, жоўтнѣйкѣ, а другей—сѣрый, бальшей, страшный, ротъ разинуўши, языкъ высулупимши ⁹⁾), а слюня варѣўкый такъ кнizu и стѣлѣтца. Вижу и урядника: варьхомъ ѣдитъ, гаворить:

— А хочишь ты, Сямѣну, Данилу нувидать?

Я сажнуўся—глядь: ни сабака ета бѣшнѣй, а нашъ Данила... Ко мнѣ лѣзить... Я атбываюсь.

— Ты признаѣшь мене, братъ? я—Данила! Ня грѣбуи ¹⁰⁾ ты мною—пацалуи!

Цалѣмъ ¹¹⁾ іонъ мне—тутъ я ать страху прашнуўся...

Данила снятца матери и во снѣ примиряетца съ нею.

Матка панядѣлывала ¹²⁾ на сыну, пока іонъ ни присніўся ей.

— Вижу ва снѣ, што плачу. Данила приходитъ:

— Мамъ, мамъ, чаго ты плачѣшь?

¹⁾ Глупова ничога сказать нельзя=нельзя осудить.

²⁾ Станкавитый=строительный.

³⁾ Суровый.

⁴⁾ Муліўся-переминался, терся до боли.

⁵⁾ Губѣстая, съ толстыми губами.

⁶⁾ Бутурѣшила-безпокоила.

⁷⁾ Во снѣ.

⁸⁾ Верѣвка отъ лаптей.

⁹⁾ Высулупимши—высунувъ.

¹⁰⁾ Не пренебрегай.

¹¹⁾ Поцѣловалъ разомъ, неожиданно.

¹²⁾ Постылась по понеѣдѣлникамъ.

— «Сыночек мой, якъ миѣ ни плакаўши? Я таперь сама сябе ни унишу ¹⁾ и сьма я ни магу сябѣ врасить. Када ты бижалъ давитьца, я ни атварыла тибѣ, а сказадж чортъ тибѣ вазьми!»...

— Ухъ, матка ты, матка! Ты ни клапатй ²⁾: миѣ луччи, чѣмъ была.

— «Якъ, сыночкы, табѣ луччій?»

— А такъ! У насъ ничога не была, а таперь у мене мука, крупы; ѣшь—скольки хочишь; сколько хочишь—ѣшь.

— «Идѣжь вы таперича будята, сыночкы мой?»

— А мы у сваѣмъ пруди...

Тутъ мужикъ сталъ мне звать:

— «Жонка, а жовка!»

— Ды што табѣ?

— «Съ кимъ гаваришь».

— Да зъ Данилы!

— «О!» ³⁾

— Казаў миѣ: харашо!

— «О!»

— Юнъ витъ у пруди.

— «О!»

На третій день гаварю пра сны свае свѣтыи; ина миѣ:

— Свѣтыика, няжь юнъ у пруди?

— «Да у нашихъ пруди—а тожь идѣ. И сьняни миѣ снѣўся—ва сѣ пришоў:

— Ты зпять плачишь, мама! напрасна!.. Знаишь мама: я здѣсь никога ни баюсь, ницго мне ни абижать и ни чпѣать ⁴⁾; усяго давольна...

Саснѣўся и сьстрѣ Данила тавѣ бѣлый, чистый, якъ лижаў ва гроби.

— Я ни заданься, систра, а затнѣўся; таперь жа такъ харашо миѣ, такъ свабодна!...

2.

Якъ Вася утонула.

[а) Васю черти вѣдють; б) Васю черти тобють].

Мужикъ Васинъ былъ на зарабаткахъ, а ина забрѣминила ать родныга плямѣнника, ать братнига сына.

Стали яе люди страшитъ ⁵⁾:

— Ты ьарѣшь-ва! Будить табѣ ать мужика...

— «Я сваго мужика ни баюсь: юнъ рахнѣнь» ⁶⁾.

Другая жѣнѣщина на ея:

— Съ тихыга усѣ лйха ⁷⁾ быванть: тихій душу вѣннть... А што тибѣ за навѣла яму работать? Ты луччи заданься пди затанься, а яго ни даждидайся..

Вася узилъ ета на угъ и задѣмалась.

Сабирались бабы жать. Тѣй день ниная была дужа, а хлѣба ни булѣ. Нявѣстка большая гавдритъ Васи:

1) «Отъ сильного раскаянія не могу успокоиться».

2) Не горюй, не беспокойся.

3) Знакъ изумления, небольшого испуга.

4) Не трогаетъ.

5) Пугать.

6) Смирень.

7) Вѣда.

— «Иди на ниву: я принясу табѣ хлѣба. Якъ хлѣбъ спявѣтца, я приду къ табѣ».

Паслухала Вася навѣству и пошла у поля. Якъ атсталась ана адна, тутъ сатана яе и падмыкнуўт: падумала ти затапитца, ти залитца.

Уздумала дурноя. Якъ пришла, на ниву сергъ паклала—узилà и пошла...

Навѣстка приходитъ—яе нѣту.

Ти ни ягады збирантє ннà? Гувàтє яе, гукàтє—слухамъ, духомъ—нѣту, на барскнмъ дворѣ тожа нѣту. Ина тады двору прибѣгла за мужикомъ сванмъ. Васннмъ дѣвернмъ. Гувàли, гукàли ¹⁾—нѣту Васи нїдѣ. Назаўтрига сабрали сходку, аблаву здѣлалн,—пошла уся дярѣуня; искали, искали—н нн нашлн. Яны тада шукàтє ²⁾ яе на возру. Связали плоть и плавали на возиру; астѣми щупалн—нн знашлн. Назаўтрига, якъ Вася пранала, хаднла идна жѣнѣцнна съ другой дярѣунн у вѣ апѣнкн ³⁾. Чунтє ина, што хто-та рыгантє ⁴⁾, атъ како-та слоуна атбнвантца:

— Ну... Ну... Ну... Чаво вы ка мнѣ присталн?!

Вѣтнрѣ, такей бальшѣй, атноснт гѣманъ ⁵⁾: то ей чѣтна плоха, а тамъ, протн вѣтра, ужъ ннчога на чѣтна. Ина разбнрантє, разбнрантє... Якъ вѣтырышъ узяў яе, такъ рубаха коракнмъ на спннн становнтца и ннмагѣтє ина нн разу стунштє атъ страху.

На третїй дѣнь другая жѣнѣцнна у Бараўськая ишла мнма бора, идѣ гѣманъ былъ чѣтннѣ и патомъ ужъ звѣкала:

— «Туда бѣгла ннчога на чула (ня буду пустоя брнхатє). Иду аттуда, ужу на стнскàннн ⁶⁾, ужу сонца зайшло. Увайшла я (у Гутннцкїй роў, протн Равнкѣ) узяў мяне вѣтырышъ ⁷⁾. Чуя я гѣманъ:

— Ну, куда ета я иду, иду? Чаво вы ка ннѣ присталн? Ну, куда вы мяне вядѣта?

Какъ пачула я эта, уляпѣтывала, сколько силъ была».

Тужь ночь яны яе и затаплнлн. Шесть нядѣль мнкла,—на сàменькава ⁸⁾ Пакрава нашлн.

Шоў парннѣ мнма возира, да, камнемъ балуваўшнсь ⁹⁾ якъ пуднѣтє ¹⁰⁾ у возира, да прнмо у гѣлаву Васи и пушаў: платокъ выплыў.

Плотъ звнзалн и вѣтннулн Васю, атъ возира нн брадн, пакулъ писарь прншоў. Казаў:—«Хараннтє яе—внтє усякнѣй внднтє, што ина залнлася, а на што нн-будъ»...

Вася у вѣдн сядѣла, а съ рукѣ ноктн атлятѣлн: тн атъ вадн атмѣклн, тн чертн атарвалн.

Мужнкѣ Васннѣ прншѣлъ; гуль ¹¹⁾, гуль—яцо тн стѣльки ¹²⁾,—гуль, гуль. Казаў:

— «На што вы яе браннлн?! На што вы яе пужàлн?!...» (дѣвнрѣ большїй браннў яе: я табе забью!). Якою вамъ дѣла да маей бабы? Хуть бы ина двухъ радѣла, я бѣ яе палцнмъ нн тронуў! И пусть бы жїла... Надажъ вамъ мнѣ такая горя здѣлатъ»!...

¹⁾ Звалн.

²⁾ Шукàтє—искатє.

³⁾ Апѣнкн—гнбн желтаго цвѣта.

⁴⁾ Рыгантє—плачетъ, рыдаетъ.

⁵⁾ Гѣманъ—говорѣ.

⁶⁾ Вѣ сумеркахъ.

⁷⁾ Вѣтырышъ—страхъ.

⁸⁾ Уменьшнтельное отъ «самъ».

⁹⁾ Шалã.

¹⁰⁾ Броснтъ, швырнетъ, шлѣпнетъ.

¹¹⁾ Плакаль, рѣвель.

¹²⁾ Яще тн стѣльки—очень много, безъ мѣры.

3.

Кастыліха.

(Пьяную Кастыліху чартоўка, бытцак знаковая дёўка, Увэраўская Сонька, топить).

Кастыліха была на Микольщини ¹⁾ у Бараўськомъ.

Рану пришла, стаить тамъ изба. Уздумала, што напрямкй нада идить у Буду къ Ирмалю. Сичасъ, только избу прашла, іўлянтца къ ей дёўка (Сонькуй яе звали— Увэраўская); іўлянтца:

— Я тожа хачу идить у Буду.

Кастыліха съ ею здароўкайтца, такая рада, што ни одной идить да мѣста.

Сонька пуцудуватца съ Кастыліхы хатѣла:

— Да, пацадўимся жъ съ табою, Андрэіўна. Кастыліху усё атводить съ ею пуцудуватца.

— Ня буду!

— Мною гребуишь? Чаго ты такъ ня хочишь? Ну, пайдемъ,—пайдемъ напрямкй!

— Луччій на полю.

Нѣтъ жа пувила напрямкй, паць Лучисянку; а паць Лучисянку роў валикъ, и гара къ нему якъ изъ печи крута.

Сонька вадеть яе прима съ гары паць Лучисянку; Кастыліха упинайтца—Сонька яе преть прима съ врэчи. Паць вуччій мѣста у насъ называйтца Кисялёу вирь. Бывала мы ляжымъ у лѣтку, у тянѣчку ²⁾, паць ракеткый и смотримъ унизъ. Унизу кружёлка ³⁾ бальная, слова калодисъ: утримъ тамъ галаўзй, пацьуста и разная рыба, такъ и играють.

— Сонька! икаянная! куда мяне прешъ? ⁴⁾.

— «Иди, иди прима—ня бось: соньца ужу зайшло: и прядивошь намъ дайтить на-доўга».—

— Пусти! Соничка, милая, галубка, пусти! Бойжа мой, ета вить вирь Кисялёу... Куда ина преть... Ишь сама усё беригымъ гребѣтца ⁵⁾, а мне усё пихають... Сичасъ вапрѣть... ⁶⁾ Сичасъ вапрѣть... Бойжа мой, лячѹ, лячѹ...

Пихиль ⁷⁾ Сонька Кастыліху.

Лятить Кастыліха прима у воду—лѣдва, ⁸⁾ лѣдва вѣскриблась, нахтями уцапѹ-шись за берихъ,—ну, вада такая халодная и беригъ ужъ абмерзь.

Апомнилась Кастыліха, устала,—ипяць съ нею Сонька, усё ипяць муштруить яе: то пихиеть, то крутиеть, то за руку тасканеть, а усё са сванхъ рукъ ни выпускають. Ужу видѣиць—бѹтцакъ висялѣй троху стала у Кастыліхи.

Во скотникъ Вудянскій вдить скоту давать.

Кастыліха стала гукать:

А рятѹй, а рятѹй!.. А Яхимыча, а радимый жа ты мой, рятѹй,—аць Соньки рятѹй!..

Аглянулась! Соньки ни стала. .

— «Вижу таперъ, вижу, што ета ня Сонька была... Якая ета Сонька—ета икайн-ный, змуститель»...

¹⁾ Поредъ зимнимъ Николой мужицкя пирушки называются «Микольщинами».

²⁾ Въ тѣни.

³⁾ Водоворотъ.

⁴⁾ Прѣшь—толкаешь.

⁵⁾ Съ трудомъ пробирается.

⁶⁾ Впихиеть.

⁷⁾ Пихнула.

⁸⁾ Едва, едва.

Скотникъ падъѣхалъ къ Кастыльихи: ляжить ина на бирагу... адѣжинка уся обмѣрзла, аблѣднѣла: дома лаптей ни магли ать нохъ атдѣрнуть: такъ пристали. Шпиртыгъ тѣрлась, гарчишники къ застылку приляпила Кастылиха (гаспада дали), а шесть надѣлъ у абчѣртачку ¹⁾ пралежила.

4.

Пьяный Кузьминъ на чортывый тройки ноччу катаѣся. Чахолъ Кузьмину ать чорта застѣся, патомъ таго Кузьминъ на гѣмни абвѣсіѣся.

Ишоу пьяный съ Барауськога. На дарбзи стаить каминь—елка. Сичасъ къ яну чилавѣкъ выходить. Разсматрѣу харашенька: падъ имъ лошадь, лошадь падъ чахлоу.

— «Эй, знакомый, здрастуй! Садись на маю лошадь: я тибѣ падвязу»!..

Тольки сѣу на яе вярхоу Кузьминъ, низнакомый лошадь тую якъ цуднѣтъ ²⁾ (а у яго карнатка харошая, якъ у цыгань). Кузьминъ абъ землю хряпъ.

Тады пятыя другей выходить, падъ имъ тожа лошадь аказыванца:

— Садись, братъ Кузьминъ!..

— «Абманяшъ»!..

— Ня бось! Ни 'оманю—ня бось, ня бось, а садись-ка!—

Падмыкнула яго сѣсть. Сѣу—и палатѣу у други торчмя галавой, бутырѣмъ.

У третій разъ выходить чилавѣкъ, а падъ имъ лошадь.

— Эй, Кузьминъ!—

— «Атвяжитись, ўраги: вы тольки мине падманяйта»!..

Патомъ Кузьминъ гавариль:

— «То былъ я пьянъ, а то и хмѣль мой сачхнуу ³⁾, куда дѣваѣся: Страхъ, вѣтырыгъ мяне такъ и узяу, ажно трясусь и калачусь. А усѣ што-та патгѣухвантъ мине садитца... Самъ сабѣ думая: «тольки таперъ дурна ни сяду, якъ тады, а вазьмусь за чахолъ абѣими руками, что на каня уздѣтъ»...

Чортъ, якъ Кузьминъ тольки сѣу, абрадаваѣся што у третій разъ яго азялѣлъ, да якъ кулушнѣтъ каня карнаткый: Чахолъ абарваѣся—Кузьминъ съ чахлоу палатѣу на землю и вѣчи сабѣ накрѣу.

Устау пятыя Кузьминъ на ныги—нѣтъ ни людей, нѣтъ никога, тольки чахолъ астаѣся яму ать чорта. Увяѣши чахолъ, за шѣтузы ⁴⁾ привалокъ яго двору:

— «Глядитя, ребяты, якую новасть я привалокъ. Ъздѣу цѣлую ночь на тройки, на вражій силѣ, а вотъ съ третейга каня што мнѣ чортъ павѣсіѣу..

Цѣлая лѣта ета штука висѣла на шѣли ⁵⁾.

Придутъ дѣти, придутъ бабы и мушины; тигають, тигають и усѣ дивютца, якая штука.

Цѣлая лѣта чахолъ висѣлъ на шѣли,—къ восни прапаль.

Пашоу чилавѣкъ тѣй на гѣмно, што привалокъ чортаву штуку—тамъ и абвѣсіѣся.

¹⁾ Ровно какъ одинъ день.

²⁾ Цуднѣтъ—стебанѣтъ.

³⁾ Сачхнуу—испарился, ослабѣлъ.

⁴⁾ За тесѣмѣи.

⁵⁾ На шѣли—на столбѣ.

5.

Задаўлиньники ¹⁾ на дярёуихъ качаютца.

Ишоу саддаты на вѣсти ²⁾; стрѣлися зъ имъ рбяты:

— «А, брахннѣйка ты мой, идѣшь ты адинъ: тутъ вѣшалъники приздаютца». —

— А няжъ ³⁾ насъ будутъ талаку сабирать. —

— «Иди жъ ты, служивый, съ апаскю». —

— А ни бакось: жиу—прапау! царьская—ни панская,—эта вы идѣтя на пригонъ отказываитись, а царьская ни откажитца.

Съ этими славами ionъ и нашоу.

Дайшоу да мѣтнаго ⁴⁾ мѣста, якъ пуваротца, глянулъ на таё барезу, идѣ дѣука съ парнимъ задавились (перва дѣука, потѣмъ и паринь): абая яны, схачѣм-шись ⁵⁾ руками, калышутца на кривей барѣзи: тотъ аттѣль, атая аттѣль, калышутца и прибаюкывають адинъ аднаму: а—а! а—а! ⁶⁾:

А я иду сабѣ да воскресную молитву читаю. Ружжо зарѣжина и штыкъ падѣ рукою:

— «Тольки палѣзь, икаянная сила: я тебе па свѣому дѣрну»!..

Сообщилъ В. Добровольскій.

---

¹⁾ Повѣсившіеся.

²⁾ На вѣсти—на карауль.

³⁾ Неужели.

⁴⁾ Да мѣтнаго мѣста—до намѣченного мѣста.

⁵⁾ Схватившись руками.

⁶⁾ а—а=болѣзненный скрипъ надломленного дерева.

Р е к р у т ч и н а .

Солдатчина для крестьянъ—тяжелая и непріятная повинность. Она отрывает парней отъ крестьянскихъ работъ, а иногда и совсѣмъ отлучаетъ ихъ отъ деревенскаго хозяйства; воспитываетъ въ нихъ новые вкусы и привычки, часто не пригодные и не желательные въ крестьянскомъ быту. Да и самое солдатское житье, по взгляду крестьянъ, не веселое, «не привычное»; тамъ «пятачки не дадутъ», «жиру сбавятъ», «бока повымнутъ», научатъ «по стрункѣ ходить». Между тѣмъ эта повинность неизбежна для крестьянина. Понятны поэтому—сочувствіе, нѣжность и ласки, съ которыми они относятся къ молодымъ парнямъ, подлежащимъ призыву, или, какъ ихъ называютъ, «некрутамъ». Эти чувства выражаются въ причетахъ и обрядахъ, которыми сопровождается «рекрутчина». Въ причетахъ родственниковъ слышится съ одной стороны—нѣжная любовь и ласка къ своему «рожденню сердечному», а съ другой скорбь продолжительной разлуки, сопровождаемой тоской и кручиной, и скорбь за будущее солдатское житье, гдѣ все то не привычное, не по крестьянскому тѣлу. Обряды и разные церемоніи вытекаютъ изъ тѣхъ же съ одной стороны нѣжныхъ чувствъ любви и ласки, а съ другой стороны—тяжелого чувства разлуки.—Въ самой крестьянской жизни парни, состоящіе «на очереди», еще задолго до призыва начинаютъ пользоваться разными привилегіями въ работахъ и «гуляньѣ». Ихъ не принуждаютъ къ работѣ, не посылаютъ на трудные зимніе заработки (напр. вывозку бревенъ), во всемъ даютъ большую свободу и смотрятъ сквозь пальцы на ихъ проказы и шалости.

Лѣтомъ предъ призывомъ «некрутъ» обыкновенно (если онъ не изъ богатыхъ) идетъ на заработки, большею частію «въ путину», «на Маринку» (Маринскій каналъ). Тамъ онъ обязательно покупаетъ себѣ гармонику, по мѣстному выраженію «бобку» (русскую гармонику), или «тальянку» (гармонику съ итальянскимъ строемъ) и справляетъ праздничный костюмъ, въ которомъ главную роль играютъ «вытяжные» черные сапоги и суконный «пинжакъ». Оставивши остальную заработокъ на карманные расходы, или, какъ говорится, «на табакъ», некрутъ въ Августѣ возвращается домой. Съ этого времени начинается его гулянье. Не проходитъ почти ни одной «ярманки» или «гулянки», гдѣ бы онъ не появлялся. Обыкновенно рекрута служатъ центромъ, около котораго группируется на гулянкахъ молодежь. Имѣя бобку, они даютъ тонъ праздничному веселью и являются инициаторами танцевъ—кадрѣлки (кадриля), ланцѣвки и русскаго.

Послѣ окончанія полевыхъ работъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ начинаются гулянья рекрутовъ съ парнями односельчанами. Подъ вечерокъ парни собираются въ избѣ у какого-нибудь бобыля или бобылки; здѣсь иногда «некрутъ» выставляетъ водку, а не то покупаютъ ее всѣ въ складчину и подвыпивши начинаютъ свои ночныя прогулки по деревнямъ, которая часто продолжаютъ «до пѣтуховъ». Ревъ гармоники, безобразное нестройное пѣніе, большею частію неприличныхъ, пѣсенъ¹⁾, лихое отхватываніе «русскаго»—сопровождаетъ эти

¹⁾ Пѣсни эти большею частію представляютъ изъ себя риемованные куплеты изъ 4-хъ стиховъ, часто безъ всякаго смысла, въ родѣ слѣдующихъ:

Какъ у бобы у тальянки	Заболѣла голова
Иломалися мѣхи,	Съ великаго посту,
Возьму я дѣву старовѣрочку	Подлюбилъ дѣвчонку я
Замолить всѣ грѣхи.	Небольшого росту.

полушьяныя толпы; не обходится, конечно, без потасовокъ и даже серьезныхъ дракъ.

Но главное раздолье для гулянья, кривлянья и бахвальства «некрутовъ» наступаетъ съ открытіемъ въ деревнѣ «бисёдъ» (посидѣлокъ). Здѣсь рекрута—главныя дѣйствующія лица: имъ предоставляется здѣсь полный просторъ. Они заводятъ всѣ танцы и игры, выкидываютъ разныя «штуки», сидятъ на волѣныхъ у всѣхъ дѣвушекъ, даже и у «славутницъ», угощаютъ ихъ «прениками и канфетами»; парни ухаживаютъ за рекрутами и стараются во всемъ угодить имъ.

«Прізывъ» бываетъ обыкновенно въ Ноябрь мѣсяцѣ. За недѣлю до назначеннаго дня гулянье рекрутовъ особенно усиливается, а за 2—3 дня начинается «гостеба» ихъ по своимъ роднымъ, къ которымъ они ходятъ прощаться; начинаютъ съ самыхъ близкихъ родственниковъ.

Когда рекрутъ собирается въ гости, мать напутствуетъ его слѣдующими причетами: ¹⁾:

«Ты послушай-ко рожденіе сердеснѣе.
Скацѣная жемцюжина—ягодка,
Ты куды справляисе и свивансе?
Ты справленсе и свивансе
Со друзьими, со братьями,
Съ перелетными удалыми молодцами.
Свивансе не по старому, справленсе не по прежнему
Во цастое любимое госьбищѣ.
Омираѣтъ моѣ сердце рѣтиво.
Справленсе не по волюшкѣ великія.
Ты пойдешь во цастое любимое госьбищѣ,
Ужъ не въ первѣе, а въ послѣднее
Придешь ко своей родинѣ тетушкѣ,
Седѣшь за столы, да за дубовые,
Перекрести ты лицо чисто-браниое
Предъ иконою передъ Божіей.
Тобя стануть подтцивать и цѣствовать,
Сугрѣву мою тецкую, зеленымъ виномъ кудравыимъ.
«Ты не упивайсе, мое милое рожденіцѣ сердеснѣе».

Рекрутъ идетъ въ гости со своими сверстниками. Родственница (положимъ тетка) встрѣчая, обнимаетъ его съ плеча на плечо и начинаетъ голосить:

«Слава, слава Тобѣ, Господи,
Дождалась я свою любовново племянницъка, гостя долгожданново,
Во цастое любимое госьбищѣ.
Ужъ мнѣ смахнуть-то свои оци ясны
На свою любовново племянницъка.
Идетъ онъ со друзьими, со братьями,
Съ перелетными удалыми добрыми молодцами.
Ужъ я гляжу тетка бѣдная
На тебя, добрый молодець, любовный племянницокъ;
Идешь да не по своей-то волѣ вольныя,
Не несутъ тебя рѣзвы ноженьки,
Приупали бѣлы руценьки,
Потуманились оци ясные,

---

¹⁾ Во всѣхъ причѣтахъ по возможности удержаны особенности произношенія.

Помертвѣло лице бѣлое
Со великово со горюшка.
Садись-ко, любовной племенницѣкъ,
За столы да за дубовые
Со удалыми добрыми молодцами.
Поставила я тетка бѣдная столы дубовые,
Послала скатерти бѣлотканныя,
Припасла ѣсву хресьянскую,
Хресьянскую, да не господскую».

Подносятъ рекруту на тарелкѣ вина, при чемъ хозяйка угощаетъ:

«Выпей-ко, любовный мой племенницѣкъ,
«Зелена вина кудряваго
«Не въ первое, а во послиднѣе».

Рекрутъ садится съ товарищами за столъ, покрытый скатертью, на которомъ кипитъ самоваръ и стоятъ разныя закуски: крендели, пряники, конфекты, а также— непременно рыбникъ (рыбный пирогъ). Онъ выпиваетъ немного вина, чаю, пробуетъ закуску и выходитъ изъ-за стола. Хозяйка кланаясь благодарить его:

«Спасибо тебѣ, любовной мой племенницѣкъ.
Што не занесе ты богатымъ-то богатствомъ,
Дороднымъ-то дородствомъ».

Изъ гостей ведутъ рекрута «взъпятки», т. е. лицомъ къ большому углу, а спиной къ двери съ тою мыслію, чтобы въ скоромъ времени опять бывать ему здѣсь въ гостяхъ.

Съ такими же церемоніями ходитъ рекрутъ и по другимъ родственникамъ. Когда вечеромъ, по большей части уже достаточно подвыпивши, возвращается онъ домой, мать встрѣчаетъ его причѣтами:

Слава, слава Тебѣ, Господи, дождалась я догледѣлase
Свое рожденья сердесево,
Удалово доброво молодца.
Ушь ты былъ во цастомъ любимомъ госьбищѣ,
Ушь и што тебѣ сказала любовная тетушка,
Какія примѣтопки и приглядюпки,
Што бывать-ли тебѣ на родимой сторонущѣ
По старому, да по прежнему?»

Передъ днемъ отъѣзда къ мѣсту вынугія жребія родные рекрута обращаются обыкновенно къ мѣстнымъ колдунамъ и колдовкамъ, которыя по картамъ, по бобамъ или другимъ какимъ-нибудь способомъ предсказываютъ судьбу— счастье рекрута. Иногда на кануѣ отъѣзда болѣе смѣлыя бабы спрашиваютъ объ участи рекрута даже у «нечистой силы». По большей части въ такомъ случаѣ обращаются къ «дворовому». Въ полночь хозяйка идетъ во дворъ, снимаетъ съ себя крестъ, поворачиваетъ рубаху воротомъ назадъ, становится среди двора противъ конюшни и спрашиваетъ «хозяина-двороваго»: «Батюшка хозяинъ! чѣмъ ты меня обрадуешь, или прослезись»? Дворовый, по мнѣнію крестьянъ, непременно или заплачетъ, или просто захрятитъ или закашляетъ голосомъ хозяина дома. Плачь означаетъ неблагоприятный отвѣтъ, а хряхтѣнье считается хорошимъ предзнаменованіемъ. Чтобы благополучно удалиться изъ двора, нужно повторить первое слово, сказанное при входѣ въ него; иначе дворовый можетъ сдѣлать большія непріятности. Иногда бабы, хотя и довольно

рѣдко, обращаются за предсказаніемъ къ лѣсному, или, какъ называютъ его, «праведнику». Для этого выходятъ въ полночь въ лѣсъ, становятся на «рѣзстань» (т. е. на перекрестокъ дорогъ) и обращаются къ лѣсному съ такимъ-же вопросомъ, какъ и къ домовому.

Въ самый день отъѣзда въ избу рекрута собираются родственники и масса любопытныхъ сосѣдей. Устраивается угощеніе для ближайшихъ родственниковъ; всѣ ухаживаютъ за рекрутомъ и стараются предупредить его малѣйшее желаніе. Послѣ обѣда всѣ молятся Богу, при чемъ рекрутъ часто даетъ какой-нибудь «завѣтъ Богу» (обѣтъ) въ случаѣ освобожденія его отъ военной службы. Родители благословляютъ рекрута и выводятъ его подъ руки изъ избы. При этомъ наблюдаютъ слѣдующую довольно сложную, примѣту. Отъ четырехъ угловъ скатерти, покрывавшей обѣденный столъ, отрѣзываютъ маленькіе кусочки, полагаютъ ихъ на печной столбъ (верхъ печи надъ самымъ ея устьемъ), зажигаютъ и смотрятъ — куда направится дымъ. Если дымъ идетъ въ большой уголъ или «прилубъ»¹⁾, то предзнаменованіе хорошее — рекрутъ останется на свободѣ и возвратится въ родной домъ; если же дымъ направляется въ двери, то значитъ — рекрута забрѣютъ въ солдаты. — Когда рекрутъ прощается съ матерью, послѣдняя обхватываетъ его руками и начинаетъ причитать:

«Ты прощайсе со своѣй родимой сторонущкой,
Ты мое рожденѣе сердесньѣе,
Со широкой быстрой риченькой,
Со вснии со полеми со цистыми,
Со лущками со зелеными.
Ты прощайсе, сугрѣва сердесья
Съ Преображенемъ многоимосливимъ
И со всѣми храмами Господними.
Какъ придешь ты на дальнюю сторонущку,
Заведуть тебя во пріѣмну казенную,
И стануть, сугрѣва моя теплая,
Содѣвать съ тебя платье хресьянское
И тонкую билую рубашечку,
И стануть тебя оглядывать и осматривать;
И поведуть тебя на кружало осударево,
Подъ мѣру подъ казенную.
И рыкнуть судьи — власти не милосливы,
Серца ихны не жалосливы:
Принеть да добра молодца
Во солдаты во рекрутцкіе.
Подрѣжутъ рѣзвы ноженьки,
Пріопадуть бѣлы риченьки,
Пріужаснетце сердце ретивое.
Принесуть тебѣ бритву нѣмецкую,
Стануть брить да буйну голову,
Золоты кудри сыпущія.
Обырѣй ты, мое рожденѣе сердесньѣе.
Собери-ко свои русы волосы,
Золоты кудри сыпущія.
Заверни во бѣлу тонкую бумажечку,
Пришли ко мнѣ матери побѣдныи.

---

¹⁾ Небольшая комната съ хозяйственными припасами и инвентаремъ рядомъ съ большой жилой избой.

Я пока бѣдна мать бесцасная
Покажѣсь я во живности,
Буду держать ихъ во теплой запазушкѣ
За правой за пелецькой ¹⁾.
Пойдутъ удамы добры-молодцы,
Все твои дружки-товарищи
Ко песному годовому ко празиньку,
Погляжу я, мать безцасная,
Во хрустальнѣе окошечко
На широкую пробойную улущку,
Погляжу я на твоихъ друзей-товарищей;
Стану примицѣть да и доглядывать
Тебя, мое рожденѣ сердеснѣе,
Стану доглядывать по стини да по возрасту,
По похвальныя походецкѣ.
Ушь не могу прибрать тебя, рожденѣ сердеснѣе,
Не по походецкѣ похвальныя,
Не по поступкѣ молодецкѣя,
Не по платью по хресьянскому.
Я погляжу мати безцасная
На тебя, сугрѣва сердесьяна:
Ты была у миня яблунь кудрѣватая,
Срослая и уросливая,
Сѣ корешка да не закомлистой,
По середоцкѣ поджаристой.
По лицу по цисто-бранному,
По буйной по головушкѣ.
Ушь я не могу тебя признать
Тутъ одолить миня бесцасную
Горе бѣднось-то великая.
Ушь нѣту мово ясново солнышка
Не по стипи, да не по возрасту,
Не по ухагоцкѣ похвальныя,
Не по походкѣ молодецкѣя.
Ушь была ты у миня яблунь кудрѣватая,
Свица да воску ярово,
Верба да золоцѣная.
Быль добрымъ людемъ-то присвойчпвий.
Тутъ обомреть мое сердце ретивоѣ,
Што нѣту мово роженѣя сердеснево.
Ушь мое-то роженѣе сердеснѣе
Быль умный-то и разумный,
Къ добрымъ людемъ прибойчпвий.
Со тово горя великово,
Со обиды, со досады несныя
Выну я сѣ своей сѣ теплой пазушки
Возму во несцасныя руденьки
Кудри жолтыя сынущя
Со твоей со буйной головы,
И приложу я къ ретиву сердцу побѣдному,

---

¹⁾ Пелецька—часть пазухи за лямкой сарафана.

Будто на тебя наглажусе, рожденьё сердесньёе,
Будто съ тобой наговорюсе и набажусе».

Когда рекрутъ садится въ сани, наблюдаютъ за лошадыю. Если она въ это время не стоитъ смирно, а переступить съ ноги на ногу, то примѣта нехорошая.

Съ рекрутомъ отправляется кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ—мужчинъ—отецъ или братъ. На мѣстѣ призыва уже не слышно причитаній, такъ какъ бабы рѣдко ѣздятъ туда. Все больше встрѣчаются серьезные задумчивыя лица мужиковъ и слышится пьяный разгулъ призываемыхъ.

Но вотъ жребій вынуть, произведенъ медицинскій осмотръ; рекрутъ оказывается «забритымъ» и превращается въ «новобранца». Прежде чѣмъ отправиться къ мѣсту своей службы, онъ еще прѣзжаетъ на недѣлю на двѣ домой погулять. Тутъ уже новобранецъ кутитъ во всю ширь русской природы. Онъ одѣвается въ лучшее крестьянское платье—суконную «сибирку», яркій цвѣтной шарфъ и мѣховую шапку. Домашнія и родственницы дарятъ ему цвѣтные платки, которые онъ связываетъ вмѣстѣ концами и неизмѣнно носить при себѣ. Начинается лихое гулянье новобранцевъ. На тройкѣ лошадей съ бубенчиками, съ гармоникой и пѣснями, махая разноцвѣтными платками разѣзжаются они по гостямъ и бисѣдамъ. неизмѣнными спутниками новобранца являются два три молодыхъ парня—пріятели, которые водятъ его подъ руки.

Наступаетъ день отъѣзда на службу. Мать и женская родня все время заливаются горячими слезами. Опять происходитъ прощанье новобранца со своими родственниками, сопровождаемое обильнымъ угощеніемъ; а дома въ это время укладываютъ его пожитки и пекутъ «подорожники», въ числѣ которыхъ неизбѣжно являются «сдобные колобы», «калитки», «наливки» (различныя виды пироговъ изъ ячменной муки) и т. п. Въ самый день отъѣзда въ избу новобранца собирается чуть не вся деревня. Мать уже не только не въ состояніи причитать, но даже и плакать, а только охаетъ, стонетъ. Начинается трогательное прощанье новобранца. Онъ падаетъ въ ноги всѣмъ своимъ домашнимъ и близкимъ родственникамъ, начиная съ отца. Тѣ поднимая его и, обнимая, прижимаютъ къ своей груди; съ сторонними онъ только обнимается. Новобранецъ проходитъ по всему дому: въ каждой комнатѣ онъ молится Богу и падаетъ въ землю. Потомъ онъ идетъ во дворъ—прощаться со скотомъ; предъ каждой животной онъ кланяется до земли и благодаритъ ее за вѣрную службу ему.—Когда онъ въ послѣдній разъ прощается съ матерью, она обхватываетъ его руками и наутствуетъ причетами. (Во время причета ее держать подъ руки близкія родственницы; она нѣсколько разъ «омираетъ» (т. е. лишается чувствъ), но припадъ въ себя, опять продолжаетъ причитать). Наутственные причеты слѣдующіе:

«Ты пойдешь, рожденьё сердесньёе,
Не по старому, да не по прежнѣму.
И дають тѣ тонку-бѣлую рубашечку солдатскую
На твое-то тѣло бѣлое,
И дають шинель казенную
Не по востямъ и не по плечушкамъ,
И дають фуражку солдацкую
Не по буйной-то головушкѣ,
И сапожки-то не по ноженькамъ
И рукавицки не по руценькамъ.
И стануть высылать на путь дорошку широкую,
Волока-то будутъ долги
И версты будутъ не мѣрныя,
Пойдутъ лѣса темныя высокіе.
Пойдешь-ты, моя сугрѣва бажѣная,
Въ города-то незнамыя,

Все народы да не знакомые.
Какъ дойдешь до храма Господнево,
До церкви до священныя,
Ставь-ко свищки Царю Небесному,
Пресвятой да Богородицѣ
И служи молебны-те за здравныя
За великое за здравіе,
Штобы далъ тебѣ Христосъ Истинной
Ума и разума великово
На чужой на дальней на сторонущкѣ.
Служи-ко вѣрою да и правдою,
Держись за вѣру христіанскую,
И слушай-ко властей, судей милосливыхъ,
Командировъ, офицеровъ
И рядовыхъ-то солдатущекъ.
Будуть судьб власти милосливы
И сердца ихъ будутъ жалосливы».

Студентъ Духовной Академіи
Александръ Мельницкій.

Село Ухта, Вытегорскаго уѣзда,
Олонецкой губ.

Святки въ Корелѣ.

Время гаданій у кореляковъ начинается съ вечера сочельника (24 декабря) и продолжается до самаго Крещенья. За это время, кромѣ того, что соблюдается во время «вѣндѹйды» (не мажутъ дегтемъ сапоговъ, не моютъ половы и т. д.), не бросаютъ еще на снѣгъ огарковъ отъ дачины,—чтобы жито не почернѣло. Вечеромъ въ сочельникъ дѣвушки и парни собираются въ одинъ домъ и здѣсь—въ складчину—дѣлаютъ «приженные пироги» на постномъ маслѣ... Закусивъ пирогами, всѣ молча отправляются гадать—узнавать свою судьбу. 1) Одно изъ самыхъ распространенныхъ средствъ—узнать свою судьбу—это подслушивание подъ окнами. Дѣвушки или парни, а иногда тѣ и другіе вмѣстѣ идутъ подъ окна дома и, притаившись, слушаютъ, что говорятъ живущіе въ домѣ. Каждый условливается слушать слова только извѣстнаго лица, живущаго въ домѣ. Потомъ подслушанныя слова толкуютъ въ томъ или другомъ смыслѣ, и на основаніи ихъ узнаютъ, что будетъ въ наступающемъ году... 2) Ходятъ слушать на перекрестки дорогъ. Собирается компанія молодежи, и тайно, безъ смѣха и разговоровъ выходятъ изъ дому на перекрестокъ. Молча становятся спинами вмѣстѣ и одинъ изъ нихъ очерчиваетъ «сковородникомъ» кругъ, чтобы слушающимъ не могъ сдѣлать ничего худаго «сундѹ» «Сундѹ»—это особаго рода божество, которое дѣйствуетъ на землѣ преимущественно о святкахъ. Нѣкоторые изъ кореляковъ видали «сундѹ». По рассказамъ ихъ, оно представляетъ изъ себя двигающійся стогъ сѣна, и не дай Богъ человѣку попасть въ его руки: онъ непременно задавитъ его. Въ причитаньяхъ какъ свадебныхъ, такъ и погребальныхъ встрѣчаются названія «суврѣдъ сундѹдѣ», «сундѹйжедѣ»; по всей вѣроятности, это второстепенные боги послѣ Юмала, но боги очень популярны между кореляками, всѣми почитаемые и имѣвшіе большое значеніе въ семейной частной жизни. На мой вопросъ: «что-же такое «суврѣдъ сундѹйжедѣ»—старуха-причитальщица не сразу нашлась отвѣтить... Она задумалась и минуту другую сидѣла молча. Потомъ, осмотрѣвшись по избѣ, она съ нѣкоторымъ даже азартомъ отвѣтила: «что «суврѣдъ-сундѹйжедѣ»?—да иконы вѣдь это»... Потомъ такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, внимательно слушаютъ, что прислышится, что скажетъ «великій сундѹ». Иные изъ молодежи слышатъ отдаленныя выстрѣлы—это значитъ быть имъ въ солдатахъ, слышатъ звонъ ямщицаго колокольчика, пѣніе веселыхъ пѣсень,—все это къ тому, что скоро будетъ свадьба. 3) Вышеописаннымъ-же способомъ слушаютъ еще на церковномъ крыльцѣ и на кладбищѣ. Этотъ способъ гаданія считается самымъ вѣрнымъ, чтобы узнать свою судьбу, но рѣдко кто изъ кореляковъ осмѣливается идти на кладбище или на церковное крыльцо. Суевѣрный страхъ ихъ столь силенъ, что иные даже на свѣту, среди яснаго дня не осмѣлятся пройти по кладбищу; кладбище и церковь, по мнѣнію ихъ, населены покойниками, которые всюду бродятъ, всюду проникаютъ и еще намѣренно стращаютъ живыхъ людей.. 4) Въ полночь, когда всѣ уснутъ, дѣвушка кладетъ предъ устьемъ печки на плиту зеркало и зажигаетъ свѣчу; сама поднимается на печку, ложится на спину (головой въ сторону плиты), распускаетъ волосы и, закинувъ голову, глядится въ зеркало, положенное на плиту: если суждено ей скоро выйти замужъ, то непременно

она увидитъ въ зеркалѣ лицо своего жениха, если же выйдетъ еще не скоро, то не увидать ничего. Тѣ же, которыхъ ожидаетъ скорая смерть, видятъ гробъ и похоронную процессію... 5) Также въ полночь, когда всѣ уснутъ, дѣвушка одѣваетъ на шею лоскутъ и садится подѣ столъ,—садится и ждетъ, что привидится. Этотъ способъ гаданія считается довольно опаснымъ, потому что гадающую можетъ испугать показавшійся призракъ. 6) Дѣвушки берутъ зубами съ печки каждая по лучинкѣ, въ зубахъ же и несутъ ихъ на прорубь, опускаютъ въ воду и несутъ потомъ обратно въ избу; вставляютъ въ стѣнную щель надъ дверной липиной и зажигаютъ: чья лучина загорится, къ той скоро прійдутъ сваты. 7) Гадающая дѣвушка беретъ сапогъ и, повертывая нижней частью его (то носкомъ впередъ, то пяткой), отмѣриваетъ пространство отъ лицевой стѣны до порога; и если въ послѣдній разъ приложенный сапогъ будетъ носкомъ къ порогу, то дѣвушка выйдетъ замужъ, а если пятой, то останется въ прежнемъ состояніи. 8) Въ самый день Крещенія утромъ подметають полъ; соръ, собранный на полу (преимущественно угли лучины, которая и до сихъ поръ не вытѣснена у кореляковъ никакимъ другимъ горючимъ матеріаломъ), выбрасывается на улицу, недалеко отъ дождяго крыльца. Гадающая дѣвушка примѣчаетъ—прилетитъ ли на этотъ соръ сорока, если прилетитъ, то дѣвушка непременно выйдетъ скоро замужъ. 10) Для того, чтобы узнать характеръ будущаго жениха, дѣвушка беретъ сковороду, наливаетъ на неѣ воды и кладетъ немного кудели, и все это ставитъ на огонь; если на сковородѣ будетъ сильно трещать, то женихъ будетъ—человѣкъ горячій, буйный, а если будетъ только шипѣть, и дѣло обойдется безъ треску, то женихъ будетъ нрава кроткаго, человѣкъ смиренный и степенный... 11) Чтобы узнать, кто будетъ женихъ—крестьянинъ или купецъ, или нищій, съ этою цѣлю берутъ три одинаковыхъ ложки; одну наполняютъ молокомъ или хлѣбнымъ зерномъ, въ другую кладутъ золотое или серебряное кольцо, а въ третью наливаютъ воды... Гадающая дѣвушка уходитъ на время въ сѣни, пока готовятъ ложки; потомъ возвращается и выбираетъ одну изъ трехъ (самыя ложки закрываются, и остаются на видъ только ручки): если попадетъ ложка съ водой, то быть за бѣднымъ человѣкомъ, если съ молокомъ, то за крестьяниномъ, а которая возьметъ съ кольцомъ, то выйдетъ за богатаго человѣка....

Н. Лѣсковъ.

Мудрый Маччи.

Жила-была въ одной деревнѣ вдова съ дочерью и сыномъ. Дочь была молодая дѣвица; и вотъ когда она однажды утромъ вышла изъ дому—выполоскать на берегу озера вѣники,—увидѣла на другой сторонѣ озера домъ, поглядѣла на него и расплакалась. Приходить въ избу къ матери, а сама плачетъ забывается. «Что же ты плачешь, милая дочка?» спрашиваетъ у ней мать, «обидѣлъ тебя кто-нибудь или слово грубое сказалъ?...»—Нѣтъ, маменька, отвѣчаетъ дочь, не обидѣлъ меня никто, и слова грубаго я не слышала ни отъ кого; а плачу я отъ того, что когда полоскала вѣники увидѣла на другой сторонѣ озера на самомъ берегу домъ—и подумала: а что еслибы да меня выдали замужъ въ тотъ домъ; радился бы у меня ребеночекъ-мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на «уличку», ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ... Вотъ чего я, милая матушка, и плачу такъ сильно»... Мать выслушала свою плачущую дочь, и сама разжалобилась, сѣла на скамейку рядомъ съ дочкой и давай плакать... Плачутъ обѣ мать и дочь... Приходить съ работы сынъ и спрашиваетъ: чего вы плачете, мать и сестра?... Обидѣлъ ли кто васъ или слово грубое кто сказалъ?...—Нѣтъ, не обидѣлъ насъ никто, и слова грубаго мы не слышали ни отъ кого, а плачемъ отъ того, что сестра твоя дѣвица пошла сегодня вѣники полоскать въ озерѣ; полоща, она увидѣла на другой сторонѣ озера на берегу домъ и подумала, что если бы она была выдана туда замужъ, родился бы у ней ребеночекъ—мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на уличку, ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ бы... вотъ чего мы и плачемъ, вотъ изъ за чего и слезы роняемъ... Выслушалъ сынъ—мать и сестру и въ первое время просто изумился: «—ну, говорить онъ имъ, сколько живу на семъ свѣтѣ такихъ глупыхъ людей еще не видалъ... Пойду скитаться по міру, и если найду трехъ человекъ глупѣе васъ, то ворочусь, а если не сыщу нигдѣ, то не ждите больше отъ меня мягкихъ и теплыхъ хлѣбцовъ...

Собралъ Маччи котомочку, вскинулъ ее за плечи и отправился въ дальнюю сторону. Идетъ день, идетъ другой, наконецъ, приходитъ въ одну деревню и останавливается въ ней на ночлегъ. Вечеромъ жильцы-хозяева, того дома, въ которомъ онъ остановился, отправились въ баню... Только что за чудо? Идутъ люди въ баню, а подштанники дома оставляютъ. Напарились, намылись хозяева въ банѣ и возвращаются домой безъ подштанниковъ. Вошли въ избу, и всѣ мужчины поднялись на полку, а бабы ихъ подштанники несутъ и подъ самой полкой прилаживаютъ ихъ въ стоячемъ положеніи... Скокылъ одинъ мужикъ, скокылъ другой,—все мимо подштанниковъ, никакъ въ цѣль не падаютъ. Въ каждый разъ, какъ скокылъ кто не удачно, не попадетъ въ подштанники, хлопъ свою бабу по щекѣ, зачѣмъ-моль худо подштанники подставила... Снова отгуда скачутъ,—и опять неудачно, опять мимо подштанниковъ—и ну бить бабъ... До самой полуночи бились съ подштанниками и утомились до смерти... Маччи глядѣлъ—глядѣлъ на эту безтолковщину и заговорилъ: «Зачѣмъ все это вы, крещенные, дѣлаете? Развѣ такъ подштанники одѣваютъ? Одѣть ихъ можно иначе, да и съ большимъ удобствомъ»...—Какъ?... Скази, пожалуйста, научи, мы за это тебѣ заплатимъ... «Да вотъ какъ», говоритъ Маччи; самъ сѣлъ на лавку, протянулъ ноги и руками легко натянулъ подштанники... Хозяева просто рты разинули;—Сколько, говорятъ живемъ мы на свѣтѣ, до сихъ поръ и въ голову не приходилъ этотъ простой способъ одѣванія подштанниковъ... Спасибо тебѣ, добрый молодецъ, что научилъ»... Накормили, напоили Маччи да еще дали денегъ 5 рублей.

Идет Маччи дальше. Приходить опять на ночлегъ въ одну деревню. Сидятъ хозяева, ужинаютъ «хутту» (каша изъ ржаной муки) ѣдятъ... Возьметъ каждый ложку «хутту» и бѣжитъ въ чуланъ за сметаной; съѣсть ложку, другую хватить и опять въ чуланъ за сметаной и т. д. и т. д... Глядѣль-глядѣль Маччи на это бѣганье изъ избы въ чуланъ, и потомъ обратно—изъ чулана въ избу и говорить: «Зачѣмъ вамъ бѣгать каждый разъ съ ложкой «хутту» въ чуланъ? Вѣдь это очень утомляетъ, а можно бы сдѣлать такъ, что и бѣгать не придется»...—А какъ же, спрашиваютъ хозяева, если можешь такъ, пожалуйста, ужъ научи, а мы тебѣ за это заплатимъ... «Да вотъ какъ, говоритъ Маччи, смотрите», и самъ принесъ горшокъ съ сметаной изъ чулана и поставилъ его на столъ,—хозяева такъ и ахнули отъ изумленія: «сколько, говорятъ ой, на свѣтѣ жили, а до сихъ поръ вѣдь такъ устроить—и въ голову не приходило». Наполни накормили Маччи и дали еще ему 5 руб. за выучку.

Идетъ Маччи дальше и думаетъ дорогой: въ двухъ мѣстахъ нашель глухихъ людей, а если въ третьемъ еще найду, тогда домой возвращусь и буду кормить мать и сестру... Приходить Маччи опять въ деревню; только зашелъ онъ въ деревню, видитъ, какъ изъ одного дому выскочило на улицу четыре человѣка съ припономъ; разостлали его на солнцекѣ, потомъ снова быстро поспѣшно схватили его за четыре угла и опять унесли въ избу. Скоро опять выскочили изъ избы, снова разостлали припонъ и обратно въ торопяхъ снесли въ избу и т. д. и т. д. Долго глядѣль на это Маччи и никакъ не могъ понять, что бы это значило: люди съ припономъ бѣгаютъ; по видимому ничего не носятъ, а разстелютъ только на солнцекѣ и опять въ избу несутъ; потъ на лицахъ ручьями льется... Глядѣль, глядѣль Маччи и спрашиваетъ у этихъ людей: «Что вы дѣлаете, добрые люди? Я стою и смотрю и никакъ не могу понять, надѣ чѣмъ вы такъ стараетесь»...—Ой, братъ, говорятъ Маччи четыре человѣка, не мѣшай намъ въ нашей работѣ... Вотъ выстроили домъ,—домъ хороший, крѣпкій, жить только, въ немъ, такъ вся бѣда въ томъ, что свѣту нѣтъ; вотъ мы и стараемся въ припонѣ занести свѣтъ въ избу... Но ужъ скоро годъ, какъ грудимся, а до сихъ поръ въ избѣ темно, какъ въ могилѣ... «Да зачѣмъ же вамъ такъ свѣтъ въ избу носить? Можно иначе и гораздо легче сдѣлать это»...—А какъ же, спрашиваютъ Маччи?... Если ты знаешь какое другое средство, такъ, пожалуйста, научи, а мы будемъ очень тебѣ благодарны и за то тебѣ деньги заплатимъ. «Да вотъ какъ, говоритъ Маччи: роздалъ каждому по топору, и самъ взялъ топоръ, и давай рубить окна въ избу. Прорубили 5 оконъ въ избу: 3 съ лица и по одному съ боковъ, и въ избѣ стало свѣтло, какъ на улицѣ... Стоятъ мужики, удивляются и думаютъ: какъ это имъ прежде въ голову не могло придти такое простое средство освѣтить избу... Наполни, накормили Маччи и въ благодарность дали ему еще 5 рублей денегъ... Взялъ Маччи деньги и пошелъ домой... Пришелъ домой и говорить матери и сестрѣ: «ваше счастье, нашель въ трехъ мѣстахъ людей глупѣе васъ, вѣште хлѣбъ до самой смерти, буду кормить безъ словечка»...

Н. Льсковъ.

Шутъ Григорій.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Шутъ-Григорій. Не даромъ такое имя дано было ему. Не было ни провѣзду, ни проходу ни конному, ни пѣшему, котораго бы Григорій не обозвалъ какъ-нибудь. И какъ кого прозоветъ, такая кличка за тѣмъ человѣкомъ навѣкъ и останется; «какъ гвоздями прибить», поговариваютъ объ этой способности Григорья сосѣди-мужички. Украсть, обмануть, соблазнить дѣвушку, «опохожать» (т. е. осмотрѣть и стащить потомъ рыбу) чужую ловушку—никто не могъ такъ ловко, какъ это дѣлалъ Григорій. Всѣ знаютъ, что это Григорій сдѣлалъ, его работа,—но уличить никогда не могутъ. Такъ ловко спрячетъ концы, что самому, «спалайно» не отыскать. Цѣлыми днями иногда Григорій ничего не дѣлалъ: лежитъ себѣ на теплой печи и придумываетъ—какую-бы ему еще штуку выкинуть. Лежитъ насвистываетъ, какъ бы тетерокъ приманиваетъ, а жена его ужъ горячіе «ростѣги» (особый видъ пироговъ) масломъ мажетъ да съ поклонами Григорью подноситъ. А Григорій ѣстъ да ухмыляется: умѣлъ, говорить, важить, умѣю и ѣсть. Слезетъ иной разъ вечеромъ съ печи, нащиплетъ лучины или сплететъ корзину и опять на цѣлый вечеръ нравъ, сидитъ безъ дѣла, рассказываетъ сказки, прибаутки, загадываетъ загадки да семейныхъ смѣшитъ. Даже русскіе пріѣзжали слушать Григорьныхъ сказокъ. Пріѣдутъ это съ деньгами, по недѣлѣ сидятъ на подпольницѣ, рта не смѣютъ открыть, слушаютъ его... А Григорій сидитъ себѣ на печкѣ, ногами помахиваетъ да языкомъ болтаетъ. Лѣтомъ—нечего дѣлать, такъ Григорій въ лѣсъ ходитъ, бересты надеретъ, мячки ребятишкамъ дѣлаетъ и цѣлые дни этимъ забавляется; какъ глупенькій рѣзвится, скачетъ, на одной ногѣ прыгаетъ, «кода»—мячикомъ играетъ. Не было у Григорья никакой скотины въ домѣ, только и было у него, что черная, старая кошка да собака Мутти. Разъ вздумалось Григорью идти «пало» (пожогу) пахать. Лошади у него своей не было; вотъ онъ и пошелъ къ попу лошади просить. Батюшка, говоритъ Григорій, думаю идти «пало» пахать, такъ одолжи пожалуйста лошади и соху,—возвращу съ благодарностью...—«Да вѣдь ты напакостишь только, Гришка, говорить ему пош. Я дать дамъ, мнѣ не жалко, отчего не дать человѣку въ нуждѣ, но не будетъ только съ тебя пахаря; какой съ тебя пахарь?... Ты бы шелъ лучше къ русскимъ да языкомъ у нихъ болталъ, да денежки за это получалъ: вѣдь они до этого охотники»...—Нѣтъ, батюшка, дай ты мнѣ лошадь и соху; буде что случится съ ними недоброе, тебя самого позову, не полѣнюсь, сбѣгаю... Взялъ Гришка лошадь и цѣлый день возился съ ней, пахалъ-парапалъ «пало». Вечеромъ ѣдетъ домой... Проѣзжаетъ мимо болота, глядитъ болото-вязкое, глубокое, взялъ да и заѣхалъ въ него: «а пусть, говорить, околѣваетъ лошадь, у попа ихъ много». Взялъ потомъ—почти совсѣмъ отрубилъ у лошади голову, только на верхней шейной шкуркѣ оставилъ висѣть, и самъ съ крикомъ и плачемъ побѣжалъ въ деревню къ попу. «Ой, батюшка, несчастье случилось со мной: лошадь твоя завязла въ болотѣ, стоитъ, золотая, хвостомъ не шевельнетъ, до самаго брюха въ болото ушла...» Попъ съ кряхтеньемъ и неудовольствіемъ поднялся и крѣпко выругалъ Григорья: «говорилъ я тогда тебѣ, сатанинская голова (саттананъ піа), что гдѣ тебѣ съ лошадью справляться,—вѣкъ чего въ рукахъ не бывало, за то бы и не брался, а то вотъ теперь изъ-за тебя, дурака, придется мнѣ самому трудиться...» Пришли попъ и Григорій къ болоту; лошадь, дѣйствительно, какъ говорилъ Григорій, стоитъ, хвостомъ не шевельнетъ; мертвая, такъ будетъ ли шевелить?!...

Какъ же теперь вытасить лошадей? А вотъ что, батюшка, говоритъ Гришка, я, какъ простой мужикъ, буду пихать лошадей съ хвоста, съзади: имъ простому мужику живеть; а ты, какъ попъ, будешь тащить съ головы... Поправился такой распорядокъ полу. Накивнулъ онъ на голову лошади петлю, выбралъ посуше мѣсто на кочкѣ, оперся правой ногой о пень и давай тащить лошадей что есть мочи... «Ой, батюшка, говоритъ Гришка, не тащи такъ сильно лошадей, неравно голова оторвется». Попъ ташель, ташель.—голова у лошади вдругъ оторвалась, и онъ, какъ снопъ (или—какъ стручекъ), «палло», хлопнулся на пень; едва живъ остался, такъ сильно ударился жирной спиной о пень. А Гришка правъ: говорилъ я тебѣ, батюшка, тише нужно тянуть, не послушался, на себя теперь и пеняй: голову у лошади оторвалъ и спину себѣ досадилъ...» А самъ въ это время отвернется въ сторону и смѣется надъ простоватымъ попомъ...

Случилось также Григорью весной ходить въ лѣсъ на тетѣрь. Ходитъ Григорій по «корбѣ» (густой лѣсъ) со своей Мутти, ходитъ посвистываетъ, не столько тетѣрь стрѣляетъ, сколько пѣсенъ поетъ. Пришло время обѣденное, солнышко высоко надъ лѣсомъ поднялось, и сталъ Гришка обѣды варить. Развелъ огонь, положилъ рябчика въ горшокъ, налилъ его водой и поставилъ на огонь кипятиться... Ужъ булькаетъ, кипитъ, паръ съ горшка столбомъ валитъ,—слышитъ вдругъ Григорій, что идутъ къ нему на просьбу какіе-то люди, топорами звѣнать, ружьями пощелкиваютъ—должно быть разбойники. Гришка скорѣхонько затопталъ огонь, нарылъ на него свѣгу, а горшочекъ поставилъ на растаявшую вочку, самъ стоитъ и надъ горшкомъ палочкой помахииваетъ, а горшокъ свое дѣло дѣлаетъ—пары пускаетъ, приятныхъ запаховъ носъ щекочетъ—Подходятъ разбойники. «Что ты, Гришка, дѣлаешь? спрашиваютъ они; зачѣмъ палочка, кой надъ горшкомъ помахииваешь?»—А посмотрите, говоритъ Гришка, подойдите поближе, поглядите, что съ горшкомъ дѣлается... Смотрятъ разбойники и удивляются,—горшокъ на голой кочкѣ стоитъ, а рябчикъ въ немъ ужъ совсѣмъ готовъ,—сварился.

«Продай, говорятъ Гришкѣ разбойники, продай намъ этотъ горшокъ. Намъ онъ очень бы годился: на промыслѣ иной разъ вздохнуть некогда, столько работы бываетъ, гдѣ ужъ тутъ бабынмъ дѣломъ заниматься: огонь разводить да обѣды варить; а въ горшокъ твой чего только ни наклали, все шигомъ безъ огня скипитъ». — Отчего же, говоритъ лѣнливо Гришка, отчего же и не продать? Продать можно, лишь бы деньги дали хорошія.—«А сколько же ты просишь?»—Да ни много, ни мало, а рублей 10. Покопались разбойники у себя на вороту, въ кожаныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ... Проходить недѣля... Гришка начинаетъ побавнаться, что вотъ вотъ разбойники нагрянутъ на его домъ и тогда ему плохо придется за обманъ. Думаетъ, что въ такой-то день они непременно придутъ къ нему, и идетъ въ этотъ день опять въ лѣсъ на охоту съ неразлучнымъ Мутти. Предъ уходомъ въ лѣсъ поймалъ Гришка двѣ маленькихъ птички—трясогузки (паске-чивчуй), совершенно другъ на друга похожихъ. Одну берѣтъ съ собой въ лѣсъ, а другую дома бабѣ оставляетъ; «да смотри, баба, говоритъ Гришка, чтобы сегодня ты у меня, какъ можно больше, пироговъ напекла: ростеговъ, сквонецъ съ кашей, чупуковъ, кокачей, колобовъ...; сегодня у насъ гости будутъ, да, смотри, не забудь, приготовь все, какъ слѣдуетъ, по хорошему, иначе я у тебя живой шкуру сдеру». Поешелъ Гришка въ лѣсъ. Опять, какъ и въ первый разъ, ходитъ по корбѣ, посвистываетъ, не столько теперь стрѣляетъ, сколько пѣсни распѣваетъ. Поднялось солнышко высоко надъ лѣсомъ, наступило время обѣденное, слышитъ Гришка, что какіе-то люди къ нему на просьбу подходятъ, топорами звѣнать, ружьями пощелкиваютъ.—Разбойники, думаетъ Гришка, а у самого «брюхо отъ страху ниже ножныхъ нальцевъ упало» (ворельское выраженіе для обозначенія страха). «Ну да раньше времени бояться нечего; посмотримъ, кто кого обидитъ»; встряхнулъ волосами, стоитъ и поджидаетъ гостей.—А, вотъ самъ Гришка, говорятъ разбойники, завидѣвъ Григорья. Ты что, братъ, обманулъ насъ, деньги взялъ сполна, а горшокъ далъ нигуда негодаційся. Мы палочкой надъ нимъ махали, махали, а шей себѣ однако не сварили.—Вотъ за это тебя слѣдуетъ убить. «За что убить? говоритъ въ отвѣтъ Гришка;

не я въ томъ виноватъ, что у васъ горшокъ безъ огня не кипитъ; нужно было вамъ слова нѣкоторыя выучить, безъ которыхъ ничего не будетъ, хоть годъ палочкой пома- хивай... Не врите мнѣ? Вотъ у меня въ рукахъ птичка— трясогузка, самая обыкновенная птичка, а стоитъ только пошептать ей въ ухо нѣсколько словъ, и она, какъ стрѣла, прямо полетитъ къ моей бабѣ и передастъ вѣсть, чтобы обѣдъ для гостей хорошихъ готовила: чупуки и растеги страпала, блины пекла, кофей варила...» — Ужели. Гришка, у тебя птичка такаа естъ? Пожалуйста, сдѣлай такую милость, отиравъ её къ бабѣ, пусть она обѣдъ готовить, и мы бы у ней встали поѣли... «Отчего же, говорить лѣнливо Григорій, можно»... Взялъ птичку, пошепталъ ей въ ухо и пустилъ её въ лѣсъ на всѣ четыре стороны... Птичка быстро вспорхнула и скоро скрылась изъ глазъ разбойниковъ. Идутъ разбойники въ домъ Гришкинъ, а сами сомнѣваются: — «ужели, говорятъ между собой, птичка-то и вправду къ бабѣ слетѣла и приказъ отдала—обѣдъ готовить». Приходятъ, наконецъ, въ домъ—и что же? Птичка на окнѣ по стекламъ порхаетъ, а у бабы уже пироги масломъ намазаны, обѣдъ готовъ, кофей сваренъ, послѣдній «чупукъ» съ кашей свѣртывается.

Съли разбойники за столъ, ѣдятъ, пьютъ, ѣду похваляютъ, но больше и больше птичку удивляются.—Ну, и птичка у тебя, Гришка; не птичка, а кладъ, продай ты её намъ; она намъ очень бы погодила; въ другой разъ далеко въ лѣсу бродишь, придешь домой холодный, голодный, а у бабы ничего, оказывается, не приготовлено; а будь такаа птичка, какъ у тебя, взялъ бы да заблаговременно и послалъ её, и велѣлъ бы передать бабамъ,—чтобы обѣдъ скорѣй готовили, и было бы очень удобно. Продай намъ, Гришка, её...—«Отчего же, говоритъ лѣнливо Гришка, и не продать? продать можно, лишь бы деньги дали хорошія!»—А сколько же ты просишь? — «Да ни много, ни мало, а рублей 10». Покопались разбойники у себя на вороту въ кожаныхъ кошель-кахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка имъ намѣсто птичку далъ, и самъ радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ.

Проходитъ недѣля, другая... вдругъ въ одинъ день нагрянули разбойники въ Гришкинъ домъ, связали Гришку по рукамъ и ногамъ и говорятъ ему: «ну, теперь мошенникъ, не уйдешь отъ насъ; полно тебѣ обманывать насъ, какъ маленькихъ дѣтей; будетъ тебѣ—п деньги выманивать; пришло время свести съ тобой счеты...» Взяли связаннаго Гришку, посадили въ кулъ, кулъ зашили, бросили его на возъ и повезли на ледъ озера. Привезли на средину озера, и всѣ общимъ голосомъ порѣшили утопить Гришку... Но, какъ на грѣхъ, ни у кого не оказалось съ собой пѣши («пуразъ»), чтобы сдѣлать прорубь. Подумали разбойники, потолковали и отправились всѣ домой за пѣшей, а Гришку, зашитаго въ кулъ, оставили тутъ же, на озерѣ, не убѣжить. моль, а возить его зря взадъ и впередъ не стоитъ. Сидитъ Гришка въ кулѣ и думаетъ: «насталъ, должно быть, мой конецъ, теперь ужъ никакъ не вывернешься, приходится, вѣрно, умирать; ну, пожить и—довольно...» Слышитъ вдругъ какъ-будто вдали колокольчикъ ямщицкій зазвенѣлъ.—Должно быть баринъ какой-нибудь проѣзжій ѣдетъ... Гришка сейчасъ же на хитрость пустился; сидитъ въ кулѣ и такъ жалобно стонетъ: «хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю; хотятъ въ попы ставить, а между тѣмъ грамотѣ не знаю...» Подѣхалъ проѣзжій баринъ поближе, замѣтилъ кулъ, прислушался:—кто-то стонетъ: «Хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю»; велѣлъ баринъ ямщику остановиться, распоролъ кулъ и вывелъ на свѣтъ Вожій Гришку. «Какимъ образомъ попалъ ты въ кулъ?» спрашиваетъ баринъ Гришку.—«Да вотъ, добрый человекъ, говорить Шуть, хотѣли меня попомъ сдѣлать, а я грамотѣ не знаю и не хочу идти въ попы, такъ меня, чтобы хотя насильно въ попы поставить, взяли и зашили въ кулъ... Выслушалъ баринъ Гришку, и самому ему захотѣлось сдѣлаться попомъ «Если ты не идешь въ попы, говоритъ онъ Гришкѣ, такъ пусти меня, я грамотѣ умѣю...»—Отчего же, лѣнливо отвѣчаетъ Гришка, можно; только тебѣ, баринъ, слѣдуетъ въ мою одежду нарядиться, и въ кулъ сѣсть. Баринъ безъ словечка согласился: снялъ съ себя енотовый тулупъ, черные сапоги, одѣлся въ Гришкинъ кафтанъ и засѣлъ въ кулъ, а Гришка зашилъ его. Потомъ Гришка одѣлся въ барское платье, засѣлъ въ

барскія сани, свистнулъ и поѣхалъ... А между тѣмъ баринъ сидитъ въ кулѣ и твердитъ: хотать въ попы ставить, и я грамотѣ знаю. Пришли разбойники, принесли пешню, сдѣлали ея прорубь и спустили туда кулѣ съ бариноѣ. «Ну, теперь не высочить ттуда, говорятъ разбойники, смотри только пузырьки встанутъ на поверхности. Хотѣли уже уходить домой—глядятъ—на встрѣчу нигъ Гришка ѣдетъ. Сидитъ въ саняхъ, развалился, какъ баринъ, въ енотовомъ тулупѣ, въ черныхъ сапогахъ, и подь другой колокольчикъ звенитъ. Разбойники какъ увидѣли, такъ и ахнули; сняли шапки, поклонились Гришкѣ и спрашиваютъ у него: «Сдѣлай милость, скажи какимъ образомъ ты живъ остался и лошадей гдѣ нашлѣ, вѣдь сейчасъ только мы утопили тебѣ въ озерѣ...»— Эхъ, братцы, говоритъ нигъ Гришка, вы хотѣли мнѣ зло сдѣлать, анъ оказалось, что вы мнѣ добро сдѣлали; опустился я это на дно озера, а тамъ, братцы, каждому, кто съ этого свѣта туда спустится, лошадей дають, сани и хорошую одежду; каждому, кто бы ни пришелъ туда...

«Ой, Гришенька, спусти насъ въ прорубь, стали просить разбойники, спусти насъ подь ледъ, мы тебѣ благодаримъ...» Отчего же, говоритъ гнѣвно Гришка, можно... Прыгайте сами въ прорубь, а тамъ на днѣ увидите и повѣрите, что я вамъ правду говорилъ.

Стали прыгать разбойники въ прорубь, и послѣ нихъ только пузырьки встанутъ на поверхности. Прыгнулъ одинъ, прыгнулъ другой, а остальные ждутъ своихъ товарищей, стоять около проруби... «Что же, говорятъ Гришкѣ разбойники, наши товарищи такъ долго не возвращаются, пора бы, кажется, придти имъ обратно...»— Ахъ, братцы, отвѣчалъ Гришка, они, не какъ я, выбираютъ лучшихъ лошадей и покрасивѣе сани... Я такъ прыно: хватилъ, что было поближе да поскорѣ вонъ, а они видишь не такъ: выбираютъ какъ бы все получше... «Такъ пожалуйста, Гриша, спусти насъ поскорѣ подь ледъ...»— Прыгайте всѣ скорѣ да по очереди, чтобы не препятствовать другъ другу. И всѣ разбойники другъ за дружкой поскакали въ озеро... А Шуть-Григорій радъ, что живъ остался и отъ разбойниковъ навсегда отвязался.

Пастухъ и дьяволъ.

Въ одной деревнѣ жилъ былъ молодой пастухъ, по имени Пекко. Пасъ коровъ Пекко хорошо: на ночь въ лѣсу не оставлялъ, утромъ, на пастбище рано прогонялъ и пасъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ росла трава до поясу (по поясъ). Хвалятъ Пекко бабы, не нахвалятся... Вотъ однажды, когда Пекко былъ со стадомъ далеко въ лѣсу, приходитъ къ нему дьяволъ (пахалайнэ) и говоритъ ему: давай Пекко—помѣряемъ силой...—Отчего же, отвѣчаетъ ему Пекко, помѣряться можно, я не прочь; вотъ возьмемъ каждый по камню изъ «кивишали» (груда камней, собранная на полѣ), и кто можетъ такъ зажать его сильно въ рукѣ, что изъ него потечетъ вода, тотъ будетъ сильнѣе... Дьяволъ со смѣхомъ взглянулъ на молодого пастуха, осмѣливавшагося такъ дерзко говорить съ нимъ, взялъ камень и крѣпко сжалъ его въ своей рукѣ. Камень хрустнулъ и рассыпался мелкимъ пескомъ. «Ну, нѣтъ, братъ, говоритъ ему Пекко, это еще не сила, у тебя вода не течетъ изъ камня, а вотъ погляди-ка, какъ я буду дѣйствовать... Предъ приходомъ дьявола Пекко только что испекъ на огнѣ нѣсколько рѣпинъ—«пачой» и спряталъ ихъ между камнями въ «кивишалю», Теперь онъ вытащилъ одну изъ нихъ, сжалъ въ рукѣ, и изъ «пачой» потекла вода. «Смотри-ка, братъ, говоритъ дьяволу, у меня изъ камня вода течетъ». Дьяволъ удивился силѣ Пекко и сталъ просить его, что бы онъ сдѣлался его работникомъ. «Отчего же? можно».. говоритъ Пекко, направилъ стадо коровъ по дорогѣ къ деревнѣ, а самъ пошелъ съ дьяволомъ—служить ему... Работаетъ Пекко въ домѣ дьявола, ходитъ съ топоромъ по улицѣ, но угламъ избы обухомъ пощелкиваетъ. Вотъ разъ дьяволъ съ Пекко отправились въ лѣсъ дрова рубить. Срубилъ дьяволъ громаднѣйшую ель и, не обсыкая вѣтвей, хочетъ тащить ее домой... Видитъ Пекко, что дѣло плохо, и если не схитрить, то, пожалуй, еще издохнешь подъ тяжестью дерева... «Я, говоритъ онъ дьяволу, такъ какъ буду сильнѣе тебя, то понесу «комель», а ты иди въпереди неси дерево за верхушку, по твоимъ силамъ и этого достаточно»... Взявши вѣтвистую верхушку на плечи, дьяволъ тащить, кричитъ, а Пекко сидитъ на комлѣ и пѣсни поетъ... «Да смотри ты у меня, покрикиваетъ онъ на дьявола, если будешь останавливаться да оборачиваться назадъ, такъ-таки между лопатокъ топоромъ и щелкну». Идетъ дьяволъ, кричитъ подъ тяжелой ношей, а остановиться и обернуться ни разу не смѣетъ: боится, что топоромъ отъ работника достанется. Приходитъ дьяволъ домой и рассказываетъ женѣ: «ну, и работникъ же намъ попался, жена; силаща такая, что и сказать нельзя... Сегодня и въ лѣсу парочно срубилъ самую большую ель и, не обрубая вѣтвей, понесъ. Пекко самъ выпросился «комель нести, а миѣ верхушку далъ. Я едва несу, охаю, ноги подламываются, а онъ легонько такъ несетъ, пѣсни поетъ да на меня покрикиваетъ: если хоть разъ-моль оглянешься, такъ-таки топоромъ и свистну между лопатокъ. Что теперь намъ дѣлать съ такимъ силачемъ?—Убить его слѣдуетъ, совѣтуетъ дьяволу жена, иначе никакъ отъ него не отвяжешься. Какъ пойдетъ онъ спать въ сарай, въ сани, говоритъ она мужу, уснетъ тамъ, ты возьми топоръ, поиди и щелкни его по головѣ, ужъ навѣрное тогда сдохнетъ. Дьяволъ согласился, и рѣшено было убить Пекко въ первую же ночь. А Пекко между тѣмъ стоялъ въ сѣняхъ за дверь, слышалъ отъ слова до слова весь совѣтъ «пахалайнэ» съ женою. «Ну, думаетъ онъ, не такъ-то вы скоро отвяжетесь отъ меня; кто кого еще выживетъ?»

Послѣ ужина, Пекко спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало, отправился спать въ сарай. Легъ въ сани и ждетъ, что дальше будетъ. Слышитъ, что въ сарай идетъ дьяволъ, на цыпочкахъ подходитъ къ санямъ и прислушивается—снить ли Пекко или нѣтъ... Пекко же, что есть мочи, захрапѣлъ, показывая видъ, что крѣпко спитъ. Возвратился дьяволъ изъ сарая и говоритъ женѣ: давай скорѣй топоръ, работникъ спитъ крѣпко, настало время сплавить его съ этого свѣту. Снова идетъ дьяволъ въ сарай, только теперь уже съ топоромъ, намѣреваясь сразу же прикончить съ сильнымъ работникомъ. А Пекко между тѣмъ, пока дьяволъ ходилъ за топоромъ въ избу, вылѣзъ изъ саней, и въ сани на мѣсто себя положилъ чурбавъ, обернулъ его кафтаномъ, а самъ забрался подъ сани и ждетъ. Приходитъ дьяволъ вторично въ сарай; подбѣжалъ это къ санямъ и что есть мочи—хватъ по чурбану топоромъ: Ну, жена, теперь ужъ, навѣрное, издохъ; пойдемъ, ляжемъ спать, уснемъ спокойно, а завтра закопаемъ Пекко въ болотѣ. На утро Пекко встаетъ, преспокойно идетъ въ избу и, къ изумленію своихъ хозяевъ, оказывается живымъ и вполне здоровымъ. «Какъ еще почь эту спалъ?» спрашиваетъ дьяволъ у него.—«Да ничего, спалъ хорошо, только около полуночи, что-то ущипнуло за лобъ, какъ будто комаръ укусилъ». «Ну, и на работника же мы съ тобой, жена напали», шепчутся—дьяволъ и его жена; «ужъ какъ я обухомъ его треснулъ по лбу?! А для него это—все равно, что комаръ укусилъ. Нужно теперь придумать другое средство... Вотъ что мы сдѣлаемъ... совѣтуемъ дьяволу жена—«Возьмемъ ригачу» (выраженіе, означающее,—стопить «ригачу»; насадить ее хлѣбомъ и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдетъ топить печь въ ней, ты поди и подожги «ригачу»; «ригача» сгоритъ, но и Пекко ужъ тогда не уцѣлѣетъ»... Такъ совѣтуемъ дьяволу поступить—жена, а, между тѣмъ, Пекко все это за дверями подслушалъ и «на умъ» себѣ взялъ: ну, думаю, не такъ-то вы скоро отъ меня огвяжетесь; кто кого со свѣту сживетъ? Какъ задумали дьяволъ съ женой, такъ и сдѣлали: взяли ригачу,—насадили ее полную овса и Пекко послали на ночь топить въ ней печь... Топитъ Пекко почь, а самъ на двери поглядываетъ, какъ бы изъ риги по добру по здорову ударить.. Вдругъ въ самую полночь—рига вспыхнула, со всѣхъ четырехъ угловъ загорѣлась. А Пекко уже приготовился бѣжать; схватилъ охапку соломы, и самъ—драло въ лѣсъ. Проспалъ тамъ до утра, а утромъ, когда пожаръ прекратился, и на мѣстѣ риги осталась только куча золы, пришелъ на пепелище, подослалъ въ сторонкѣ соломы подъ бокъ, свернулся калачемъ и уснулъ... «Ну, теперь, навѣрное, ужъ сгорѣлъ, разговариваютъ—дьяволъ съ женой, теперь и косточекъ работника не отыщешь»... Приходятъ на пожарище и ума не могутъ приложить?! Лежитъ Пекко на соломѣ и громко похрапываетъ... Все—около него сгорѣло, а окъ цѣлъ остался, и даже самая солома подъ бокомъ не задымилась. Ну, жена, говоритъ дьяволъ, нашего работника и огонь не жжетъ; вѣрно, придется намъ по добру по здорову бѣжать изъ своего дому, пока мы еще живы, пока работникъ нашъ не задумалъ еще убить насъ... Съ такой силой все можно сдѣлать. —Рѣшились дьявола и жена бѣжать изъ своего дому, задумали скрыться отъ силача работника Пекко. Некутъ хлѣбъ, сушатъ сухари, готовятъся въ дорогу—бѣжать... А Пекко, слушая за дверью, опять узналъ обо всемъ и думаетъ: «куда-то вы убѣжите отъ меня? Куда то вы скроетесь отъ своего работника?» Напекли насушили дьяволъ съ женой три цѣлыхъ мѣшка сухарей и уже назначилъ самый день, когда побѣгутъ: дьяволъ условился взять два мѣшка, а жена его—мѣшокъ. А Пекко, между тѣмъ, на канунъ того дня, въ который условились дьяволъ и жена его бѣжать, высыпалъ изъ одного мѣшка сухари, убралъ ихъ подальше, и самъ забрался въ мѣшокъ и сидитъ молча, не жунеть... Наступилъ, наконецъ, самый день побѣга... Дьяволъ, ничего не подозревая, взвалилъ на плечи два мѣшка, въ одномъ изъ которыхъ сидѣлъ Пекко, а жена остальной—третій. Идутъ спѣшать, подъ тяжестью мѣшковъ врхляты; прошли довольно большое разстояніе и задумали позавтракать: «теперь ужъ работякъ не догонитъ насъ, еслибъ и захотѣлъ бѣжать за нами»... Сняли съ плечъ мѣшки и только что начали сухари грызть, вдругъ Пекко и закричалъ изъ мѣшка: подождите немножечко, и я съ вами позавтракаю...—«Ой, жена,

говорить дьяволъ, слышишь?... Кричить, догоняетъ насъ, и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше»... Снова схватили мужъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, утомились, захотѣли ѣсть и рѣшились остановиться и отдохнуть. Опять сняли съ плечъ мѣшки, усѣлись, ужъ только бы сухари взять въ руки да грызть, вдругъ—слышатъ голосъ работника: Подождите немножечко, вѣсть пообѣдаемъ; я сейчасъ буду съ вами...—Жена, слышишь? Говорить дьяволъ, Пекко кричить, догоняетъ насъ и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше, авось скроемся»... Снова схватили дьяволъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, высунули языки, и отъ утомленія оба сразу пали на землю и издохли... А Пекко выбрался изъ мѣшка, забралъ изъ дьявольскаго дона все, что поцѣнило, и пришелъ въ свою деревню, и снова сталъ жить по прежнему—пасты стадо коровъ. Такъ пастухъ забавилъ людей отъ «папалайна».

Сообщилъ и перевелъ съ норельскаго языка:

Н. Лысковъ.

Приложение къ Отчету А. Л. Погодина о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. ¹⁾

I.

Шилы Жоранснаго прихода Тельшевскаго уѣзда.

I. ²⁾ Сказка о трехъ дуракахъ.

Bo(u)va 'trys durnėj, turėje anej gyvene(i)mo(u)kã; tap anej tarp savės pradėje kalbėti: «kun mes čе varksma tame gyvene(i)me? mes geriau ejkiam pardavę vandravote(i) į svētã; pe(i)ningus pasedalysma į trys dalis ir ejsma į svētã pavajksčiote(i)». Vejns saka: «kad mes išaeksma, kun mes darysma?» Untrasis saka: «mes nu supe(i)rskma surį ir galesma valgyte(i)»; vo tretinsis saka: «vo je kejtis bus, kun mes darysma?» Tap tas saka, untrasis saka apent: «aš graušo(u), graušo(u) ir tau douso(u)». Untras saka: «graušo(u), graušo(u), tau douso(u)», vo tretinsis saka: «aš graušo(n), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u)», ir nebe — pasake, kad jums douso(u). Tap to(u)do(u) saka: «tap tu mums ne-b-douse(i), nori sugraušte(i) ve(i)šã?» Tap to(u)do(u) jeme anon o(u)žton užmo(u)ša, tap bepale(i)ka do(u); ejna ano(u)do(u) par me(i)škã ir pamate egle voverį. Tap vejnas saka: «vot čе vedo(u)m bus pejta; le(i)pk tu į eglę, sugauk voverį; vo aš ejsio(u) 3) poudelį atse(i)nešte(i), kame norints benegausio 3)

Было три дурака; имѣли они домики; и начали они разговаривать между собою такъ: «чего мы здѣсь будемъ плакать въ этомъ домѣ? пойдете-ка мы лучше, продавши (его), странствовать по свѣту; деньги раздѣлимъ на три части и пойдѣмъ побродить по свѣту». Одинъ сказалъ: «когда мы проголодаемся, что мы сдѣлаемъ?» Второй сказалъ: «ну, мы купимъ сыръ и сможемъ поѣсть», а третій говорить: «а если онъ будетъ твердъ, что мы будемъ дѣлать?» Такъ сказалъ этотъ, второй говорить опять: «я погрызу, погрызу и тебѣ дамъ». Другой говорить: «погрызу, погрызу, тебѣ дамъ», а третій говорить: «я буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть», и не сказалъ, что вамъ дамъ. Тутъ тѣ два говорятъ: «такъ ты намъ уже не дашь, хочешь весь сгрызть?» Взяли его и убили за это, и такъ остались (только) вдвоемъ; идутъ они черезъ лѣсъ и увидѣли на елкѣ бѣлку. Тутъ одинъ говорить: «вотъ тутъ будетъ намъ и обѣдъ; ты лѣзь на елку, поймай бѣлку, а я пойду принести горшочекъ, не добуду-ли гдѣ-нибудь взаимъ?» И добылъ онъ у одного человѣка, а оставшійся

¹⁾ См. «Живая Старина». 1894. Вып. I. стр. 114—119.

²⁾ Въ первыхъ двухъ сказкахъ за диалектическимъ произношеніемъ і и ѳ возстановлено ихъ грамматическое значеніе.

³⁾ Въ родѣ русскаго ѣ: *эйсѣ бенгаусѣ*.

pažičiote(1); ir gava nu vejna žmogaus; vo pale(i)kūsis gaudė voverį ir le(i)pa į eglę gaudite(i) voverėjs. Tap ta voveris iš tos eglis iššoka į ke(i)ta eglį. Tap ons saka sau: «kad tu tokia maža gale(i) šokte(i) į ontrą eglį, juk ir aš galio(u) šokte(i) į ontrą eglį». Kap ons šoka į ontrą eglį ir nukre(i)ta unt žemes ir prise(i)mo(u)ša, g(u)ol vos gyvas. Tas atej-na su poudo(n), saka anam: «sugavá voverį, prise(i)jede ir guli». Tap su poudo to(u)jaus davė į galvą anam ir bepale(i)ka vejnás.

2. Lajmingas strelčius.

Vejnás žmogus de(i)de(i)lį ukatą turėje vakščiote(i) unt medžiokles ir ronds nėka ne liub nušaute(i), ne turėje lajmes, ke(i)te(i) draugaj liub nušaute(i), vo ons nėkumet neko neliub nušaute; vejną kartą mislej sau: «noringas dušę velniuj pardoučio, bi tejk nušaučio, ar šokį, ar tokį paukštį»; to(u)jaus ir velns atse(i)rada: «nu», sak: «atedouk mon dušę, aš tau dou-sio lajmę», ir ons suserokava ont ištejs metu, ir po tus visus metus, kur nušaudis, į vejną pakajo(u)ką to(u)r dete(i) plunksnas ir skuras, ir kap pe(i)lną prides pakajo(u)ką, to(u) kart bengas lajme ir tures atedoute dušę; tep ons ejn vakare pro staldus ir ons atsedukseje dedele, vo mot-riška karves meža tuse stalduse; tep ana išge(i)rdusi ano duksavima išeje ir kłause ano: «ponati», saka, «kas yra Tamsta, kad tap duksauji?» «Nu», sak, «kad aš ir pasakysio, juk munį ne išgelbės iš tos nelajmas». Ana saka: «išgelbesio, tik pasakyk mon, kas yra?» Tap ons saka: «ryto par dvyle(i)ka, velne mona dušę paims»; tap ana saka ponaičiuj: «ar to(u)ri smatas? plunksną visokiu paukščiu ar to(u)ri?» Ons saka: «to(u)ro(u) ve(i)šako.» Tap ana įlinda į smalą, susesmaleje dedele ir potam išsevolaja po visokiu paukščiu plunksnas ir išeje į tyra ir sedos ir ons šaude pauk-

lovilį bėlkū, ir vėlžs na ełkū poimaty bėlkū. Tuty eta bėłka skaknuła sę etoi ełki na drugū. A totę skazaly sebę taly: «koda ty takaya, malenykaya, možeš prygaty na drugū ełkū, taly značity i ja moęu prygnyty na drugū ełkū». Kaly prygnyul onę na drugū ełkū, i upaly na zemly i ubilya, le-žity ełe žyvoį. A etoty pryhodyty sę gorškomy, govyryty emu: «ty poimaly bėłkū, naėlya i ležyšę». I totčasę že daly emu po golovy gorškomy, i taly ostayly odynę

Частливый охотникъ.

Odny čelovyčъ iměl bolšuju strasty chodyt na ohotu, no nikogda, kazyetsya, ničego ne zastyřlivaly, ne iměl sčast'ja; drugie tovaryšči, obyknovenno, zastyřlyaty, onę že nikogda ničego ne zastyřlivaly; odnazdy dumayety onę sebę: «choty dušu čerty prodaly by, tolkyo by zastyřlyty ty-ly, drugū-ly ptycy». Seičas-že našel'sya i čerty: «nu», govyryty, «otdaj myš dušu, ja tebę damę sčast'ija». I onę ugovoryl'sya na gody, skolyko bydetъ nuzhno, i vę prodolženio vsęch vtych lęty oty vsogo, čto onę zastyřlyty, peręa i škury onę dolžen składyvat vę odnu komnatku, i, koda onę nalozhyt polnū komnatu, seičas že okančyvat'sya ego sčastie i onę dolžen bydetъ otdat dušu. Voty idety onę večeromy myno skotnago dvora i silno vzdыхaety, a ženščyna dopla kovyv vę etomy stoľb; voty ona, uslyšavšy ego vzdых, vyšly i spyryla ego: «pannyč», govyryty: «čto sę Vany sčlyčylo, čto ly taly vzdыхает?» «Nu», govyryty onę: «esly ja i skłaju, vse-že ty menya ne vyručyš vę etoi będy». Ona govyryty: «vyručy, tolkyo skłaj myš, čto takoy?» Voty onę govyryty: «zavtra posłę dvęnadcyty čerty vozmyty moę dušu». Voty ona govyryty pannyču: «esť-ly u teby smola i peręa vsyaxkų ptycų?»...

ščius visokius lig dvyly(i)kas dejnos iššaude visus paukščius, kurius bova velne atvaren; tap ons velnas saka: «ne bėra paukščiu; jau rek tava dušę jimti». «Ne», sak, «ne jimste dar mona dušes; dar vejną paukštį to(u)re(i)t atvartyte; tap anej varė vėsokias spasabas; tas paukštis ne ko(u)še(i)nas ejte; velne vesokias spasabas bajda; steš steš, pasestėjbdamės begio aplinkou to paukščio, vo ons ne jot(u)de(i)nas; sėd ir sėd; potam jis su trubeliu sutrubej, kad paukštis to(u)jaus pradeji ejte unt truba balša; kap ons prijaje pri strelčiaus, tap strelčius to(u)jau šava į ton paukštį; tas vejną karta šava, dar ne kre(i)ta paukštis, ir ontrą kartą to(u)jaus šava, to(u)jau paukštis pavirta; velne pribegen už kojas nutvere ir kelno ton paukštį: «och, och, kas tas persmago(u)ms to paukšte»; prišekese vejžeje: «ach, kaktas ta ronas padėje dve».

3. Var. J. 9, 706, 838. Geitler. Lit. Stud. 113. Bezenberger. Lit. Forsch., s. 179.

Na paimitas dėva cudas,
Ane žmoniun blogas budas.
Nėkur nėra tos asabas,
Katra visims pase(i)dabas,
Kožnam douda keļą vardą;
Par ton žmoniun šlovę arda;
Kap dabarčiu, tap visadas
Svėts ne pamet sava madas;
Svėts, kap lape, mok privekte,
Vo privileš grejža ekte;
Ant pabažne pirštas roda,
Styra melštejs jam ne douda;
Nors konegas dejva tarnas.
Nu apkaļbų nėra vainas;
Kursaj prastas, ne mokintas,
Tas nu žmoniun panekintas;
Kas razumnas, tasaj durnas,
Vis apsudej žmoniun burnas.
Katraš redas, tasaj pliuškis;
Kas ne redas, tasaj suskis;
Ne rustybe, ne pakara
Žmoniun burnas ne uždara;
Katraš gera, tas gertuklis,
Kas ne gera, tas šeštuklis;

Не понятное Божье чудо,
Не понятенъ дурной челоувѣческой нравъ:
Нигдѣ нѣтъ такого челоувѣка,
Который правился бы всѣмъ,
Каждому даютъ другое пмя,
А этимъ портятъ славу людей;
Какъ теперь—такъ и всегда
Свѣтъ не бросаетъ своей моды;
Свѣтъ, какъ лиса, можетъ привлечь,
А привлекиши скрежещеть зубами;
На набожнаго показываютъ пальцами,
Не даютъ ему чисто молиться;
Хоть священникъ и слуга Божій,
Отъ наговоровъ не свободенъ и онъ;
Кто прость, не ученъ,
Тотъ людьми унижается;
Кто разуменъ, тотъ золь,
Все обсуждаетъ челоувѣскія рѣчи (уста);
Кто наряжается, тотъ сумасшедшій,
Кто не наряжается, тотъ нищій;
Ни грубость, ни покорность
Не заврываютъ усть челоувѣческихъ;
Кто пьетъ, тотъ пьяница,
Кто не пьетъ, тотъ скупецъ;

Katras turtu tor daugybę,
Saka: ne jo ta gerybe;
Blogas busi, kad kažbesi,
Vo ne tekisi, kad tylesi.
Kad tau svėtas užmės tinklą
Imk kontrybę sau užginklą.
Kur tu, žmogau, pasidėsi,
Kad kontrybes ne turėsi;
Buk tu, Dėve, tėvu mona,
Taves vejna bus mongana.

Кто имѣеть много богатствъ,
Говорять: не его это добро;
Будешь дурень, коли будешь разговаривать,
Но не получишь, если будешь молчать
Если свѣтъ закинетъ на тебя сѣтъ,
Своей защитой возьми терпѣнiе.
Куда ты, человекъ, дѣнешься,
Если не будешь имѣть терпѣнiя?
Будь ты, Боже, моимъ отцемъ,
Тебя одного будетъ мнѣ довольно.

4. Var, L. B. L. 76, 1.

4. 1. Dajnoukit, mergiales,
Kon ne dajnoujat?
Ko vejzet į munį
Rupesningą?
2. Aš toro širdele
Rupesnelį,
Rutelų daržely
Iškadele.
3. Rutelias ne sėtas,
Ne ravėtas,
Ne pintas vajnekas
Ir ne devėtas.
4. Na sėsio rutelių
Ir ne ravėsio,
Nepinsio vajneka
Ir ne devėsio.
5. Pasėsio linelius,
Tus ravėsiu,
Išausio drobėlo,
Ton aš devėsio.
6. Baist mona drobėle
Nu raselių,
Vo mona rankeles
Nu ašarelių.

1. Пойте, дѣвушки!
Почему вы не поете?
Для чего вы смотрите на меня
Озабоченную?
2. У меня въ сердечкѣ есть
Заботушка;
Въ рутовомъ садикѣ
Ивянъ.
3. Рута не сѣяна,
Не полота,
Вънокъ не свить
И не надѣванъ.
4. Не буду я свить руту
И полоть не буду,
Не буду вить вѣнка
И носить не буду.
5. Посѣю я лень,
Его полоть я буду,
Натку полотень,
Ихъ носить я буду.
6. Бѣлится мое полотно
Отъ росы,
А мои ручки
Отъ слезъ.

5. Var. Жив. Стар. 1893 г., IV вып., стр. 527.

1. Išleidau žilį pro langą,
Pats atsisedęs dumojau;
Fodri, fodrá, fodrá la la ¹⁾,
Pats atsisedęs dumojau.
2. Kur leisio berą žirgelį,
Kur pats ejsio nakoute;

1. Я выпустилъ синичку чрезъ окошко
Самъ думалъ, сѣвши;
Фодри, фодра, фодра ла ла,
Самъ сѣвши думалъ:
2. Куда пушу я бурога конечка,
Куда пойду самъ ночевать;

¹⁾ См. припѣвъ L. B. L. 120 faldridi faldra. Этотъ же припѣвъ я слышалъ въ этомъ году (1894 г.) въ одной латышской пѣснѣ. Если я не ошибаюсь, онъ служитъ признакомъ нѣмецкаго происхожденiя мотива.

- Fodfi. fodrá, fodrá la la,
Kur pats ejšie nakoute.
3. Išlejšio žirgą į lonką,
Pats ejšie pri jaunų mergiunų и т. д.
4. Mergiale mona, jaunoje(i),
Ar ne gali, Tamst, prijimte? и т. д.
5. Berneli mona jaunasis,
Aš Tamst(as) negalio prijimte; и т. д.
6. Toro durales girkždantes,
Sverna raktelius skombončius; и т. д.
7. Mergiale mona, jaunoje(i),
Aš Tamstą jimsio mokite; и т. д.
8. Kap riak durales daryte,
Sverna raktelius valdyte; и т. д.
9. Pakiaik duriales nab-girkždes,
Suspansk raktelius na b-skumbęs?... и т. д.
10. Berneli mona jaunasis,
Mokyk tu sava žirgelį; и т. д.
11. Kap keliu begte, rysnote,
Vandenį gerte, slinrpsnote; и т. д.
12. Vandenį gerte, sliurpsnote,
Aviz(ę)jes jeste, rupsnote; и т. д.

6. Čion susirinka turtingas panas;
Anas terp savės kalb roznas kalbas;

Už paselninką' ejt ne norėje,
Už gospadorių kožna ketėje.
Vo kap pasena, paselninks ne b-jam:

Kondel ne eje, kad jauna bova?
Panele saka: pasoga yra.
Kas ta pasoga, kad dontes byra:

Brongis spodničės už nēka yra;
Kad per senomą dontes išbyra;
Perla, karolia kaktą ntraukė,
Kad per senomą kaktą suraukė,
Iau į parėdką važioute gana,
Bet jau tu esi marcava pana...
Telšium povėte daug tokiun yra,

Kad perse nomą neb-gava vyra;
Vo katras girdat, prašom nepikte!

Bet ta dajniuška tejsybe štyra.

Фодри, фодра, фодра ла ла,
Куда пойду самъ вочевать?

3. Коня пушу въ поле,
Самъ пойду вочевать къ юнымъ дѣвнцамъ. и т. д.

4. Дѣвица моя юная,
Не приметъ-ли Вы меня? и т. д.

5. Молодецъ мой юный,
Я не могу Васъ принять; и т. д.

6. У насъ двери скринучія,
Ключи отъ свирни звенящіе; и т. д.

7. Дѣвица моя юная,
Я примусь Васъ учить; и т. д.

8. Какъ нужно двери отворять,
Овладѣть ключниками отъ свирни и т. д.

9. Подними дверь, ве закричѣвши,
Сдани влючники, не зазвѣвши; и т. д.

10. Молодецъ мой юный,
Учи ты своего конька; и т. д.

11. Какъ бѣжать по дорогѣ, рыснить,
Какъ воду пить, тянуть; и т. д.

12. Воду пить, тянуть,
Овесъ ѣсть, грмзть; и т. д.

Здѣсь собрались богатая панны;
Отъ между собою ведутъ разные разговоры;

За поселянина идти не хотѣли;
За хозяина каждая желала.
А какъ состарѣлись, поселянинъ ужъ не беретъ:

Почему ты не шла, когда моладабыла?
Панночка гонорить: приданое есть.
Что тутъ приданое, коли зубы сыпятся.

Дорогія платья ничего не значать,
Если отъ старости зубы сыпятся.

Перлы, коралы шею оттянули,
А отъ старости лобъ стянуло;
Уже на свадьбу ѣздить довольно,
Уже ты старая панна.

Въ Тельшевскомъ уѣздѣ много есть такихъ,

Что отъ старости не достали мужа.
А вы, которыя слышете, пожалуйте,
не сердитесь!

Пѣсенка же эта чистая правда.

7. Aj, mergiale, kon ne šoki,
Ar ne drejsi, ar ne moki?
Kad ir moko, bet ne šoko.
Skaust kojales per kelelius.

Ай, дѣвушка, почему ты не пляшешь?
Боишься-ли или не умѣешь?
Хоть и умѣю, все-жъ не пляшу:
Полять ножки въ колѣняхъ.

8. Var. B. I. B. 97. Iušk. 410

1. Vajkščioji meškele pustyne, pus-
tynė,
Tajsė sau patała lužtvynė, luž-
tvynė.

Toki nesčeste užteka:
Nakty pedas ne užsnėga,
Znoks yra, znoks yra.

2. Eje strelčius ryta nedelios, ne-
delios,
Rades dronsas pedas, duvyjos.
duvyjos.

Taj yra gera gaspadyne,
Kur beteles bečiulava
Petnyčio, petnyčio.

3. Panedele rytą žiniomis, žiniomis;

Apstojios dvarą tylomis, tylomis,
Meška unt patała sedusins ry-
moji,
Aplink strelčių rodą nėka ne
žinoji,

Nėka ne žinoji.

4. Atstumisi patałą.
Pasekajše šaravara,
Ejn keliu, ejn keliu.

5. Išėje mėškele
Čese nepokajaus,
Sateko unt keli
Dedelį razbajų,
Dedelį razbajų.

6. Vejnas šava, ronas dare,
Ontras šava, balša dare...

1. Бродилъ медвѣдь по пустынь, по
пустынь,
Устранвалъ себѣ постель въ хво-
ростѣ, въ хворостѣ.

Такое несчастье случилось:
Ночью слѣдъ не покрылся снѣгомъ,
Знакъ есть, знакъ есть.

2. Идетъ охотникъ въ воскресенье
утромъ,
Встрѣчается ему ясный слѣдъ, ди-
вится онъ.

Вотъ это хорошая хозяйка,
Которая у пчель хозяйничала
Въ пятницу, въ пятницу.

3. Въ понедѣльникъ утромъ, по усло-
вію,
Окружили ея дворъ потихоньку,
Медвѣдица сдѣла на постели спо-
койно,
О совѣтѣ охотниковъ ничего не
знала,

Ничего не знала.

4. Поднялась съ постели,
Натянула шаровары,
Идетъ путемъ-дорогою.

5. Вышла медвѣдица
Во время неспокойное,
Встрѣтила на пути
Большой разбой,
Большой разбой.

6. Одинъ стрѣльнулъ, раны сдѣлалъ,
Другой стрѣльнулъ, она кривнула.

(дальше записать мнѣ не удалось).

9.

Эта пѣсня, какъ мнѣ сказали въ Шилахъ сами пѣвцы, взята изъ Pořangos Iuze Волончевскаго, вообще очень распространенной въ Литвѣ книжки. Варианты къ этой пѣсни (съ разными припѣвами): Pořangos Iuze стр. 10 (другой говоръ, припѣвъ тотъ же), Fort. № 99, Iušk. № 381 (припѣвъ: versum daldúm), K. I. b. № 51 (припѣвъ: he, he, dzium, dzium), Brug. 91 (припѣвъ: ehé, dzium, dzium). Отсутствие этой пѣсни въ сборникахъ пѣсень прусскихъ, литовскихъ и въ сборникахъ раньше 70 года указываетъ,

кажется, на заимствование этой пѣсни изъ книжки Волончевскаго, сюда же она попала, вѣроятно, какъ переводъ русской пѣсенки: «жилъ, былъ у бабушки сѣренькій козликъ».

1. Iššoka voziokas į rutų daržą, Oh vej, oh vej, vej, vej į rutų daržą	1. Выскочилъ козликъ въ рутовый садъ, Охъ вей, охъ вей, вей—въ рутовый садъ.
2. Ej bobote vože varyte и т. д.	2. Идетъ бабушка козлика гнать и т. д.
3. Ne dors voziokas, ne nor klausyte и т. д.	3. Не добръ козликъ, не хочеть слушаться...
4. Pajeme bobote elgą votagą, и т. д.	4. Взяла бабушка длинный кнутъ...
5. Uždrože vozioką par pat oudėgą, и т. д.	5. Ударила козлика по самому хвосту...
6. Išbega voziokas į tyrus laukus, и т. д.	6. Убѣжалъ козликъ въ широкія поля...
7. Eje bobote vože iškote, и т. д.	7. Идетъ бабушка козлика искать ..
8. Sutinka bobote do vilko pelko, и т. д.	8. Встрѣчаетъ бабушка двухъ сѣрыхъ волковъ...
9. Viškele mona, ne matet vozioka mona?...	9. Волки мои, не видѣли-ли козлика моего ..
10. Tava vozele ragele vejne ..	10. Отъ твоего козлика одни рожки...
11. Išejn bobote ragun iškote...	11. Идетъ бабушка рога искать...
12. Atrada bobote do dedžio rago...	12. Нашла бабушка два большіе рога...
13. Parneši bobote tus dedžius ragus...	13. Принесла бабушка тѣ большіе рога...
14. Iš to ragele paderba didį trubą...	14. Изъ того рога сдѣлала большую трубу...
15. Iš to ragele igeje sau gražį rubą...	15. Изъ того рога нашла себѣ славное платье...
16. Iš ontra ragele arkli posnągą...	16. За другой рогъ добыла себѣ лошадиную подкову...
17. Ton pasnągą išmajné molinį poudą...	17. Ту подкову вымѣняла на горшокъ муки...
18. Išvere bobote sau joudą potrą...	18. Сварила бабушка себѣ черной пуръ...
19. Suknle bobote ton molinį poudą.	19. Разбила бабушка мучной горшокъ...

10. Пословицы.

1) Durnas par vesą piivą.	Дуракъ по всему брюху.
2) Atsarga gėdas ne dara.	Осторожность стыда не дѣлаетъ.
3) Kon urednikas pagadys, to ir viskupas ne patajysys.	Что урядникъ испортить, того и епископъ не исправитъ.
4) Deļ geros potros bļogs piivs te sprokst.	Для хорошей пищи хоть лошн дурное брюхо.
5) Dulkę preš vejį ne atpusi.	Пыли противъ вѣтра не отдуешь.

II. М. Лаукава.

1. Вар. I. 35.

1. 1. Tajp toli nuduta,
Tajp toli prazudita, (вм. prazada-
deta?)

Už du šimtu milelu,
Už žaluju girelu.
Arge ana parlektu,
Pas matušį sugrinštu?

2. Leksiu į girelį
Pas margą gegelį
Pazičioti sparnelų
Ir rejbujų pūnksnelų.
3. Lekčiu pas tatušį
Ir lekčiu pas matušį
Ivišnelu sodnelį
Po dajmantu longelį;
4. Tatnšį lingučiu,
Matnšį kukučiu,
Kad migele ne miktu,
Migele ne migotu.
5. Matušį kelnsi,
Langa praverusi,
Kas tenaj do pankšteli,
Kur po rutų darželį?
6. Kelketes, sunele;
Kelketes, jauniye;
Užmušket tun pankštelį,
Kur po rutu darželį.
7. Paŭukėk, matušį,
Paŭukėk, senoji,
Be ne musu sesele,
Be ne musu jaunoji?
8. Ar tad gali buti?
Tajp toli nuduta,
Toli prazudyta;
Arga ena parejtu,
Pas matušį sugrinštu.

1. Такъ далеко отданная,
Такъ далеко погубленная (общан-
ная?),

За двѣ сотни миль,
За зеленые лѣса.
Неужто она прилетѣла бы,
Къ матушкѣ возвратилась бы?

2. Полечу въ лѣсокъ
Къ пестрой кукушкѣ
Взять въ займы крыльевъ
И рабыкъ перышекъ.
3. Полечу къ батюшкѣ
И полечу къ матушкѣ
Въ вишневый садикъ
Подъ алмазное окошечко.
4. Я вликала бы для батюшки,
Куковала бы для матушки,
Чтобы сномъ не спали,
Сномъ не спали.
5. Матушка поднялась,
Окошко открыла.
Что тамъ еще за пташка,
Что въ рутовомъ садикѣ.
6. Вставайте, сыночки,
Вставайте, молодые,
Убейте эту пташку,
Что въ рутовомъ садикѣ.
7. Подожди, матушка,
Подожди, старая,
То не наша-ли сестрица,
То не наша-ли молодая?
8. Можеть ли это быть:
Такъ далеко отдана,
Такъ далеко погублена.
Неужели она пришла бы,
Къ матушкѣ вернулась бы?

2. Var. Isvd. 93, Isvd. 53. I. 1012. Br. L. Br. 21, 8, 1. Bez. 59. Lesk. 69.

1. Marge dvara, marge dvara,
Dejmonta langelej.
Anga sodne žale žara
Raudonas ugelis.
2. Ten ¹⁾ vakščioja, ūlavoja

1. Пестрые двory, пестрые двory,
Алмазные окошечки.
Растутъ въ саду зеленые листья,
Красныя ягоды.
2. Тамъ бродила, гуляла

¹⁾ Собственно, это не *ен*, а *n zomav*.

- Jaunoji panele
Po žalījī sodinēļ,
Po rutū darželj.
3. Aš panele «labā diņā»,
Panele ne žodeli.
Oj panele, oj jaunoji,
Oj ko tajp didzujis?
4. Roda bučiu Tamstas buti,
Kad matuši lejstu!
Matušeles pazadeta,
Kajp parduta bučiu.

- Юная барышня,
По зеленому саду,
По рутовому саду.
3. Я барышня «добрый день»,
Барышня ни словечка.
Ах, барышня, ах юная,
Чего ты так важничаеть?
4. Рада была бы Вашею быть,
Кабы матушка пустила;
Матушкой обещанная,
Я была бы, какь продавая.

3.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсень: варианты ея есть, кажется, въ каждомъ сборникѣ изъ окрестныхъ мѣстностей: см. Isvd. 326, 327, 328, 339, 345: Bez. 37, 46. Br. 3; около Россіенъ этой пѣсни нѣтъ.

1. Oj, sakali, sakaleli,
Tu ankšta lakioji;
Nulekdamas, parlekdamas,
Naujinas nešioji.
2. Ir parneše naujinēļ
Smutnā ir ne gera,
Kad ir mona paniulate
Už kitā išejna.
3. Tegul ajna, tesizina,
Tegul Diēvs padedi.
Uzkinkiket mon zirgelius
Ir aš pats vaziusiu.
4. Kad aš sēdan ī karēta,
Karēta lingava,
Kad vaziavau par vejēļ,
Vejēļi zaliava.
5. Kad vaziavau viškelelu,
Smīteles dulkējē;
Kad užgavau akminēļ,
Ugnelis zibējē.
6. Gale lauka kopličele,
Nauje muravota,
Dar yr muna paninlate,
Dar ne vinčevota.
7. Aju panele par božņučē,
Ponus vitodama;
O mun širdis pusian plišta,
Unt jos ziuredamas.

1. Ахъ, соколъ, соколочекъ,
Ты высоко летаешь;
Прилетая, улетаю,
Ты новости носишь.
2. И принеся новость
Печальную и не добрую,
Что и моя барышня
Выходить за другого.
3. Пусть идетъ, пусть какь себѣ знаетъ.
Пусть ей Богъ поможетъ.
Запрягите мнѣ лошадокъ,
Я и самъ поѣду.
4. Когда я сѣлъ въ карету,
Карета закачалась;
Когда я ѣхалъ по лоцинѣ,
Лощина зеленѣла;
5. Когда я ѣхалъ большой дорогой,
Пыль поднималась;
Когда попадалъ на камень,
Отъ камня искры отскакивали.
6. Въ концѣ поля часовня,
Недавно построенная;
Еще моя барышня
Еще не обвинчана.
7. Идетъ барышня по церкви,
Привѣтствуя господь,
А мое сердце чуть не разрывается,
На нее гляючи.

4. ¹⁾ Var. LB. B. Apē ziūrķē, katrā uz karaliūnaicizio tekējo.

Vina karalēne turēja trys sunus;
apa nedēlios rytmete saka sava su-
nam: «vaziuket ī bažņučā; katras su-

Одна королева имѣла трехъ сыновей;
она въ воскресенье сказала своимъ сы-
новьямъ: «поѣзжайте въ церковь; который

¹⁾ Эта сказка занисана отъ старушки—сестры есендза, слѣдовательно—особы до-
вольно образованной, что и отразилось на ея непостоянномъ соблюденіи діалекта.

nus bažnyčioje atraste poną—unt galvos kvėtką, tą tas pajimk, parvesk sava, ta bus tava pati». Ans pamate laupkoje sedončj bajoratę ir unt anos galvos kvėtką žydėja ir ano akisi pasirode labaj graži; ontras sunus ontro nedelio atėje į bažnyčę, rada nnt bednos mergėlės kvėtką žydončj ir anam labaj patika; parvezė nmo į palotiu ir labaj patika motynaj; tretjas sunus ne rond pačios deļ saves, išeje unkti iš pakajans; sutink varlelę šukujenčią, unt jos varleles galvos didele graži kvėtką žyd ir ons pajemė tą varlelę į pakajų ir padėje nnt žėmes; ir ana palinda po lovos. Ijaja sunus pas motyną ir saka: «turu pačią varlelę». Ta dabar saka motyna: «katra iškėps duną deļ mones iš tun triun marčiu». Iaje tas jaunikatis pri sava varleles: «ak, bėda mona! kas mon duną iškėps». Varlele atsake: «nešk miļtus deļ manis ir vondenį ir medzių, o pats išejkes. Potam nnt rytmeče jejk». Iškęptą duną rada varleles kun gražiausę; bajorės duna ir muzikes ir varleles; motyna prerekusi duną muzikes pakoštavoja: labai skani buva, deļ darbininkų duna labaj gera; bajorės duna ponams ir kunigams valgyt, vo varleles duną karaliu ir popėziu valgyt. Potam pasimyslėja ana motyna ir pasake: «katra iškėps pyragus, ta aš pamatysiu, katra geresni bus»? Visas trys iškėpė; ne vīnos toki pyraga na buva skani, kap varleles. Potam pasimyslėja motyna, kad rejk dute marškines sjuti; potam ijaje jaunikatis tas pri varleles: «ak» saka: «bėda mona, kad nėr kam pasjuti marškinius», vo varlele atsake: «įnešk andimą ir žirkles ir adetą ir noperstką ir siuļus; palik, išejk sav». Unt rytmete fejn: marškinią ant staļo didele graži pasjuta; neše jis motynaj sava parodyt; pajėmė ana bajorates marškinius sjutus, pajėmė muzikes marškinius pasjntus; motyna pavejzėje tus marškinius: muzikes marškines gaspadoriams nešioti, o bajorates ponams ir kunigams gal nešioti, jos darbą, vo varlelės karaliams ir grafams: tarp ana graže pasjuva; dabar motyna

сынъ въ церкви найдеть панну—на головѣ букетъ, ту пусть возьметъ онъ, приведеть себѣ, та будетъ твоей женой». Однѣ замѣтилъ спящую на лавкѣ дворяночку и на ея головѣ букетъ цвѣтовъ и на негоглазъ она показала очень хороша; другой сынъ въ другое воскресенье пришелъ въ церковь, нашель на бѣдной дѣвушкѣ цвѣтушій букетъ, и она ему очень понравилась; привезъ домой во дворецъ, и она очень понравилась матери; третій сынъ не находить жены для себя; вышелъ онъ рано изъ покоевъ; встрѣчаетъ квакующую лягушечку, на головѣ той лягушечки большой красивый букетъ цвѣтеть, и онъ взялъ ту лягушечку въ покой и поставилъ на полъ, и она поползла подъ кровать. Выходить сынъ къ матери и говоритъ: «имѣю жену-лягушечку». Вотъ теперь говорятъ мать: «Которая испечеть хлѣбъ (черный) для меня изъ этихъ трехъ невѣстокъ? Пошелъ тотъ юноша къ своей лягушечкѣ: «ахъ, горе мое! кто имѣ хлѣбъ испечеть»? Лягушечка отвѣтила: «неси муку для меня и воды и дровъ, а самъ выходи. Потому на утро войди». Онъ нашель хлѣбъ, испеченный лягушечкой, самый прекрасный; дворянки хлѣбъ, мужички и лягушечки; мать, разрѣзавши хлѣбъ мужички, попробовала его: онъ былъ очень вкусенъ, для работниковъ хлѣбъ очень хорошій; дворянки хлѣбъ господамъ и всендзамъ кушать, но хлѣбъ лягушечки кушать королю и папѣ. Потому подумала эта мать и сказала: «которая испечеть (бѣлые) хлѣба, такъ я посмотрю, которая лучше будетъ». Всѣ три испекли; ни у одной не былъ такъ вкусенъ хлѣбъ, какъ у лягушечки. Потому подумала мать, что нужно дать рубашки шить; потомъ вошелъ юноша тотъ къ лягушечкѣ: «охъ», говоритъ: «бѣда моя, что некому шить рубашки», но лягушечка отвѣтила: «принеси ткань и ножницы и иглу и наперстокъ и нитокъ; оставь, уходи себѣ»; на утро онъ входитъ: рубашка на столѣ очень хорошо сшитая; онъ понесъ матери своей показать; взяла она дворянкой сшитыя рубашки; взяла рубашки, шитыя мужичкой; посмотрѣла мать на эти рубашки: рубашки мужички крестьянамъ (хозяевамъ) носить, а дворяночки господамъ и

pasimyslēja: «turet dabar, vajkaj mona, važiuty *) i šliubā; ijajē jaunikajtis: «ak», sake: «varlele mona, mona broliajjims šliubā su motriškoms, vo aš ne žinau su kum!»; ana atsake: «uzkinkik šešius arklius i karētā ir munj padēk karētoje ir pats sesk su munim drauge». Antvaziava vesas tryns karētas pri šliuba, sueje ani i bažnyčg; bajorate jim pirma šliubā, vo mužike potam jim šliubā, vo tas jannikajtis saka: «ak, Deve mona, ak, su kum aš šliubā jimsu?» Povejzēs po dešinā rŭkā, pamate didele gražj panā, auksunse pasiredzusia: «as esu pati tava; ejnam šliubā jimti». Ana po šliuba ataja i pusē bažnyčos ir prapule; ty ¹⁾ broliaj jo sēda su sava pačioms i karētā, vo jis važiu su sava varlele; parvaziava numo, jaja i pakajj su sava varlele, palejda jen unt žemes, ana palinda po łovos; vakare velaj: «ak», saka; «varlele mona, mona broliaj su pačioms guls, vo aš su kum gulsu?»—«Užgesik žvakē».—Kap užgese žvakē, tap ana jam pasake: «gulk dabar i łovā» ir jis atsigule i lovā. Ons pamate, kad ana strošne graži pana yra; kap ana užmiga, tap ons išlepa iš łovas, jen palka miktončj; vejzēs ons po łovas, vejzē, kad nug varleles tikt skurele yra. Ons vel įgule i lovā, nēko ne sakē; ir ons užsidagē žvakē ir pamate, kad ana didele graži; kap jis užmiga, tap ana atsikele iš łovas ir vel įlinda i sava skurelę; patam pradēja pasakoti sava motynaj, kad ana graži didele naktj, vo dinā varlele; tap motyna tare, kad palik vakare, kad jejsi gulti, durj ne užrakitā, aš noru pamatyte. Kap motyna pamate, kad dideli gražybe, tada ana lipe pečju grejtaj pakurti; ana pajēme tą skurelę ir mete i pečju, vo motyna vejzedama džiaugēs, kad tajp graži; kap ana atsibude, tap ana išlipa iš łovas, ne rond sava skureles; tap ana sušuka, «ne gera», sake: «padaryta, aš bučiau sunę pagimdžusj, ta aš

ксендзамъ можно носить, ея работу, но (рубашки) лягушечки короляж и графамъ: такъ хорошо она спила; теперь подумала мать: «теперь вы должны, дѣти мои, ѣхать на свадьбу». Вошелъ юноша: «ахъ», сказалъ онъ: «лягушечка моя, мои братья примуть обрученіе съ женщинами, а я не знаю съ кѣмъ». Она отвѣтила: «запряги шесть лошадей въ карету и положи меня въ карету и самъ садись со мною вѣстѣ». Приѣхали всѣ три кареты на свадьбу, сошли они въ церковь; дворяночка принимаетъ первая обрученіе, мужичка потомъ принимаетъ обрученіе, а этотъ юноша говорить: «ахъ, Боже мой, ахъ, съ кѣмъ я приму обрученіе». Взглянувши по правую руку, онъ увидѣлъ очень красивую панну, разряженную въ золото: «я жена твоя, пойдемъ принимать обрученіе». Послѣ свадьбы она отошла въ сторону и пропала; эти братья его сѣли со своими женами въ карету, а онъ ѣдетъ со своей лягушечкой; приѣхалъ домой, вошелъ въ покои со своей лягушечкой, опустилъ ее на полъ, она поползла подъ кровать; поздно вечеромъ онъ говоритъ: «ахъ, лягушечка моя, мои братья съ женами лягутъ, а я съ кѣмъ лягу?»—«Погаси свѣчу!»—Когда онъ погасилъ свѣчу, то она ему сказала: «ложись теперь въ постель», и онъ легъ въ постель. Онъ увидѣлъ, что она страшно красивая панна; какъ она уснула, такъ онъ всталъ съ постели, оставилъ ее спящей; посмотрѣвши подъ кровать, онъ увидѣлъ, что отъ лягушечки только шкурка. Онъ снова легъ въ постель, ничего не сказалъ; и онъ зажегъ свѣчу и увидѣлъ, что она очень красива; когда онъ заснулъ, то она встала съ постели и снова влѣзла въ свою шкурку; потомъ началъ онъ рассказывать своей матери, что она очень красива ночью, днемъ же лягушечка; такъ мать сказала, что оставь вечеромъ, когда пойдешь спать дверь не запертой на ключъ, я хочу посмотрѣть. Когда мать увидѣла, что красота велика, то она велѣла посморѣ затопить печь; она взяла ту шкурку и бросила въ

¹⁾ Почти, какъ русское ж.

bučian palikusi išganyta; vo dabar ejnu į gires ješkoti sava vytas». Išda-
že longą ir išleke par longą ir nn-
leke, kap paukštis, į girę. Ir ana ra-
da mažą trobelį ir ana tyn (=tū)
palika, palika apkaustyta su gelžinajs
lunkajs. Eja tas jaunikajtis verkdams
jos ješkoti ir atrada trobelį ir seną
bobelę ir paklausę: «matušate, ar ne
atlėkė kokia panele?» Atsake ta bobele:
«yra, kamaroje, terp gelžinų lun-
ku; aš atdarysiu komaras durys», ir
išejna pana jauna terp gelžinun lun-
kun, ir ons kļause tos senos bobele:
«kun aš turu dabar daryte?»
Ana jam pasake: «storokis duti 1)
jaj į ausį, vo kap sudusi į ausi, ty
(=ty) nubers ty lunkaj, paliks ana
grazi motriška, ir puls unt taves,
apsikabins unt kakla, ir ana pradės
bučiuote mejlingaj, iš to didele džiau-
sma pradės verkti». Ejna potam sa-
sikebė, ejna numo; pareje numo. Mo-
tyna pamačusi anus, iš to džiauksmo
verkti pradėja; ir ejn par sodną, ir
rond naują palotių: ten (=tū) bu-
va užkejkta jauna panele; kap anudu
pareja į sava palotių, rond visus
skarbus ne apsakitus, linksme buva
kampanija, vesele, susirinkima iš to
džiauksma, linksmybes didelias.

печь, мать же смотря радовалась, что
она такъ хороша; когда она проснулась,
то она встала съ постели, не находить
своей шкурки; такъ она заквакала: «не
ладно», сказала она: «сдѣлано, я ро-
дила бы сына, тогда я была бы сна-
сена; теперь же иду въ лѣса искать се-
бѣ жѣста». Выломала окно и вылетѣла
черезъ окно и улетѣла, какъ птица, въ
лѣсъ. И она нашла маленькую избушку
и она тамъ осталась, осталась тамъ
обложена желѣзными листами. Пошелъ тотъ
юноша, плача, искать ее и нашелъ из-
бушку и старую старушку и спросилъ:
«матушка, не прилетѣла-ли сюда какая
барышня». Отвѣтила та старушка: «есть,
въ комнатѣ, между желѣзныхъ листовъ, я
отворю двери комнаты», и выходитъ
панна молодая между желѣзныхъ листовъ,
и онъ спросилъ у той старой старушки:
«Что я теперь долженъ дѣлать»? Она
ему сказала: «постарайся дунуть ей въ
ухо, и, какъ дунешь въ ухо, то осы-
пятся тѣ листы, станеть она красивая
женщина, и прильнетъ къ тебѣ, повѣ-
сится у тебя на шею и начнетъ цѣло-
вать тебя ласково, и съ той великой
радости начнетъ плакать». Потомъ идуть
они обнявшись, идуть домой; пришли до-
мой. Мать, увидѣвши ихъ, съ этой радо-
сти плавать привалась; и идуть они че-
резъ усадьбу, и находятъ новый дворець:
тамъ была проклятая юная барышня; какъ
приходятъ они въ свой дворець, находятъ
всюду богатство несказанное, радостное
было общество, свадьба, собранія съ той
радости, великія празднества.

III. Хвейданы.

(Первыя 4 пѣсни записаны отъ лица происхожденіемъ изъ Хвейданъ, но жи-
вущаго теперъ и заимствовавшаго нѣкоторыя черты Салантскаго діалекта).

1. Pasakyk mon, skajsti rože,
Bene pine Tamstą prauštą
Kas dinelę, kas adyną,
Kas tajp gražej užaugena?
Pasakyk mon, lelijele,
Ar anjołas, ar panele?

1. Расскажи мнѣ, прекрасная роза,
Не плели ли тебя омываемую
Каждый день, каждый часъ,
Что такъ прекрасно взростили тебя.
Скажи мнѣ, лилейка,
Ангель-ли ты или дѣвушка?

1) duti (адѣсь не=dūti, дать) изъ русскаго дуть.

2. Ak, strelčiukaj, kliste, kliste,

Arge munes ne pažinste?
Aš mergele ir mon doje
Ir broliukaj, kajp er tu;
Iejgi munes nesebajda,
Dukes prilejst lupoms vejda.

3. Iejgi nori ženklą jimte,
Imk kvėtkelį ant paminklą.

Iej lankysi tėva dvarą
Rudenelę ir vasarą;
Iej sutiksi su jo vale,
Pas mon ronką gautė gali.

2. Ахъ, охотничекъ, ошибьешься, оши-
- бьешься,

Неужели ты меня не узнаешь?
Я двѣнца и у меня двое
Есть братцевъ такихъ, какъ и ты;
Если ты меня не боишься,
Дай прикоснуться губами къ лицу.

3. Если хочешь получить званъ,
Возьми букетикъ на память,
Если будешь посѣщать отцовскій домъ
Осенью и лѣтомъ,
Если согласишься съ его волей,
Можешь получить мою руку.

2. Вар. I. 1517.

1. Ak tu Dėve brangus,
Kon dabar darysiu?
Rupesninga širdes mona,
Kum aš patėšysiu?

2. Ne turiu tetuše,
Ane matušeles,
Ne brolele, ne seseles,
Su kum pakalbete.

3. Ani pavyduklej
Visi skersi žiura,
Kad pamate monį jauną,
Su berneliu kalbant.

4. Žad mane karote,
Ugnej sudeginte,
Ar vandenej nuskindinte,
Nug Tamstas atskerte.

5. Berneli jaunasis,
Onzule žaliasis,
Musent mongs neatmesi,
Kitos ne be vesi?

6. Mergeli jaunoji,
Rutele žalioji
Iuk vedous nėks nebatskirs,
Kajp juda žemele.

7. Ejsma į bažnyčę,
Dėva avenyčę,
Ir prijimsma šventą šliubą
Ir blagoslovenstvą.

8. Išejn kunigeles,
Dėva avyneles.
Suriš vedaus baitas ronkas,
Sukejs auksa židus.

9. Gista volungeli
Ant aukšta kalnele;
Kur gejdoje volungelė
Devynejs balselejs.

1. Ахъ ты Господи дорогой,
Что мнѣ теперь дѣлать?
Озабочено сердце мое,
Чѣмъ я его утѣшу?

2. Не имѣю ни батюшки,
Ни матушки,
Ни брата, ни сестрицы,
Съ кѣмъ бы поговорить.

3. Они изъ зависти
Всѣ смотрять косо,
Когда увидѣли, какъ я юная
Съ молодецкѣмъ говорила:

4. Хотятъ меня наказатъ,
Въ огнѣ сжечь,
Въ водѣ утопить,
Отъ Васъ отлучить.

5. Молодецъ юный,
Дубъ зеленый,
Можетъ, меня не бросишь,
На другой не женишься?

6. Дѣвица молодая,
Рута зеленая,
Ужъ насъ никто не разлучить,
Кромѣ черной земли.

7. Пойдемъ въ церковь,
Божью овчарню,
Примемъ святое обрученіе
И благослоvenіе.

8. Выходить ксендзъ,
Божій пастыръ (овечій),
Свяжетъ намъ бѣлыя руки,
Обмѣняетъ золотыя кольца.

9. Поетъ иволга
На высокой горѣ;
Вотъ гдѣ пѣла иволга
Девятью голосами.

10. Ne volunges balsas,
Ne geres paukšteles,
Tiktaj mona matušeles
Mejlingi žodelej.

10. То не вполги голосъ,
Не голосъ лѣсной пташки,
То моей матушки
Милыя словечки.

3. Var. Br. L. Br. 6 и много другихъ. Эта пѣсня сплавъ изъ отдѣльныхъ распространенныхъ пѣсенокъ, какъ и всѣ хвѣдданскія пѣсни.

1. Ant kalno glusnis,
Po glusne vando.
Ten vajkščioje paniulajte
Po menesina.
2. Bajors pri vandens,
Pana nu vandens.
Paŭkeke, graže pana,
Dok žirguj vandens.
3. Ne galiu luket,
Nej ilgaj stovet,
Šalta rasa, o aš basa
Pašalau kojas.
4. Pajimk ploščelu,
Pridengk kojeles,
Kad žinočiau mana busi,
Perkčiau kurpeles.
5. Ne pirk deŭ monęs,
Pirk deŭ saves.
Aš turiu matušelę,
Nuperks deŭ monęs.
6. Mergeli jauna,
Ar busi mona?
Gana Tamstaj mile bučiau,
Ne moku darba.
7. Turiu bizuną
Išmoksi darba,
Vo ši žalę berža rykšte
Onkstin pabudins.
8. Turi bizuną
Deŭ bėrą žirga,
Vo ši žalę berža rykštę
Deŭ Tamstos patys.
9. Aš ir myslėjau,
Kad tu panele;
Kajp pavejziu į akeles,
Pajudakele.
10. Aš ir myslėjau,
Kad tu didis pons;
Kajp pavejziu i vejdelį,
Patsaj cigons.

1. На горѣ ива,
Подъ нвоей вода,
Тамъ гуляла барышня
При мѣсячномъ свѣтѣ.
2. Дворянинъ къ водѣ,
Панна отъ воды,
Подожди, прекрасная панна,
Дай коню воды.
3. Не могу ждаты,
Долго стоять,
Холодна роса, а я боса,
Обморозила ноги.
4. Возьми плащъ,
Покрой ножки,
Кабы зналъ, что ты моей будешь,
Купилъ бы башмачки.
5. Не покупай для меня,
Покупай для себя.
Я имѣю матушку,
Купить для меня.
6. Дѣвушка юная,
Будешь ли моей?
Довольно была бы я мила Вамъ,
Не умѣю работать.
7. Имѣю кнутъ,
Выучишься работать,
А эта зеленая березовая розга
Рано разбудить.
8. Имѣешь кнутъ
Для бурога коня,
А эту зеленую березовую розгу
Для себя самого.
9. А я-то думалъ,
Что ты барышня;
Какъ посмотрю въ глаза:
Черноглазочка.
10. А я-то думала,
Что ты великій панъ;
Какъ посмотрю въ лице:
Самый цыганъ.

4. Var. Br. L. Br. 83, 84. 85. L. 573. L. Svd. 873, 776, 1014. L. 1556.

1. Šen naktelį, par naktelį,
Miga ne migojau:

1. Эту ночь, цѣлую ночь,
Сномъ не засыпалъ я,

Žalioj lankoj par naktelį
Žirgelius dabojau.

2. Užmigau, užmigau
Mažą valondelę;
Išgirdau, išgirdau
Didžį naujinelę;
3. Močiukele raganele,
Mones ne kensdama,
Užrytena akminelį
Už svirna durelę;
4. Užrakina svirna durys
Su auksa raktelu.
Ir atjoje jauns bernelis
Iš svečios šaleles;
5. Atriteną akmenelį
Nu svirna durele,
Atrakena svirna durys
Su auksa rakteliu.
6. Tepket durys saldžiu vynu,
Kad ir ne girkždetu,
Kad ir mona paniulajte
Saldę išmegotu.
7. Sjuket, šaučej, čeverykus
Žemums užkulnelems,
Kad ir mona paniulajte
Lengvej vaikščinetu.
8. Šluket, panas, naujems šlutoms,

Kad ir ne dužketu,
Kad ir mona paniulajte
Bašta vaikščinetu.

1. Po sodnelį vaikščiodamas,
Pamačiau bitelį.
Tujau, sedaus už stalelį,
Pajėmęs plunksnelį,
2. Padėk, Dėvė, geraj aprašyt:
Kad galečiau skajtydamas
Geraj išmanyt ¹⁾.
3. Pasiremęs ont ronkelių,
Pro longą žiurejau! ²⁾
Apė bitis mysledamas,
Tejp savej kaibėjau:
4. Daug matyte yr unt pivas
Žoliun ir biteliu;

Въ зеленомъ полѣ пѣлую ночку
Я сторожилъ коней.

2. Заснулъ, заснулъ
На малую минутку,
Услышалъ, услышалъ
Великую новость:
3. Мачиха—вѣдьма,
Не терпя меня,
Прикатила камень
Бѣ двери свѣтлицы;
4. Заперла дверь свѣтлицы
Золотымъ ключикомъ.
И прѣехалъ юный молодець
Изъ чужой сторонки.
5. Откатилъ камень
Отъ двери свѣтлицы,
Отворилъ дверь свѣтлицы
Золотымъ ключикомъ.
6. Намажьте двери сладкимъ виномъ,
Чтобы онѣ не скрипѣли,
Чтобы моя барышня
Сладко высыпалась.
7. Шейте, башмачники, башмачки
Съ низкими подошвами,
Чтобы и моя барышня
Легко гуляла.
8. Метите, госпожи, новыми вѣн-
ками,
Чтобы не шло,
Чтобы моя барышня
Вѣлая гуляла.

1. По усадьбѣ гуляя,
Я замѣтилъ пчелку;
Тотчасъ же сѣлъ за столикъ
И взялъ перо.
2. Помоги, Боже, хорошо описатьъ:
Чтобы я могъ читать
Хорошо понять.
3. Опершись на ручку,
Я смотрѣлъ черезъ окошко,
Думая о пчелкѣ,
Такъ говорилъ себѣ:
4. Много можно видѣть на луку
Травъ и пчелъ;

¹⁾ Кажется, испорченная строфа.

²⁾ Интересно, какъ въ эту пѣсню, несомнѣнно, искусственного польскаго происхожденія вставлено совершенно народное двустишие.

Néks na žena, kajp sutajsa

Medų ir korelių.

5. Na suskajta néks unt dongaus
Žibončių žvajzdely,
Vo bitele, tu slavnioji,
Kajp tu pracevoji.
6. Priliginta tava proca,
Už auksa brongesnė,
Rožnas ugas, konfeturas
Medu formavoja;
7. Kad kas vaŭga tava medų,
Kožnas mėnavoja;
Kad kas miršta iš krikščionų,
Uždega gromyčę,
8. Ta dušele tur patėką
Iš numenių bečių
Ir božnyčo ¹⁾
Deg vaška žvakeles;
9. Atiduda dėvuj garbą
Ta maža bitele;
Ir kraučistes ne gal sjute
Siula ne vaškavęs.
10. Kad kas duda vaška biški,
Prijam pabučiavęs,
Dabar biteninki ne buk skupa ²⁾,
Atmink 'susedelas.
11. Nusjunska medous sklenyčelę
Kučiun vakarelj.
Ton sądybę vaŭgydame
Neb mėnavos bėdų,
Dėkavosma Ponuj Dėvuj:
Suļaukėm Kalėdų.

6. Žmogus ne bagots išeje į gerę medzių kerst ir išsineše dunos abraikioką ir pasidejes ont kelma: budelis atejės ir atėmes ton duna; ir ons pareje į peklą ir ano ne-be-prijėm į peklą, kad bėdna žmogous atėme duna; anon vare užderbti; ons ateje pri to žmogous ir sake atejės: «prijimk munj, aš padėsiu derbt». Žmogus atsake anam: «aš pats mažą turu, kun derbte; kun aš dusu tavej darba?» Tas budelis sake anam: «če yra tokias pekkes pona girio, prašysma ano, gal jis

Никто не знает, как онъ составляютъ

Медъ и соты.

5. Не сосчитаетъ никто на небѣ
Влестящихъ звѣздъ;
Ты же славная пчелка,
Какъ ты трудишься.
6. Равна твоя работа,
Даже дороже золота:
Разныя ягоды, варенья
Медомъ формируются;
7. Кто только ѣстъ твоей медъ,
Каждый поминаетъ (тебя);
Когда кто умираетъ изъ христіанъ,
Зажигаютъ свѣчку;
8. Та душа имѣетъ утѣшеніе
Отъ домашнихъ пчелъ,
И въ церкви
Горятъ восковыя свѣчи;
9. Воздаетъ Богу славу
Та малая пчелка;
И портной не можетъ шить,
Не навошивши нитки.
10. Когда кто даетъ кусочекъ воска,
Принимая, цѣлуются;
Теперь, пчельница, не будь скупа,
Вспомни о сосѣдкахъ
11. Пошли ставанчикъ меда
Въ вечеръ свяжокъ.
Кущая эту сладость,
Не будутъ помнить горя;
Поблагодаримъ Господа Бога:
Дождалися Коляды.

Небогатый человекъ пошелъ въ лѣсъ дрова рубить и понесъ съ собой порцію хлѣба и положилъ на пень; чертенокъ пришелъ и отнял тотъ хлѣбъ, и пришелъ онъ въ адъ, но его не принимаютъ въ адъ за то, что онъ отнял хлѣбъ у бѣднаго человекъ; гонять его заработать ему; онъ пришелъ къ тому человеку и сказалъ приди: «прими меня, я помогу работать». Человекъ сказалъ ему: «Я самъ мало имѣю, что работать; какую дамъ я тебѣ работу?» Тотъ чертенокъ сказалъ ему: «есть здѣсь у пана

¹⁾ Повидимому, несовершенная строфа.
²⁾ Вѣроятно, испорченная строфа.

pazvalys mums ten išplešte, dervą padaryte, ir įsesma rugius». — «Nu, gera!» ir susigadeje unt to; tas žmogus saka: «Įaj, bus tap, aš asu pri pona, prašysu tos peikes; ja pons pazvalys mums, ta mas darbusmos ten»; tas žmogus nuejė pri pona ir praše: «ponali, pazvalyk mune tame šmote pasiderbte dervos šmotelį, kad galečiu įseti ten jabkon». Nu, pons pazvalyj ir myslėje pons, kad na gales jis ten nėko padaryte. Parėje tas žmogus numin ir atrada ton budelį tenaj, sava numuse, ta-b-laukont; saka budelis dabar: «kun girdeja naujiną pri pona»? Zmogus atsake anam: «pazvalyje pons; jaj tiktaj galesma mas ten kun gera padaryte?» Budelis atsake: «na rupinkis: kad mas derbsma, ta ir bus gera»; ir išeje anudu į ton gerę; rove tas budelis cėfus medžius ir išderba jis ten laba šmotą dervas; įseje anudu ten rugiun šmotą ir užauga laba puiki ruge; jau tam ponu pradeje anam pavids jimty (—ūимты), ir nab-zvalej tun rugiun be-atimti; pons pats pasjunte sava šamyną ir soveže tus rugius į dvarą ir prideje dedeli daržene; tas žmogus su tu budelu laba gales anudu sava protis ¹⁾ Tas budelis saka tam žmogu: «paľauk biškį, aš dar ašu pri pona ir prašysu, kad mune pazvalytu bent viną naštą tun rugiun parsinešti; ta(s) žmogus atsake tam budeliu: «nu gera, ak taęi pri pona; jaj išprašyset, bus mums dar gera». Nueje budelis pri pona ir praše pona: «ponali, mas tap sunke pracevojom, ba-kol mas įsejom tus rugius, vo dabar atene nu musu; pazvalyk dabar mumis bent viną naštelį parsinešty (—парсишесты); pons atsake: «neškis, kik pats paneši!» Parėje budelis pri sava žmogaus ir sake: «nu, perk kanapju bent dešimtį štukelų, vo aš vysu-t vervę ir asut pri pona parnešte tun rugiun». Nuperka dešimt štukelus kanapju ir suveje į

vъ лѣсу такіа болотца, попросиѣ ихъ у него; можетъ, онъ и позволѣтъ намъ ихъ выкортомнѣть, сдѣлать пашню, и посѣемъ мы рожь». — «Ну, ладно!» и стоворились на томъ; этотъ человекъ говоритъ: «ладно, будь такъ, я пойду къ пану, попрошу то болотце; если панъ позволитъ намъ, будемъ тамъ работать». Этотъ человекъ пришелъ къ пану и просилъ: «панъ, позволъ мнѣ на томъ кускѣ сдѣлать кусочекъ пашни, чтобы я могъ посѣять тамъ что-нибудь. Ну, панъ позволяетъ и думалъ панъ, что не сможетъ онъ тамъ ничего сдѣлать. Пришелъ тотъ человекъ домой и нашелъ того чертенка тамъ, въ своемъ домѣ, въ ожиданіи; говорить чертенокъ теперь: какую онъ слышалъ новость у пана? Человекъ отвѣтилъ ему: «позволилъ панъ; если только сможемъ мы тамъ что-нибудь доброе сдѣлать?» Отвѣтилъ чертенокъ: «не безпокойся: что мы сдѣлаемъ, то и будетъ хорошо», и вышли они въ тотъ лѣсъ; этотъ чертенокъ вырывалъ цѣлыя деревья и разработалъ онъ тамъ очень много пашни, посѣяли они тамъ много ржи и выросли очень хорошія ржи; уже начала того пана зависть разбирать, и ужъ онъ не позволяетъ взять тѣ ржи; самъ панъ послалъ своихъ работниковъ и свезъ тѣ ржи въ свой дворъ и наложилъ большой сарай; тотъ человекъ съ этимъ чертенкомъ очень жалѣли своего труда. Этотъ чертенокъ говорить тому человеку: «погоди немного, я еще пойду къ пану и попрошу, чтобы онъ позволилъ хоть одно бремя тѣхъ ржей принести»; тогда тотъ человекъ отвѣтилъ этому чертенку: «ну, ладно, иди царь къ пану; если вы выпросите, еще будетъ намъ хорошо». Пошелъ чертенокъ къ пану и просилъ пана: «панъ, мы такъ тяжело трудимся, пока мы засѣяли эти ржи, а ты теперь отнялъ отъ насъ; позволъ же намъ хоть одно бремя принести». Панъ отвѣтилъ: «неси сколько самъ снесешь!» Пришелъ чертенокъ къ своему человеку и сказалъ: «ну, покупай хоть де-

¹⁾ Вм. процес. Разказачица, неграмотная молодая швея, очень старалась соблюдать все отъѣнки мѣстнаго говора и нѣсколько разъ указывала, что у нихъ говорить именню такъ; ни русскаго, ни польскаго языка она не знаетъ.

viną vervę in nueje tas budelis parneštie tun rugiun; jis pasetise į žardyną ton vervę ir sudėje visus rugius iš tos daržynes, ir atnešens į numus to žmogaus; pamates pons ne imana, kon daryte, kad jau vesą daržynę rugiun išneše. Pons tureje labai badončius do jaučiu; kur na kas ta galėje pri anun priete; lipe paleste tus jaučius, kad anon subadytom. Ti jaute aje labai baubdamis pri to žmogaus; pons myslyje, kad anon subadys unt vytas, ti jaute prieje pri ano, uns pajeme tus jaučius ir uždeje unt tos sava naštas ir pareje pri to žmogous nešens tus visus rugius ir do jaučius ir sake: «žmogau, ar uždirbau aš tau už ton dunas abrakioka, kur aš tava pajėmiau, kur buvo girio pasidejes». «Žmogus atsake: «kik ten ta bovo mona tos dunas maža, aš na galu tik dang nu tavęs prijimite»; tas budelis atsake: «na rupinkis, aš buvau iš peklās išvairyts dėl uždirbima tos dunas; kada jau busit kontens mona užderbema, tada aš galėsu-t vel pargrinšte, kur bovis». Žmogus pasakė: «mona na buvo tik verta, vo kad munim tik atedude, aš prijėmu». Budelis pasake: «nu gera, su Divu; palėk dabar nu munes spakajnis ir aš nu taves ir grinšu dabar į peklą», ir tap pasakęs ir išėje nu to žmogaus.

сять штукъ конопли, а я совью веревку и пойду къ пану принести тѣ ржи». Купили десять штукъ конопли и свили въ одну веревку и ушелъ тотъ чертенокъ принести тѣ ржи; онъ растянулъ у жердей ту веревку и сложилъ на нее всю рожь изъ сарая и принесъ въ домъ этого человѣка; панъ, увидѣвши это, не зналъ, что дѣлать, такъ какъ онъ вынесъ уже всю загородъ ржей. Имѣлъ панъ двухъ очень бодливыхъ быковъ, такъ что никто не могъ къ нимъ приблизиться; велѣлъ онъ отпустить тѣхъ быковъ, чтобы они его забодали. Тѣ быки пошли, очень сильно мыча, къ тому человѣку; панъ думалъ, что они его забодаютъ на мѣстѣ, но тѣ быки подошли къ нему, онъ же взялъ ихъ и положилъ на свое бремя и пришелъ къ тому человѣку, неся всѣ тѣ ржи и двухъ быковъ, и сказалъ: «человѣкъ, заработалъ-ли я тебѣ за ту порцію хлѣба, что я взялъ у тебя, когда ты положилъ ее въ лѣсу». Человѣкъ отвѣтилъ: «сколько тамъ было-то хлѣба моего, мало было: я не могу такъ много отъ тебя принять». Тотъ чертенокъ отвѣтилъ: «не безпокойся: я былъ, выгнанъ изъ ада, чтобы заработать тебѣ за хлѣбъ; если вы уже довольны моимъ заработкомъ, то я могу снова вернуться, гдѣ былъ». Человѣкъ сказалъ: «мое столько не стоило, но если ты мнѣ столько отдаешь, я принимаю». Чертенокъ сказалъ: «ну, ладно, съ Богомъ! Теперь я тебя оставлю въ поковъ, и ты меня, и вернусь я теперь въ адъ». И такъ сказавши, ушелъ отъ того человѣка.

IV. Везержени.

1. Leki vanagas į pakalnėlę,
Toje pakalne tek srovni ore;

Toje upele suk verpeteles,
Tame verpete rutų krasele,
2. Toje kraseli sėd jauna mergele,

Galvą šukava ir aduksava.
Nėr mon matušes, krajtela klote,

1. Летить ястребъ въ подгорье,
Въ томъ подгорьѣ течеть быстрая
рѣка;
Въ той рѣкѣ вертится водоворотъ,
Въ томъ водоворотѣ рутовый стулъ,
2. На томъ стулѣ сидитъ юная дѣ-
вица,
Голову причесываетъ и вздыхаетъ:
Нѣтъ у меня матушки приданое
собрать,

- Nēr mon tetusē dalele doute,
3. Nēr mon brolele barveļę pirkte,
Nēr mon seseles vajneka pinte.

Saule unt dungaus krajtela
kloti,

Švejsus meneselis daleļę doute.

4. Aug sodne klevelis
Barvele pirkte,
Svejsa žvajzdele
Vajneka pinte.

- Нѣтъ у меня батюшки долю дать,
3. Нѣтъ у меня брата краски купить
Нѣтъ у меня сестрицы вѣнокъ
свить;

Солнце на небѣ—приданое собрать,

Свѣтлый мѣсяць—долю дать,

4. Растетъ въ саду клеючекъ—
Краски купить,
Свѣтлая звѣздочка—
Вѣнокъ свить.

2. Вар. I. 139.

1. Ak tu, Dēvē brongus,
Kajp tu myli cnata,
Kureje užajka
Panystes čistatā.
2. Nēs nekaļtybē
Dēvas pamylejē;
Vajneka garbes
Ķe kaļtims žadeja.
3. Nejoke cnata—
Nēr tejp skajstej balta,
Kajp nekaļtybe,
Ir donguj išķēta.
4. Žyd terp aniuļ
Kajp žvajzde švejsybes,
Mejlinga Dēvuj
Sava nekaļtybe.
5. Rojaus kvēkele
Ir panystes stonas,
Lenksmaj gydoj
Akevejzdo pona.
6. Turesi donguj
Aniuļu draugystē,
Kurēj užajka
Skajščiausē panystē.
7. Žemčingajs brangejs
Aprēdys jo kuņā,
Svejs jam ant galvos

žvajzdetā karuna.

8. Tiktaj milēkiam
Tan Dēveškā cnatā,
Ien užajkite
Turekiam akatā.
9. Gausi negradā,
Donguj apturesma,
Vejdā, vejdā ir vejdā
Ten Dēva regesma.

1. Ахъ ты Боже дорогой,
Какъ ты любишь добродѣтель,
Тѣхъ, которые сохранили
Чистоту дѣвственности,
2. Ибо непорочность
Богъ полюбилъ,
Вѣнокъ славы
Непорочнымъ общалъ.
3. Никакая добродѣтель
Не была такъ прекрасна,
Какъ непорочность,
Поднятая и на небеса.
4. Цвѣтеть среди ангеловъ,
Какъ звѣзда свѣтлости,
Милая Богу
Своей непорочностью.
5. Райскій цвѣтъ
Состояние дѣвственности,
Радостно постъ
Въ присутствіи Бога.
6. Тѣ будутъ имѣть на небесахъ
Ангельское общество,
Которые выдержали
Чистѣйшую дѣвственность.
7. Дорогими жемчугами
Украшать тѣло такого,
Будеть у него блестятъ на го-
ловѣ

Звѣздная корона.

8. Будемъ только любить
Эту Божескую добродѣтель,
Будемъ имѣть желаніе
Сохранить ее.
9. Ты получишь награду:
Мы будемъ ее имѣть на небѣ!
Ликъ, ликъ, ликъ
Божій мы тамъ узримъ.

¹⁾ Это слово, какъ все содержаніе пѣсни, указываетъ на ея книжный источникъ; однако въ Кантчиккахъ этой пѣсни нѣтъ

3. Var. В. 1. Жив. Стар. 1893. IV, 524. Совершенно тождественная послѣдней пѣсни находится также въ сборникѣ Станевича.

Var brolelį i vajska jote,
Vejna sesele žerga bañoja,
Ontra sesele broli gaudoja,

Vo ši trečioji visų mažoji
Vartus atkele ir palydeje;
Jok, jok, broleli,
Jok, bañandeli;
Kada prijosi
Rajtun puķelį?
Jote prijosiu
Ginte prigisu,
Dėvas be-žina,
Arba sugrišu.

Гонять брата въ войско ѣхать,
Одна сестрица коня сѣдлаеть,
Другая сестрица брата оплаки-
ваеть,

А третья, самая младшая,
Ворота подняла и провожала его;
Поѣзжай, поѣзжай, братецъ,
Поѣзжай, голубчикъ;
Когда прїѣдешь
Въ полкъ конниковъ?
Ѣхать прїѣду,
Защигить щашцу,
Богъ только знаетъ,
Вернусь ли.

4. Vejname dvare nėks ne ga-
leje ete: badykles vakšėioje. Vejns
klėriks pakelevis vaižoudamas užva-
ziava pas tun ponu; anej buva išsidon-
geni na tolej į keta botą. ir ons
prašes į nakvyne, kad prijimtu; ir
sake pona, kad na toriam, kon pa-
guldyte ton pakelevį ir patys dabar
tikta vejtas maž toriam, naļajmė
musu dvare — badykles vakšėio,
na-b-galiam ten ba-bute; ons saka:
«leskit muni, aš ten nakosu» ir nu-
vede sluga, įleda anon į stoncyja;
ons tureje su savem gromyčes
žvakę ir kningas; užsidegęs žvakę,
skate kningas lig pat vejnioliktas
adynas; vejniolikto adyno pradeje
bañsaj žvongejemų aplink palociu ir
vesap bañdytejs ir tujaus pradeje ar-
tejs stoncyjas ete ir tujaus atdarė
durys ir įejeį stoncyją bjaurio asabo ne
žmogaus, ne gyvole ir lenciuga pas-
kou viķkos; ateje pri to klėrika pri
ontra staļa gaļa ir stojos, vo ons
nusegondes na-b-skate knįngu, tikta
sklade, vo badykle sake anam:
«žinan, ko eįška» ir stoveje, vo ons
nėka na sake ir sklade lig pat dviķe-
kta adyna pasibengont; pasibengus
adyno pragyda gadys, vo badykle
tujaus lenciugus viķkdama eje pro
durys ļauko, vo ons paskou eje ve-
zete su žvakė gromyčes kame ana

Въ одной усадьбѣ никто не могъ хо-
дить: привидѣнія бродили. Одинъ кли-
рикъ-странникъ на пути заѣхалъ къ тѣмъ
господамъ; они переселились не далеко
въ другой домъ; вотъ онъ сталъ про-
ситься на ночлегъ, чтобы они его при-
няли; и сказали господа, что мы не
имѣемъ, гдѣ положить этого путника и
сами теперь совсѣмъ мало мѣста имѣемъ:
несчастіе въ нашей усадьбѣ, привидѣнія
бродятъ, не можемъ мы тамъ больше
быть; онъ говоритъ: «позвольте мнѣ, я
тамъ переночую» и привелъ его слуга,
впустилъ въ комнату; имѣлъ онъ съ со-
бой святую свѣчу и книги; зажегши
свѣчу, читалъ книги до самаго однад-
цатаго часа; въ одиннадцатомъ часу на-
чались звуки звона вокругъ дворца и
всачески начало пугать и вотъ стало
приближаться къ комнатѣ и вотъ отво-
рило двери и вошло въ комнату въ от-
вратительномъ видѣ: ни человѣка, на
скота и за этимъ влачилась цѣпь; подо-
шло къ тому клирику къ другому концу
стола и стало, онъ же испугавшись уже
не читалъ книгъ, а только передысты-
валъ, привидѣніе же сказало ему: «знаю,
чего ищешь» и стояло; онъ же ничего
не сказалъ, а все передыстывалъ до са-
мыхъ 12 часовъ. Въ 12 пропѣлъ пѣтухъ, и
привидѣніе тотчасъ же пошло, влача цѣ-
пи, черезъ двери вонъ, онъ же пошелъ
за нимъ поглядѣть со святой свѣчей,

apsistos; nueje po pałaciaus, apacos sklepo durys dare ir jeje ir tujaus prapoule badykle, vo klėriks atdaręs durys pavežeje ir atrada daug grabun mirusių ponų sudetun; kłaupęs pasimelde ir praše Deva, kad doutu ženę, kon rek padaryte, kad badykles atstotu, ir išgerda bašą, kad rek doute atmenemus už dušes; pagriza atgal į stoncyją ir pasimeldęs atgole: nėks daugiau ne-bibade; rytą metą pona sjunte sługas pavezete, ar bėra gyvas anun svets, vo atrade sveką, parsivede pri ponų ir sakė, kap galeje išturete badymus. vo ons papasakojęs, kas dėjos naktį, sake: «kad daugiau ne-bi-badys, tikta donket didžius atmenemus už dušes ir parveškit kunegą, kad pošvėstu visus pałocius». Pona padėkavoje už rodą ir tujaus pavašinę išlela svetį. Unt ryta tujaau parveže konegą, pašventena pałocius, dave atmenemus ir nėks daugiau na-bi-bade ir pona spakajne parsidongenę gyvena.

гдѣ оно остановится; спустилось подѣ дворець, отворило нижнюю дверь въ погребѣ и вошло и тотчасъ же пропало привидѣніе, а клерикъ, отворивши дверь, посмотрѣлъ и нашель много сложенныхъ гробовъ умершихъ господъ; вставши на колѣни, онъ помолился и просиль Бога, чтобы онъ далъ ему знать что нужно сдѣлать, чтобы привидѣніе отстало и услышалъ гласъ, что нужно сдѣлать поминовеніе за души; вернулса онъ назадъ въ комнату и помолившись легъ: больше уже никто не появлялся и не шумѣлъ; на утро госпожа послала слугъ посмотреть, живъ ли ихъ гость, и нашли его здоровымъ, привели въ господамъ, и сказалъ онъ какъ смогъ выдержать привидѣніе; рассказавши же, что дѣлалось ночью, онъ сказалъ: «чтобы больше не пугало, сдѣлайте только богатое поминовеніе за души и привезите всендза, чтобы онъ освятилъ весь дворець». Госпожа поблагодарила за совѣтъ и угостивши отпустила гости. На утро привезли всендза, освятили дворець, сдѣлали поминовеніе и больше уже никто не пугалъ и господа, переселившись домой, жили себѣ спокойно.

V. Нулы.

1. Сказка о глазахъ раба. Вар. XII, 1. и Veckenstedt. «Die Mythen», ч. I. стр. 229.

Ketą kartą pon Dzėjs, sutveręs visokių givolių, įspaude visims akys, ont gała atejęs pri veže tare: «vežali! šeta tau be-leka mažtoteles akeles». Vežys atsake: «no, tokes mažas įsobinę įkeškis». Ož ton pou Dzėjs anam patam įspaude į ontrą gałą. ir deł to paleka vežys betoręs akys sobine ¹⁾.

Однажды Господь Богъ, сотворивши всѣхъ животныхъ, вдавливалъ всѣмъ глаза, наконецъ, приѣхъ въ раву, промолвилъ: «ну, рачекъ, тебѣ-то остались со-всѣмъ маленькіе глазки!» Ракъ отвѣтилъ: «ну, такіе маленькіе въ задъ себѣ сунъ». За это Господь Богъ вдавилъ ему ихъ въ другой конецъ; и вслѣдствіе этого такъ и остался ракъ съ глазами въ задѣ.

2. Почему дрожать листы осины? Вар. М. 14, 117.

Ketą kartą motena Svenčiause bėgdama nu Eroda so sunelo į Eгyptą

Однажды Святѣйшая Мать, убѣгая отъ Ирода съ сыномъ въ Египеть-землю,

¹⁾ Cp. I. 135, 4: Vežys, vežys.
Tur šikno akys.

žemę, pailsusi atsistoje po apušes ir iš bajmes drebeje ir nu to laiką pradeje drebete lapa visun apošu.

3. Vejną kartą gaspadorius putvere cigoną kamaro be-vagont; gaspadorius klausė: «ko tu čе jjeje?» Cigons sakė: «ama, tevali, mona dontes skaud ir ne-b-žinau, kur aš atejau». Gaspadorius, išvedes lauko iš kamaras, pavadengs šemyną, ketena įmušte; cigons sake: «ama, tevali; kon darysi, ton darysi, tikt par torą ne mesk». Gaspadorius kopt už čupryną, šemyna už kojas, cigoną drejbt par torą. Cigons atsikelęs: ba-pego tau na sogaute cigoną kamaro, bet sugaukes cigoną lauknse!» Ton pasakęs pabėga.

4. Vejną kartą cigons eje vokte mėsos į pakriautę. Prisikrovęs majšą mėsos, noreje išejte lauko, bet napatropeje atdaryte tekroses durys į lauka; atedare durys į trobą. Iejęs į trobą, cigons nusigonda; bet pasimyslijęs, tarė: «ama, teva, ar nori: tan atsjunte bėsas iš peklas mėsos?» Gaspadorius pažvelgęs ont susipajšuse cigona, sake parsegondęs: «ak su sava mėsa į peklą, aš nu bėsa nekokiun dovenun ne noro!» Cigons saka: «kad ne nori, ne nori; tad so Dejvo!» Rytą metą pavejze į pakriautę, na-bėra mėsos.

установилась подъ осиной и отъ страха дрожала и съ того времени начали дрожать листья всѣхъ осинъ.

Однажды хозяинъ поймалъ за кражей въ коморѣ цыгана; хозяинъ спросилъ: «для чего ты сюда вошелъ?» Цыганъ сказалъ: «амá, батюшка, зубы у меня болятъ и ужъ самъ не знаю, куда пришелъ». Хозяинъ, выведя его вонъ изъ коморы, позвавши работниковъ, хотѣлъ бить его; цыганъ сказалъ: «анá, батюшка, что ужъ будешь дѣлать, такъ дѣлай, только черезъ заборъ не бросай». Хозяинъ хватъ за чуприну, работники за ноги, цыгана разъ! за заборъ. Цыганъ вставши: «чего ужъ тебѣ было не поймать цыгана въ коморѣ, а ты вотъ въ полѣ его поймай!» Сказавши это, побѣжалъ.

Однажды цыганъ отправился воровать мясо въ амбаръ. Набравши мѣшокъ мяса, хотѣлъ онъ выйти вонъ, но не потрафилъ отворить настоящую дверь на дворъ; отворилъ дверь въ избу. Войдя въ избу, цыганъ испугался; но подумавши, промолвилъ: «амá, батюшка, хочешь что-ли? тебѣ чертъ изъ печла мяса прислалъ». Хозяинъ, взглянувши на измазаннаго цыгана, воскликнулъ испугавшись: «пошелъ ты со своимъ мясомъ въ печло, я отъ бѣса никакихъ подарковъ не хочу». Цыганъ говорить: «коли не хочешь, такъ не хочешь; тогда—съ Богомъ!» На утро посмотрѣлъ въ амбаръ, нѣтъ мяса.

Дѣтскія нѣсенки.

Činldiná, muldiná,
Višta pečių kurina.
Gajdys mašką snkapoje,
Šon žirgą pabaunojė
Ir išjojo pri ponun,
Gava kroupin, lašiniun.
Vanags vištą peše,
Ont tarelkos neše,
Panę lapę pavadena,
Ont sledonians praše.

5. Чюльдинá, мульдинá,
Курица печь топить,
Нѣтухъ дровъ собралъ,
Собака коня осѣдала
И поѣхала къ госнодашъ,
Добыла крупъ, сала.
Ястребъ курицу ошипалъ,
На тарелкѣ привнесъ,
Госпожу лису пригласилъ,
На обѣдъ просилъ.

6. Kejlele, lakštutele,
 Kejk to tori vakun?
 Do ont soula,
 Do posoula,
 Do sétove,
 Do lópišė;
 Do godo, do konego,
 Do stačoriu,
 Do mačoriu,
 Šimts maška kerta,
 Šesi jaujė kule,
 Vo aš vejna paniulate
 Po zelvetiu kruma;
 Na pa krume augau,
 Na karklinus gr̄iauziau,
 Pas tetošį augau,
 Gryną douną vaigiau;
 Na skarotą nešiojau,
 Na bagotą norejau,
 Marškinelus devejau,
 Už vajkele išėjau.

6. Трасогузка, пташка,
 Сколько у тебя дѣтей?
 Два на лавкѣ,
 Два подъ лавкой,
 Два въ омутѣ,
 Два въ люлькѣ,
 Два бѣлорусса, (гуда)два ксендва,
 Два столяра,
 Два маляра,
 Сотня дрова рубятъ,
 Шесть въ овинѣ молотятъ,
 А я одна паночка
 Подъ ивовымъ кустомъ;
 Не подъ кустомъ выросла,
 Не иву грызла;
 У батюшки выросла,
 Чистый хлѣбъ кушала;
 Не лохмотья носила,
 Не богатаго хотѣла,
 Рубашки одѣвала,
 За парня выходила.

VI. м. Шакиново. Шавельскаго уѣзда.

1. Ape Laumę. 1) Bar. Leskien. «Lixteretanische Volkslieder und Märchen». стр. 79. Schleicher. Lesebuch Латышскій вариантъ въ сказкахъ, переведенныхъ и изданныхъ Трейландомъ. Наконецъ вариантъ ея имѣется и въ недавно вышедшемъ изданіи г. Довойна-Сильвестровича: Podania Żmujzcie» т. I.

Vēnā kartā gyvena sodo dve moteriškas. Vēna buva gera, o antra uzvydelninka; geroji moteriška buva labaj bēdna, turējē sau uzdirbti dūnā; vēnā kartā su sava mažu kudykiu išeja rugiu rišti; dirbdama par kiaurā diena, uzmirša suvisu sava vajkā; parējusi vakare namo nusiganda priminusi, kad vajkā palika ļauke; «jau dabar», saka «Laumēs nusmaugs mano kudikj»; bēg (=почти бѣги) i ļaukā nulindusi, gird pagirē Laumēs be-kuļjant: «aā, aā, mano vajks!» Ir bije motuņa arčians ejt, kad Laumēs ne apstotu, krita ir ne gyva; nū ryta atsikēlusi, bēg i pagirj ir atrand po berzā ļopšēļj pakabytā, o ļopšēļj atrand sava kudykelj skanē be-mektantj, auksu apipiltā ir gražē paredytā; iš džiang-

Жили однажды въ селѣ двѣ женщины. Одна была хорошая, а другая завистница; добрая женщина была очень бѣдна, должна была зарабатывать себѣ хлѣбъ; однажды со своимъ маленькимъ ребенкомъ вышла жать рожь; работая цѣлый день, забыла совсѣмъ своего ребенка; придя вечеромъ домой она испугалась, вспомнивши, что оставила ребенка въ полѣ. «Уже теперь», говоритъ она: «Лаума замучитъ моего ребенка»; бѣжить въ поле печальная, слышитъ на опушкѣ: Лаумы поютъ: «аа, аа, дитя мое!» И боится мать ближе подойти, чтобы Лаумы ея не окружили, упала на землю и не жива; утромъ поднявшись, бѣжить на опушку и находить, что подъ березой повѣшена люлька, а въ люлькѣ находить своего ребенка сладко спящимъ,

1) Сказка записана отъ ксендва Рымовича.

sma ne žina, ką daryti; pakvėdė susėdę ir parsineš rankūs vaiką su turtais. Susėde iš žlostės ko ne sproksta; sušaukė vakarą, parėda savo kūdikį gražė ir neš į pagirį; pati palikusi parbėg namó; atsisokusi bėg paklausytė, kajp Laumės sup jos kūdikį ir girda: «aš, aš, meškos vjaks». Nekantri myslija dėl ko ne liuloj: «aš, aš, mano vjaks!» Led tik sušaukė aušros, bėg susėdes kvėsti: «ejkiam, ejkiam: padėk šendiena mano vaiką parnešty (=парешты); Laumes tur but ne mažiaus aukso palika»; atejn į pagirį, rand beržą sušaužytą ir vaiką sudraskytą, o žarnas apė medį apvyniotas.

осмысленным золотомъ и прекрасно одѣтымъ; отъ радости не знаетъ, что дѣлать; приглашаетъ сосѣдку и приноситъ на рукахъ ребенка съ богатствами. Сосѣдка отъ злости чуть не лопается; дождалась вечера, прекрасно нарядила своего ребенка и несетъ на опушку, а сама оставивши прибѣгаетъ домой; повертѣвшись бѣжить послушать, какъ Лаумы качаютъ ея ребенка и слышитъ: аа, аа, медвѣжье дитя». Въ нетерпѣннн она думаетъ, почему не помѣть: аа, аа, мое дитя. Едва только дождалась разсвѣта, бѣжить звать сосѣдку: «пойдемъ, пойдемъ: помоги сегодня мнѣ принести ребенка; Лаумы, должно быть, не меньше золота оставили»; приходитъ на опушку, находитъ березу сломанной, а своего ребенка разорваннаго и кишки его намотанными на дерево.

VII ¹⁾. Литературно-литовскій говоръ (за рѣкой Шалтоной по дорогѣ отъ Россіенъ).

1. Kada Diėvas sutverė žvėrus ir jus suleįda į roįų, tada keleta diėnų jis ateįdava pas jų pažiurėti jus, ne matė veįų; klausė, kur jis yr, o jis atsakė jam: «kur tava akys, ar subine, kad ne mataį manes?» Diėvas atsake jam: «tegul tava akys bune te, ne mana».

2. Iš visų žvėrių, katrus Diėvas sutverė, buvo mandriausin veįys dėl to, kad jis buvo melniku. Melnikavėš kelėta metu jis pradėja vokti ir tajp jam nesivedė, ir visados jį sugaudava; tada jis atėja pas Diėvą ir prašėjo, kad dūtu jam į ušpakalį akys, dėl to, kad jis ne mata, kajp jį nutver už svetimą dajktą. Diėvas ne ilgaj laukęs, išėmė akys jo iš kaktos ir įdėja jam į ušpakalį. Turėdams akys užpakale, veįys suvisaj turėja parstot vokti, dėl to, kad jis ne galėja greįt paeįti. Tada jis atėja vel pas Diėvą ir praše, kad Diėvas jam dūtu akys ir ušpakale ir priešaky; ale Diėvas atsake: «nėkam aš ne daviau po ketures akys, ir tu ne gausi».

1. Когда Богъ сотворилъ звѣрей и пустилъ ихъ въ рай, тогда черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ къ нимъ посмотрѣть на нихъ и не замѣтилъ рака; спросилъ, гдѣ онъ, тотъ же отвѣтилъ ему: «гдѣ твои глаза, въ задъ что-ли, что не видишь меня!» Богъ отвѣтилъ ему: «пусть твои глаза будутъ тамъ, не мои».

2. Изъ всѣхъ звѣрей, которыхъ сотворилъ Богъ, всѣхъ мудрѣе былъ ракъ потому, что онъ былъ мельникомъ. Проработавши нѣсколько лѣтъ, онъ принялся воровать и такъ ему не везло, что всегда его ловили; тогда онъ пришелъ къ Богу и просилъ, чтобы онъ далъ ему глаза въ задъ потому, что онъ не видитъ, какъ его хватаютъ за чужую вещь. Богъ, недолго думая, вынулъ его глаза изъ лба и вложилъ въ задъ ему. Имѣя глаза въ задъ, ракъ долженъ былъ совсѣмъ перестать воровать потому, что онъ не могъ уже быстро ходить. Тогда онъ пришелъ снова къ Богу и просилъ, чтобы Богъ далъ ему глаза и спереди и сзади, но Богъ отвѣтилъ: «никому я не давалъ по четыре глаза, и ты не получишь».

¹⁾ Записано отъ Пяна Чепурнова такъ же, какъ двѣ слѣдующія сказки.

Tada vežys supykęs ant sava sutvertojaus sunėšė pri upės visus dajktus, katriė prigulėja pri jo melničės ir, suvertęs jus į upę, pasistatė saumelnyčę murinę (tajyra vurva krante). Praja (=praėja) kelėta diėna, upė uštvyňa ir jo melnyčė suvisaj sugriove; o jis, sugavęs viėnas tik girnas, pasilika bėdnas.

3. Ape taboką

Diėvas sykį liėpė visums žolėms atejti pas jį ir visas žoles ateja, viena tik taboka pasilika rojuj. Diėvas, ne matydams tabokas, kėlausė žoliu, kur pasilika ji, ir kada jis dasizinoja, kad ji ne ateja, liėpe jaj tūjaus pributi ir pakėausė, del ko, ji ne ateja. Tada taboka atsake: del to, kad manį visas mana tavorėkas apspjaude; tada Diėvas vel kėlausė: «kodel tavę apspjaude visas žoles» ir taboka atsakė: «del to, kad Adoms su Iėva, kaštavodami smoką visų žolių, atrada manį, kad aš ėabaj karti; ir del to manį apspjaude». Tada Diėvas atsakė: «nu šios dienos visi tavę turės ir šėnavos: didelis ir mažas». Ale vis visi, kada ruka, spjauda del to, kad visas žoles, kad jos buva rojuj, apspjauda jį.

Тогда ражъ, разозлившись на своего творца, снесъ къ рѣкѣ всѣ вещи, которыя принадлежали къ мельницѣ, и, сбросивши ихъ въ рѣку, поставилъ себѣ каменную мельницу (это—нора на берегу подъ камнемъ). Прошло нѣсколько дней, рѣка вздулась него мельница со всѣмъ разрушилась; а онъ, поймавши только жернова, сталъ бѣднякомъ

3. О табакѣ.

Богъ однажды велѣлъ всѣмъ растеніямъ прийти къ нему и всѣ растенія пришли, только одинъ табакъ остался въ раю. Богъ, не видя табака, спросилъ у растеній, гдѣ онъ остался, и когда онъ узналъ, что онъ не пришелъ, велѣлъ ему сейчасъ же прибыть и спросилъ, почему онъ не пришелъ. Тогда табакъ сказалъ, «потому, что меня всѣ мои товарики оплевали». Тогда Богъ снова спросилъ: «почему же тебя оплевали всѣ растенія?» а табакъ отвѣтилъ: «потому, что Адамъ съ Евою, пробуя вкусъ всѣхъ растеній, нашли меня очень горькимъ; и поэтому они меня оплевали». Тогда Богъ отвѣтилъ: «съ этого дня всѣ тебя будутъ держать и почитать: большой и малый». Но все-таки всѣ, когда курятъ, сплевываютъ потому, что всѣ растенія, когда они были въ раю, оплевали его.

4. Var. I. 5. Bez. 5.

1. Višą amžių užvočiau,
Ant smerčė ne atbojau;
Kad atėjė ta dienele.
Kad rejks man numirti.
2. Dirba grabą be durelių,
Viršuj be langelių,
Kad vejalis ne įprustu,
Saulėle ne šviėstu.
3. Tevelis su matušė
I grabą idėjo,
Brolelis su seselė
Manį palydėio.
4. Kaj važiavau par girelę,
Girele žaliavo,
Privaziavau į bažnyčę,
Varpaj suzvanyjo.

1. Весь вѣкъ гуляла,
О смерти не думала;
Когда пришелъ тотъ часъ,
Что придется мнѣ умереть.
2. Дѣлають гробъ безъ дверей,
Наверху безъ оконъ,
Чтобы вѣтеръ не дулъ внутрь,
Солнце не свѣтило.
3. Батюшка съ матушкой
Въ гробъ положили,
Братецъ съ сестрицей
Меня проводили.
4. Когда я ѣхалъ черезъ лѣсъ,
Лѣсъ зеленѣлъ,
Прѣѣхалъ въ церковь,
Колокола зазвонили.

5. Kunigelis, vargamistra
Manį pakrapino.
Ir nuneše į bažnyčę,
Kunigs mišas laiko.
6. Visas gentys-giminelės
Manes žetavojo;
Kad nuneše ant kapela,
Idėjo į dūbę.
7. Visi žemes po saujelę
Ant manes užbirė.
Visas gentys-gimineles
Namo nuvažiavo;
Oaš viena vargdienelė
Zemė palikau.

5. Ксендзъ, органный
Меня окропили,
И внесли въ церковь,
Ксендзъ отправляетъ службу.
6. Всѣ родные-родственники
Обо мнѣ пожалѣли,
Когда принесли на кладбище,
Опустили въ могилу.
7. Всѣ по горсточкѣ земли
На меня посыпали,
Всѣ родные-родственники
Дошой уѣхали,
Я одна несчастная
Въ землѣ осталась.

5. Пословицы. (Patarles)

Kajp idėsi, tajp rasi.
Kajp pasikłosi, tajp ir miegosi.
Išgraužk, kumaj, kad vajks mirė.

Ne klausk davyma, ale Diėva
padejima.

Suļa yr, dūnas nēr; dūna yr, su-
los nēr.

Pas mus yr razums, pas durnius
pinigaj.

Mandrus galvą lauža, utelas
pakaušę griauža.

Kas krašts, tej moda; ka galva,
tej razums.

Šoki, kajp varle preš dalge.

Какъ положишь, такъ найдешь.
Какъ постелешь, такъ и поспишь.
Выкуси, кумъ, коли дитя умерло (т.е.
кума уже не надо).

Не спрашивай о приданомъ, а о
Божьемъ согласіи.

Сокъ есть, хлѣба нѣтъ; хлѣбъ
есть, сока нѣтъ.

(Березовый сокъ весной.)

У насъ есть разумъ, а у дураковъ
деньги.

Мудрость голову ломить, а заты-
локъ уши грызутъ.

Что край, то мода; что голова,
то разумъ.

Прыгаешь, какъ лягушка на косу.

Собралъ: А. Погодина.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библиографія.

Замѣтки по изученію современной народной пѣсни.

В. Н. Перетцъ. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды.
С.-Петербургъ. 1893.

Г. Перетцъ, начавшій литературную дѣятельность разборомъ сборника угро-русскихъ пѣсенъ г. Врабля «Русскій Соловей» (Кіевская Старица 1892, № 6) и помѣстившій рядъ замѣтокъ и рецензій въ Живой Старицѣ и Библиографѣ, выпустилъ недавно работу болѣе обширную, посвященную любопытному вопросу изученія современной лирической пѣсни. Вопросъ этотъ разсматривался въ послѣднее время въ цѣломъ рядѣ работъ, изъ которыхъ наиболѣе важны до сихъ поръ: статья Н. И. Костомарова «Великорусская народная пѣсенная поэзія»¹⁾, Михневича «Извращеніе народнаго пѣснотворчества»²⁾, предисловіе къ «Сборнику русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ», Лопатина и Прокунина и книжка Львова: «Новое время—новыя пѣсни» (Устигъ. 1890), современной пѣснѣ посвященъ также рефератъ П. И. Тиховскаго: «Паденіе народной пѣсни»³⁾ и книга М. Огіевскаго «Новые элементы въ южно-русскомъ пѣснотворствѣ». Спб. 1892.

Г. Перетцъ и изслѣдователь, и собиратель народнопѣсеннаго обихода. Это обстоятельство имѣетъ и хорошую, и дурную сторону: ему легче судить о народномъ міровоззрѣніи, нежели человѣку знакомому только съ печатными текстами пѣсенъ, возможно близкое знакомство съ чертами народной символики и даже новыя ея объясненія; но съ другой стороны, онъ скорѣе можетъ увлечься матеріаломъ, имъ самимъ записаннымъ, иногда даже поставить его выше другого подобнаго. Настоящая брошюра заключаетъ повидимому только начало изслѣдованій автора въ области, имъ затронутой; три главы ея посвящены разбору трехъ мотивовъ,—притомъ авторъ не держится какой либо системы, а стоитъ въ зависимости отъ матеріала, ему извѣстнаго и взятаго повидимому случайно. Это конечно не недостатокъ; но болѣе систематичное изслѣдованіе несомнѣнно было бы полезнѣе и для самого автора, избавляя его отъ неизбежныхъ повторовъ, быть можетъ даже влияя на общую точку зрѣнія на предметъ.

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1872, Май.

²⁾ Историч. Вѣстн. 1880, т. III, декабрь.

³⁾ Извѣстія IX Археологич. съѣзда въ Вильнѣ. Вильна. 1893, № 13, стр. 6—8. См. также ст. Г. И. Успенскаго «Новыя народныя пѣсни» въ «Русск. Вѣдом.» 1889, № 110 и замѣчанія на нее въ «Ѣтногр. Обзор.» 1889, II, 218.

Несомнѣннымъ недостаткомъ предисловія является отсутствіе доказательствъ тѣхъ положеній, на которыхъ авторъ настаиваетъ. Я нахожу, что главныя положенія автора, высказанныя имъ въ предисловіи въ книжкѣ, мало вытекаютъ изъ изученія трехъ пѣсенныхъ мотивовъ; они аріурны, изслѣдованіе ихъ не оправдывается. Если бы авторомъ былъ принятъ болѣе широкій кругозоръ, обнимающій возможно большее количество фактовъ и наблюденій надъ ними, точка зрѣнія была бы правильнѣе. Предисловіе г. Перетца довольно обширно и даже «широковѣщательно», давая, впрочемъ, мало фактическихъ поправокъ мнѣній установившихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытается отвергнуть ихъ.

«Какъ при изученіи литературы часто берутъ исключительно произведенія замѣчательныхъ писателей для характеристики идей, господствовавшихъ въ обществѣ въ данную эпоху, такъ зачастую и изслѣдователи въ области народной поэзіи обращаютъ свое вниманіе исключительно на тѣ пѣсенные мотивы, которые представляютъ наибольшій интересъ по своему художественному достоинству, забывая, что подобныя пѣсни уже отжили свой вѣкъ и вытѣсняются новыми. Мы полагаемъ, что при изученіи народной поэзіи важно обращать вниманіе не столько на мотивы, поражающіе чувство изслѣдователя, сколько на имѣющіе наибольшее распространеніе среди цѣлаго народа». Таково главное положеніе автора. Мнѣ кажется, что тутъ сдѣланы двѣ стороны изученія народнаго творчества. Пѣсня есть, во первыхъ, памятникъ художественнаго творчества, во вторыхъ, матеріалъ для характеристики народа. Въ первомъ случаѣ она по преимуществу подлежитъ изученію историка литературы, во второмъ — этнографа. Только какъ матеріалъ чисто этнографической *всякая* пѣсня заслуживаетъ вниманія. Однако, даже при такой постановкѣ вопроса не зачѣмъ впадать въ крайности: въ тирадѣ г. Перетца необходимо замѣнить: «не столько, сколько» словами: «не только, но и...» А между тѣмъ, авторъ собственно не этнографъ; онъ смотритъ на изученіе пѣсни, какъ памятника литературнаго... Противорѣчіе у него сказывается тотчасъ же, такъ сказать между словомъ и дѣломъ. Авторъ занимается не сбирешками, частушками, фабричными, искаженными и т. п. пѣснями, противъ которыхъ ратуютъ главными образомъ гг. Лопатинъ, Тиховскій и другіе, а мотивами старыми, и иногда только измѣнившимися по формѣ, такъ сказать «старыми погудками на новый ладъ». ¹⁾ Провести рѣзкую опредѣленную грань между пѣсней «новой» и «старой», конечно трудно. Романы распѣвались народомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣлствуютъ пѣсенники. Впрочемъ, только съ половины текущаго столѣтія они завоевали себѣ широкое мѣсто. Такимъ образомъ, фактъ порчи старой чисто народной пѣсни несомнѣненъ, и эта порча началась давно. Но только въ послѣднія 3—4 десятилітія особенно часто и съ каждымъ годомъ все настойчивѣе раздаются голоса о преобладаніи въ народно-пѣсенномъ обиходѣ фабричныхъ и трактирныхъ мотивовъ. Рядомъ съ ними, а также съ искаженными романсами и литературными стихотвореніями идетъ прямо вырожденіе пѣсни, выражающееся въ коротенькихъ зачѣвочкахъ, сбирешкахъ, — обрывкахъ старыхъ пѣсенъ, и въ невообразимой путаницѣ стиховъ, образовъ и мотивовъ изъ разныхъ пѣсенъ, причѣмъ для сманіванія новой пѣсни изъ такихъ безобразныхъ обрывковъ одинаково употребляются и стихи чисто народной пѣсни, и искаженныя литературныя стихотворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Перетцъ, говоря свои «не столько, сколько», не замѣчаетъ еще и того, что съ его точки зрѣнія изученіе сказки о Бовѣ-королевичѣ для историка литературы важнѣе изученія произведеній Гоголя и г. Л. Н. Толстого; вѣдь первая куда распространѣннѣе. Если же взять даже одно изученіе исключительно этнографическое, то и оно потеряетъ немалую часть своего значенія по подобной односторонности. Неужели же въ самомъ дѣлѣ для этнографа должно отсутствовать чувство художественности?

¹⁾ Подъ новой пѣсней мы разумѣемъ именно пѣсню фабричную, искаженный романсъ, обрывки и искаженія литературной пѣсни, конгломератъ изъ обрывковъ разныхъ пѣсенъ, бесодержательные куплеты въ 4, 3 и 2 стиха и т. п.

Далѣе г. Перетцъ борется такъ сказать съ вѣтранными мельницами. Вопреки его увѣреніямъ, всякій, съ исторической точки зрѣнія, понимаетъ, что современная народная пѣсня явленіе естественное, что положеніе ея переходное. Все это указано и разъяснено гораздо подробнѣе въ предисловіи къ «Сборнику» Лопатина и Прокунина ¹⁾. Вопросъ только въ томъ, чѣмъ закончится такое переходное положеніе. Создастъ ли народъ, «не успѣвшій еще сложить, выработать своей (пѣсни), не осмотрѣвшись, не успѣвъ (sic) еще привыкнуть къ новой цивилизаціи» новую пѣсню (мнѣніе г. Перетца), или замолкнетъ навсегда чисто народная пѣсня, и ее, какъ во многихъ мѣстахъ Зап. Европы, замѣнитъ пѣсня литературнаго характера, созданная личнымъ творчествомъ? Вопросъ конечно спорный.

Называть ли новыя пѣсни и пошлыя искаженія старой пѣсни паденіемъ пѣсни, какъ это принято, или «безотносительнымъ плюсомъ» въ народномъ творствѣ, какъ настаиваетъ нашъ авторъ, въ сущности неважно. Я укажу только, что мнѣніе г. Перетца объ этомъ безотносительномъ плюсъ не установившееся. Въ одной своей статьѣ, печатавшейся почти одновременно съ первымъ этюдомъ («Библиографъ», 1892, № 12, стр. 418), онъ между прочимъ говоритъ: «Современное паденіе пѣсни не есть явленіе случайное: оно вызвано рядомъ подготовительныхъ явленій»... Да, и собственно говоря, не г. Перетцу первому принадлежатъ честь восхваденія тѣхъ пѣсенъ, которыя г. Лопатинъ называетъ безобразными. Это мнѣніе высказано еще Г. И. Успенскимъ и г. Львовымъ. ²⁾ Можно сказать только одно, что даже стоя на точкѣ зрѣнія исторической, мы можемъ объяснить явленіе, но не должны видѣть въ немъ прогрессъ, плюсъ. Развѣ все послѣдующее есть дальнѣйшій ростъ, сравнительно съ предыдущимъ? Напримѣръ, мы въ настоящее время не видимъ талантовъ, сплывѣвшихъ, нежели наши писатели сороковыхъ годовъ, не видимъ въ Россіи изслѣдователей народной поэзіи болѣе глубокихъ, чѣмъ былъ А. А. Потебня. Однако, мы не скажемъ, что новые писатели характеризуютъ прогрессъ въ нашей литературѣ, новые изслѣдователи прогрессъ въ наукѣ; исторически же объяснить эти явленія можно.

Не останавливаясь болѣе подробно на предисловіи г. Перетца, я коснусь только нѣкоторыхъ его мыслей. «Какъ съ перваго взгляда ни странно, пишетъ онъ, но пѣсни Дельвига, Кольцова и другихъ «народныхъ», поэтовъ еще менѣе устойчивы въ народной средѣ, (нежели заимствованныя пѣсни чисто литературнаго характера), хотя мы находимъ ихъ почти во всѣхъ пѣсенникахъ и хрестоматіяхъ. Подобное явленіе кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ: если въ стихотвореніяхъ Пушкина, Лермонтова, даже въ замысловатыхъ куплетахъ новѣйшей оперетки, народный слухъ поражается чѣмъ-то новымъ, невѣданнымъ и потому занимательнымъ, то въ пѣсняхъ Кольцова и другихъ народъ замѣчаетъ лишь отраженіе себя и вполнѣ, на нашъ взглядъ, логично предпочитаетъ свою безхитростную родную пѣсню пѣснѣ, быть можетъ въ художественномъ отношеніи прекрасной, но поддѣльной». Желательно но знать, чѣмъ подтвердить авторъ свое, такъ категорически высказанное, положеніе. (Не говорю уже о странномъ смѣшеніи поддѣльныхъ пѣсенъ Дельвига и пѣсенъ Кольцова. Откуда извѣстно, что Кольцовъ поддѣлывалъ пѣсни?) Для г. Перетца нѣтъ никакого значенія въ томъ, что пѣсни Кольцова встрѣчаются въ пѣсенникахъ. Если его слова основаны только на личныхъ наблюденіяхъ, то значеніе ихъ конечно весьма слабо, такъ какъ онъ записывалъ пѣсни преимущественно въ одной мѣстности (небольшомъ углу Новгородской губ.), притомъ сравнительно недолгое время. Если судить по сборникамъ пѣсенъ, то мы почти не встрѣтимъ въ нихъ пѣсенъ Кольцова. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что подобныя пѣсни собиратели рѣдко заносятъ въ свои записи. Но вотъ что говорить, между прочимъ, г. Студитскій въ предисловіи къ своему сборнику Новгородскихъ пѣсенъ: «Естественно, что нашъ народъ увлекается сочиненіями

¹⁾ См. напр. стр. 26.

²⁾ См. еще замѣчанія А. С. Гацискаго въ «Нижег. Сборн.», 1875, т. V, стр. 173—174.

поэтов и мало по малу забывает создания своих предков; так теперь уже поют пѣсни Кольцова. Въ этомъ я убѣдился еще тогда, когда собиралъ пѣсни Вологодской и Олонецкой губ.» (т. е. за 20 лѣтъ до записей въ Новг. г.)¹⁾. Одна пѣсня Кольцова даже попала въ сборникъ А. Можаровскаго²⁾. Итакъ, есть факты, опровергающіе категорически высказанное положеніе г. Перетца.

Нѣкоторыя сужденія автора темны и запутанны (з). Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разобратся въ слѣдующей тирадѣ? Пѣсни литературнаго происхожденія «поются въ народѣ въ редакціяхъ сравнительно близкихъ къ литературнымъ, съ небольшими вариантами въ отдѣльныхъ словахъ; тема и размѣръ ихъ остаются не прикосновенными. Онѣ не осѣдаютъ прочно въ народной средѣ, не усваиваются органически, а только прилаживаются къ народному вкусу и выраженіямъ и поются въ искаженномъ видѣ, оставаясь чуждыми народу, какъ безобразныя наросты посажену ихъ дереву». Гдѣ же, собственно говоря, правда? Если же пѣсни чисто литературнаго склада чужды народу, то само собой разумѣется ближе къ нему пѣсни Кольцова. Нѣсколько иначе, по мнѣнію нашего автора, дѣло обстоитъ съ такъ называемыми странствующими мотивами, которые, по словамъ его, въ большинствѣ случаевъ литературнаго происхожденія. (Но почему различіе въ воспріятіи тѣхъ или другихъ пѣсней, одного происхожденія, — невьяснимо?). «Въ такой пѣснѣ—говоритъ авторъ—ненародное сравненіе, образъ-символь неестественный и не гармонирующий съ дальнѣйшимъ развитіемъ темы—все это стирается, а иногда замѣняется (?) новымъ (??); съ другой стороны иногда одинъ намекъ на образъ въ пѣснѣ литературной вызываетъ его развитіе въ народной обработкѣ». Оказывается, что то, что ближе къ народнымъ понятіямъ, то и воспринимается народомъ. Изъ всего этого ясно только одно, какъ мало продумалъ авторъ все имъ написанное.

Я назвалъ предисловіе г. Перетца широкобѣщательнымъ. «Мы полагаемъ, между прочимъ говорить онъ, что изученіе народныхъ пѣсней, какъ самостоятельно развившихся, такъ и считаемихъ заимствованными изъ литературы, должно быть основано на возможно широкомъ сравненіи, какъ основныхъ мотивовъ, такъ и отдѣльныхъ чертъ... Такимъ образомъ изученіе великорусской пѣсни предполагаетъ параллельное изученіе бѣлорусской, дагѣе малорусской...» Новаго тутъ ничего нѣтъ, все это—вещи признанныя давно; г. Перетцъ только идетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ. Напрасно также онъ указываетъ на то, что по изученію бытовыхъ и лирическихъ пѣсней у насъ сдѣлано мало. «Трудность изученія послѣднихъ пѣсней увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому начинающему приходится самому разыскивать необходимое въ массѣ неразобраннаго, неразработаннаго и даже не систематизированнаго матеріала, и такимъ образомъ тратитъ немало времени на черновую подготовительную работу. Если намъ не удастся въ нашихъ очеркахъ дать прочныхъ обобщеній, то будемъ надѣяться, что собравъ матеріалъ, мы своими сопоставленіями, хотя отчасти, подготовимъ почву для дальнѣйшихъ изслѣдованій». Правда, лирическія народныя пѣсни недостаточно изучены. Но, помимо того, что въ цѣломъ рядѣ новыхъ сборниковъ указаны варианты, нерѣдко даны любопытныя сближенія, примѣчанія,—помимо всего этого, въ нашей литературѣ есть капитальнѣйшій трудъ Потебни по объясненію малорусскихъ народныхъ пѣсней, дающій новымъ изслѣдователямъ и массу систематизированнаго матеріала и точку отправления при его изученіи... Гораздо лучше было бы, вмѣсто всего этого, указать тутъ

¹⁾ О. Студитскій. Народныя пѣсни, собранныя въ Новгородской губ. Спб. 1874 г., стр. 4—5.

²⁾ Свиточныя пѣсни, игры и гаданія Казанской губ. Казань. 1873 г. Предисловіе, II и стр. 27.

³⁾ Эту запутанность и неопредѣленность положеній и выраженій нашего автора довольно подробно указалъ уже рецензентъ «Этногр. Обзорнія» (1894, кн. XX, № 1, стр. 136—139), отнесшійся въ общемъ къ книгѣ г. Перетца очень сочувственно. Къ сожалѣнію, авторъ упомянутой рецензіи остановился подробно только на предисловіи и не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній о большей и важнѣйшей части книги. Соглашась со многими его замѣчаніями, я не буду касаться поэтому затронутыхъ имъ вопросовъ.

же сразу, что въ своихъ этюдахъ авторъ имѣетъ хорошихъ предшественниковъ, приведши большую часть сопоставленій, которыя г. Перетцъ дополнилъ сравнительно незначительнымъ количествомъ указаній. Такая оговорка была бы болѣе у мѣста, нежели скромное заявленіе своихъ заслугъ.

Перехода къ первому этюду, посвященному пѣснямъ о постриженіи, слѣдуетъ оговориться, что не имѣю намѣренія дополнять изслѣдованія г. Перетца новыми соображеніями и матеріалами. Я ограничусь лишь рассмотрѣніемъ выводовъ автора и матеріаловъ преимущественно изъ тѣхъ сборниковъ народнаго творчества, которые, судя по ссылкамъ, были въ рукахъ автора.

Передъ нами пѣсня, извѣстная съ двадцатыхъ годовъ XVIII в. и приписываемая преданіемъ царицѣ Евдокии, постриженной Петромъ I. Содержаніе ея (по варианту, записанному кн. В. Ѳ. Одоевскимъ):

Возлѣ милаго сажу млада,
 Меня милый другъ журить-бранить,
 Въ монастырь ити ведишь.
 Постригись, моя немилая,
 Посхипись, постылая..
 Я поставлю нову келейку
 Въ зеленомъ саду подъ яблоней,
 Прорублю я три окошечка:
 Первое—ко Божьей церкви,
 Другое-то—во зеленый садъ,
 Третье-то—во чисто поле...
 Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ».
 Они спрашиваютъ: «Что за келейка?...
 Отвѣчала имъ монахиня:
 «Я пострижена самимъ царемъ,
 «Я посхищена Петромъ Первымъ,
 «Черезъ ёго змѣю лютую».

По поводу этой пѣсни г. Перетцъ говоритъ: «Хотя при неопредѣленности указанія послѣднихъ стиховъ можно отнести эту пѣсню и къ другимъ лицамъ, постриженнымъ Петромъ, напримѣръ, къ сестрѣ его царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, однако Безсоновъ ни мало не постѣснялся приписать ее именно царицѣ Евдокии». Слова эти крайне грубы и крайне несправедливы. Изъ пѣсни ясно видно, что въ ней говорится о постриженіи мужейъ жены; царевну Софью разумѣть здѣсь невозможно ни въ какомъ случаѣ. Кромѣ того, г. Безсоновымъ указано, что извѣстно документально о существованіи этой пѣсни съ именемъ царицы Евдокии въ началѣ XVIII столѣтія, что она была запрещена при Петрѣ II, что канониръ Носовъ за пѣніе этой пѣсни былъ битъ шпицрутенами. Само собой разумѣется, что никто не станетъ безусловно утверждать, что пѣсня эта должна быть непременно сочинена несчастной царицей. Быть можетъ, она только приурочена къ имени царицы Евдокии¹⁾; но приуроченіе это сдѣлано такъ удачно, что въ пѣснѣ нѣтъ никакого противорѣчія дѣйствительно бывшему. Извѣстно, что царь дѣйствительно сначала уговаривалъ жену принять монашество и послѣ ея отказа постригъ ее.

При рассмотрѣніи этой пѣсни авторъ исходитъ изъ признака случайнаго для пѣсни о постриженіи, именно изъ способа построенія кельи (съ тремя окнами). Прежде всего

¹⁾ Сравни слѣдующее замѣчаніе г. Безсонова при приведеніи варианта этой пѣсни безъ имени: «Вотъ еще ступень дальнѣйшей передѣлки, а можетъ быть первообразъ, къ которому примѣнила свою пѣсню царица». Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, в. 8, стр. 112.

замѣтимъ, что далеко не всѣ пѣсни о постриженіи говорятъ о трехъ окнахъ: этого мотива не знаютъ: пѣсня о насильственномъ постриженіи дочери матерью противъ желанія отца, записанная г. Перетцемъ, пѣсня царевны Ксеніи, пѣсня постриженной Іоанномъ царицы ¹⁾. Эти пѣсни ²⁾ авторъ не внесъ въ кругъ своего изслѣдованія, ³⁾ а между тѣмъ онѣ, отличааясь значительнымъ разнообразіемъ содержанія, показываютъ, что несмотря на довольно обычное явленіе факта постриженія въ древней Руси, и народъ умѣлъ создавать по различнымъ поводамъ разнообразныя пѣсни, не довольствуясь, такъ сказать, одной формулой подобной пѣсни и приуроченіемъ ея только къ извѣстному имени. Съ другой стороны, три окна встрѣчаются и въ пѣсняхъ свадебныхъ—какъ это отмѣтилъ и г. Перетцъ. По моему мнѣнію, три, иногда четыре (по четыремъ сторонамъ свѣта) окна являются въ пѣсняхъ, имѣющихъ отношеніе къ ожиданію, тоскѣ по миломъ, и можетъ быть, изъ пѣсенъ подобнаго содержанія перешли и въ пѣсни о постриженіи. Про дѣвушку, напримѣръ, прошла недобрая слава, что ходила къ милу другу. Родители разгнѣвались.

Что построилъ мнѣ сударь батюшка темницу,
Безъ дверей—то онъ построилъ, безъ окошекъ,
Что одна только у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
Проруби ты мнѣ, сударь-батюшка, три окошка,
Ужъ какъ первое окошко въ чисто поле,
А другое то окошко въ садъ зеленый,
А какъ третье-то окошко на сине море ⁴⁾.

На синемъ морѣ плыветь корабликъ, на немъ дружечекъ; она зоветъ его, махать платкомъ, но онъ не слышитъ ея голоса, не видитъ я. Тутъ нѣтъ ни слова о постриженіи.

Другая подобная пѣсня говоритъ также о разлукѣ съ милымъ. Дѣвушка просить отца:

Государь мой, батюшка!	А другая акошка—
Ступай ты ва темнай лѣсъ,	Черезъ зелянъ садъ дарошка;
Сруби сырой дубецъ,	А третья акошка—
Састрой мнѣ горинку,	Аткыль солнушка исходя,
Горинку нову,	А чатвертая акошка—
Съ чатырьма аками.	Атныль милай друкъ прихода,
Первая акошка—	Онъ подарачикъ принося ⁵⁾ ...
На синя моря дарошка;	

Иногда не обозначается число оконъ; напр., въ причтаніи по рекрутѣ говорить жена:

И по фатерушкѣ вѣдь буду тутъ похаживать,
Изъ окна въ окно безчастная поглядывать ⁶⁾...

¹⁾ Пѣсни Кирѣевского, VI, 202—204.

²⁾ См. также Русскій Филологическій Вѣстникъ 1881 г., т. V, стр. 260.

³⁾ Последнія двѣ не упомянуты; первая приведена только въ дополненіе «къ этюду о пѣсняхъ, повѣствующихъ о насильственномъ постриженіи», (стр. 17).

⁴⁾ Пѣсни Кирѣевского, VIII, 112.—Срвн. пѣсню Вологодск. губ., записанную Н Иванникомъ «Вологодск. Сборн.», т. III, 1883, стр. 35—37.

⁵⁾ Хлаланскій. Народн. пѣсен. Курской губ. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1881, VI, 285.

⁶⁾ Е. Барсовъ. Причитанья Сѣв. края, II, 140.

Часто является одно окно ¹⁾, три или четыре стороны ²⁾.

Любопытною чертою, общею для многих пѣсень объ ожиданіи милаго, а также пѣсень о постриженіи является синее море, откуда именно должно явиться ожидаемое лицо. Повидимому появленіе его въ пѣсняхъ, говорящихъ о тоскѣ, объ ожиданіи болѣе у мѣста. ³⁾

Но послѣдуемъ за авторомъ разсматриваемой книжки. Онъ указываетъ на присутствіе трехъ оконъ: 1) въ пѣснѣ о князѣ Василии (въ которой его молодая вдова идетъ въ монастырь; одно окно выходитъ на синее море, гдѣ утонулъ князь); 2) въ приведенной нами выше пѣснѣ (изъ сборника Кирѣвскаго) объ ожиданіи милаго; 3) въ пѣснѣ молодца, который желаетъ постричься въ монастырь; 4) въ малорусской пѣснѣ (изъ сборника Чублинскаго, т. V, 806); 5) въ записанной авторомъ пѣснѣ о добровольномъ постриженіи дѣвушки, которой достыль мѣръ ⁴⁾. Послѣ всего этого слѣдуетъ довольно неожиданное заключеніе ⁵⁾: «Изъ ряда приведенныхъ параллелей можно заключить (?), что скорѣе изъ ранѣ существовавшей бытовой пѣсни возникла историческая, чѣмъ наоборотъ. Царица Евдокія, быть можетъ и принадлежать нѣкоторыя частныя измѣненія, но самая пѣсня создавалась гораздо раньше, вызванная не однимъ явленіемъ, а цѣлымъ рядомъ пострижений, вошедшихъ въ обыкновеніе. Черты насильственнаго постриженія вѣроятно лишь впоследствии примкнули къ общей схемѣ пѣсни и такъ не надолго (?), что теперь совершенно (?) утратились. Общая же тема—постриженіе въ монастырь вследствие житейскихъ невзгодъ и неудачъ—живетъ и понынѣ въ пѣсенномъ обиходѣ русскаго народа. Въ сборникахъ пѣсень другихъ народовъ мы нигдѣ (?) не находимъ подобной пѣсни; отсюда мы должны заключить о ея самобытности на велико-русской (почему же не на общерусской, если авторъ слѣдъ за И. В. Кирѣвскимъ, приводитъ и малорусскій вариантъ этой пѣсни ?) почвѣ. Что-же касается общаго (?) мѣста, построенія кельи съ тремя окнами, то оно могло быть по всей вѣроятности заимствовано изъ житія св. Варвары-великомученицы, которое ранѣе, и теперь является любимымъ чтеніемъ народа. Особенно близка къ житію пѣсня, которую мы находимъ у Чулкова». Это заключеніе можетъ вызываетъ недоумѣнія. Итакъ, пѣсни о насильственномъ постриженіи представляютъ, такъ сказать, наслоніе въ общей первоначальной схемѣ добровольнаго постриженія, притомъ наслоніе, державшееся недолго. Пѣсни о постриженіи являются ли только въ русской поэзіи? Нѣтъ. Въ сборникѣ нѣмецкихъ народныхъ пѣсень Миттлера, на который у г. Пететца есть ссылка на стр. 31, есть цѣлый рядъ пѣсень о постриженіи: 5 вариантовъ пѣсни: die Nonne, снова два варианта подобной пѣсни и 12 вариантовъ пѣсни Klosterleben.) Между русскими пѣснями о постриженіи и нѣмецкими есть много общаго, объясняемаго конечно заимствованиемъ, а одинаковыми условіями быта. Прежде всего всѣ нѣмецкія пѣсни женскія. Идетъ въ монастырь бѣдная невѣста; ея женихъ слишкомъ поздно рѣшается жениться на ней. Его встрѣчаетъ уже монахиня.

Das Nönnlein kam gegangen
In einem schneeweissem Kleid;
Ihr Haar war abgeschnitten,
Ihr rother Mund war bleich.

¹⁾ Халанскій. Нар. п. Курск. г. Рус. Ф и л. В. 1882, VII, 81; Е. Барсовъ. Причитанія. II, 119, 168.

²⁾ Барсовъ. Причитанія II, 130; I, 103.

³⁾ Срвн. еще ст. Е. Передѣльскаго въ «Сборн. матер. для опис. Кавказа», т. III, отд. II, стр. 39.

⁴⁾ Первые 3 пѣсни указаны П. А. Безсоновымъ.

⁵⁾ Стр. 16.

⁶⁾ Deutsche Volkslieder, Sammlung von F. Mittler, стр. 230, 236, 587.

Или по другому варианту:

Ihre Wänglein sind verblichen.
Ihr Haar ist abgeschnitten,
Sie hat ein Körperlein auf.

Весьма близокъ къ этимъ стихамъ конецъ пѣсни, записанной г. Перетцемъ ¹⁾:

Папенька идетъ и князя ведетъ;
Князь молодой удивляется;—
Чья это шапочка на столникѣ лежитъ?
Чья это руса коса на гвоздикѣ виситъ?
Чья это монашкина хорошая сидитъ?
— Князь молодой, ступай съ Богомъ домой,
Ужъ вѣрно мвѣ, дѣвицѣ, не быть за тобой.

По одному варианту однако:

Die Nonne stand an der Seit,
Sie hörte die Rede (рыцаря-жениха у воротъ mit Freud,
Den Habit liess sie fallen:
— Gute Nacht, ihr Schwestern alle.
Mit dem Ritter zieh ich fort.

Съ этимъ окончаніемъ можно сопоставить пѣсню изъ «Сборника русскихъ народныхъ пѣсень, собранныхъ М. Балакиревымъ» ²⁾.

Не спасибо тѣ, игумну тебѣ,
Не спасибо тѣ безсовѣстному,
Молодешеньку въ монашки постригъ...
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны слушать,
Что мое дѣло свазать да плясать;
Инь я посохъ-отъ подъ лавку брошу,
Манатенчку на столъ положу,
Подари поди подруженьку моего,
Подари душу молоденькую з).

Въ пѣсняхъ, озаглавленныхъ Klosterleben, насильно постригаемая (отцомъ) или постриженная дѣвушка жалуется на свою горькую участь; ея жалобы иногда совпадаютъ съ жалобами царевны Ксеніи:

Es ist kein schwereres Leben,
Als in das Kloster gehn.

Моливы, поклонны, одиночество, отсутствіе милаго—вотъ что представляетъ монашеская жизнь.

¹⁾ Стр. 18.

²⁾ 1891, № 16.

³⁾ Сравни также игровую пѣсню въ сборникѣ Можаровскаго: «Святочи. пѣсни и гаданія Казан. г.» 1873, стр. 67, № 11.

Что пѣсни о постриженіи очень распространены у разныхъ народовъ, это можно было бы знать г. Перетца хотя бы изъ сборника *Pjesnički hornušč a dolnušč Lužizkich Serbow, wudate wot L. Nawpta a I. E. Smolerja*, на который онъ ссылается на стр. 26. Въ примѣчаніи къ пѣснѣ L¹⁾ указанъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ, голландскихъ, датскихъ и шведскихъ пѣсней о постриженіи²⁾.

Въ сборникѣ пѣсней словинскихъ, на который у нашего автора есть ссылка на стр. 42, есть пѣсня *Bogu začušena*³⁾, содержаніемъ которой невидимому можно объяснить, почему именно мать настаиваетъ на постриженіи дочери:

— *Moj lubi Bog predragi,
Kaj pa sem pregeršila,
Kam zútra dušo pistila?
— Ne si ti pregeršila,*

*Mati je pregeršila,
Kite je na svét rodila.
Kite je na svét rodila,
V minski klošter obecala...*

Уже указано было, что 3 окна не составляютъ непремѣннаго атрибута русскихъ пѣсней о постриженіи. Большая натяжка заключается въ сближеніи житія св. Варвары. «Въ житіи св. Варвара приказываетъ мастерамъ прорубить три окна въ строящемся зданіи и затѣмъ, объяснивъ въ честь кого она это сдѣлала, подвергается гоненію и казни, обнаруживъ свою истинную религію». Прежде всего необходимо было бы объяснить, въ какомъ зданіи были прорублены три окна; они явились не въ башнѣ, въ которой спасалась св. Варвара, а въ банѣ. Три окна въ житіи—въ честь св. Троицы. Значеніе же трехъ оконъ въ нашихъ пѣсняхъ совершенно иное. Если такъ, то общаго между житіемъ и пѣснями только внѣшняя черта 3 окна. Если же обратитъ вниманіе на то, что 3—число этическое, что окна не играютъ существенной роли въ пѣсняхъ о постриженіи, что въ цѣломъ родѣ подобныхъ пѣсней они отсутствуютъ, что они являются притомъ въ разныхъ значеніяхъ, то мнѣ кажется, необходимо признать предположеніе (не выводъ) г. Перетца о связи житія съ пѣснями поспѣшнымъ и недоказаннымъ⁴⁾.

Еще одно замѣчаніе по поводу перваго этюда. На стр. 17 книжки г. Перетца читаемъ: «Образъ заключенной дѣвушки, страдающей отъ своихъ родителей, въ частности отъ отца, перенесенъ былъ (т. е. изъ житія) со всѣми подробностями (??) въ пѣсню и пригнѣненъ къ невольной постриженной женѣ, точно также какъ пѣсни купальскія, повѣствующія о гибели (?) дѣвушки, послужили основаніемъ пѣсни о царевнѣ Ксеніи Годуновой». Засимъ слѣдуетъ ссылка на «Историческія Очерки» Ѳ. И. Вуслаева. Тутъ положительное недоразумѣніе. Ѳ. И. Вуслаевъ указываетъ на связь пѣсней свадебныхъ съ пѣснью царевны Ксеніи. Мюнхенская гибель дѣвушки явилась вслѣдствіе непониманія слѣдующаго мѣста у П. А. Везонова⁵⁾: «Плачь Ксеніи по мотивамъ и складу близко сходится съ Купальницами, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ ианіемъ Купалы въ Купальскую ночь».

¹⁾ I, стр. 347—348.

²⁾ Срвн. также 52 стр. II тома этого изданія: *Próznicki serskeho ludu we górejenušč a dolojenušč Lužycach, Grumo. 1843.* О не русскихъ пѣсняхъ о постриженіи см. появившійся позже книги г. Перетца, статью К. Уленбека «Нидерландскія народныя пѣсни»—*Живая Старина. 1893, кн. II, стр. 187—190.*

³⁾ *Narodne pesni Pirsko. 1839, I, 63.*

⁴⁾ Почему трудно исходить изъ признановъ, подобныхъ 3 окнамъ, ясно изъ замѣчанія Гильфердинга о мѣстахъ типическихъ и переходныхъ («Онежскія былинны», стр. XXVII) и Ровинскаго объ общихъ мѣстахъ въ былинахъ и сказкахъ («Народныя картинки», V, 103).

⁵⁾ Пѣсни Кирѣвскаго, приложение къ вып. VII, стр. 61.

Не задаваясь широкими обобщениями, важнее было бы прослѣдить историческія пѣсни о постриженіи, указать ихъ поэтическія черты, историческую основу и перейти наконецъ къ пѣснямъ болѣе новаго типа, гдѣ постриженіе является уже какъ бы пережиткомъ, отзвукомъ далекаго прошлаго ¹⁾.

Что касается пѣсни о постриженіи дочери матерью ²⁾, записанной г. Перетцемъ, то вопреки увѣреніямъ нашего автора, она извѣстна въ печати. Не говоря уже объ отрывкѣ ея, находящемся въ «Онежскихъ былинахъ» А. О. Гильфердинга, на что есть указаніе и у Перетца, лучший вариантъ этой пѣсни, чисто пароднаго склада, записанъ въ Терской области. Вотъ его начало:

Да три года дѣвушка
Церковь строила...
Четвертый годъ дѣвушка
Богу молилась...
Какъ батюшкины грѣхи
Всѣ отмолила...
А матушкины грѣхи
Ихъ не отмолила...

— Поѣхалъ мой папенька
За царскимъ сыномъ...
Сударыня-матушка
За игуномъ-попомъ.
Хочетъ меня батюшка
Замужъ отдати...
Сударыня-матушка
Въ черницы постричь... э)

Мотивъ постриженія за грѣхи матери тотъ же, что и въ приведенной выше словинской пѣснѣ.

Нелишнимъ будетъ также отмѣтить, что по вызову академика Пекарскаго, заинтересовавшагося дѣломъ канонира Носова, А. В. Подсоловъ (изъ Арзамаса) сообщилъ еще одинъ вариантъ пѣсни о царицѣ Евдокии, впрочемъ, безъ имени послѣдней. Въ этой пѣснѣ говорится, что келейка поставлена

На Суздальской славной дороженькѣ ⁴⁾.

Какъ въ первомъ этюдѣ руководителемъ г. Перетца былъ г. Безсоновъ, такъ во второмъ—Потебня. Это отразилось и на матеріалѣ исследования: въ первомъ случаѣ Перетцъ не знаетъ иностранныхъ параллелей для пѣсенъ о постриженіи. Само собой естественно, что Потебня, обстоятельнымъ образомъ знакомый съ разнообразными сборниками пѣсенъ, доставлялъ я г. Перетцу возможность имѣть для наблюденій матеріалъ болѣе обильный и разнообразный. Подчеркнуть эту зависимость г. Перетца отъ его предшественниковъ я считаю необходимымъ, потому что читатель, который не найдетъ нужнымъ сравнивать его книжку съ трудами предшествующими, не будетъ въ состояніи ясно представить себѣ самостоятельность наблюденій автора, въ особенности въ виду его предисловія. Безъ

¹⁾ Изъ такихъ пѣсенъ, сдѣланныхъ уже игровыми, назову указанные выше изъ сборниковъ Балакирева, Можаровскаго, также № 29 «Крестьян. пѣс. въ с. Никольскомъ, Уфим. г., Пальчикова», пѣсню въ сообщеніи М. И. Семевскаго. «Торопецъ въ 1016—1863» (Зап. И. Рус. Геогр. Общ. 1864 г., кн. II, 134); послѣдняя представляетъ уже полное искаженіе. Срви. также пѣсни въ «Матер. по этногр. Вологодской губ.» Н. А. Иванцкаго. (Изв. Общ. Люб. естест., антр. и этногр., т. LXIX, стр. 232, 701), въ ст. Е. Передѣльскаго (Сборн. матер. для опис. Кавказа» т. III, отд. II, стр. 39, 84.

²⁾ Стр. 17—18.

³⁾ Е. Бутова. Станица Бородинская въ Терской обл. «Сборн. матер. для изуч. Кавказа», в. VI, отд. I, 105—108. Также извѣстна и другая пѣсня о добровольномъ постриженіи, записанная г. Перетцемъ (стр. 16). См. Ю. Н. Мельгуновъ. Русскія пѣсни, вып. I. М. 1879, № 21 и «Вологодскій Сборн.», т. IV. 1885. стр. 121—122.

⁴⁾ Пекарскій. О пѣснѣ, сложенной на постриженіе царицы Евдокии. Зап. И. Академін Наукъ, т. V, кн. II, 203—207. Извѣстно что несчастная царица была пострижена въ Суздальскомъ монастырѣ. Въ пѣснѣ, которую пѣлъ и за которую пострадалъ въ 1729 канониръ Носовъ нѣтъ имени Евдокии, хотя въ это время она всѣми признавалась за пѣсню несчастной царицы.

оговорокъ авторъ дѣлаетъ ссылки прямо на источники, часто даже не провѣривъ ихъ. Такии образомъ онъ пользуется сборникомъ пѣсень, собранныхъ Костомаровымъ и Мордочевой. Конечно, заглянуть въ самый сборникъ, который указанъ Безсоновымъ, г. Перетцъ, невидимому, не потрудился, почему дѣлаетъ невѣрную ссылку на него ¹⁾, а между тѣмъ въ этомъ же сборникѣ, рядомъ съ цитируемой въ первомъ этюдѣ пѣсней о постриженіи, есть пѣсня о мужѣ-разбойникѣ, которая пригодилась бы автору для его третьяго этюда. Во второмъ этюдѣ ссылки на Ербена и Челяковскаго взяты у Сушила (Mogavské národní písně, 1860); вотъ посему ссылки на 1-е изданіе Ербена, причеиъ ссылка въ примѣчаніи 6-мъ на стр. 25 невѣрна (какъ и у Сушила): вмѣсто I, 172 нужно I, 186 (№ 137). Впрочемъ, сборникомъ Сушила, независимо отъ ссылокъ на него другихъ, авторъ пользовался внимательно. Вслѣдствіе опечатки въ сборникѣ Гаупта и Смолера, откуда черпаетъ свои свѣдѣнія г. Перетцъ, взявши первое указаніе на этотъ сборникъ у Потебни, ²⁾ невѣрна ссылка на сборникъ Корытца (не I, 30, а I, 79) ³⁾. Всѣ ссылки на литовскія пѣсни у Nesselmann'a, въ рядкомъ сборникѣ Бржозовскаго, на Юевича (Ludvika z Pokiewia) взяты у Кольберга: Piesni ludu litewskiego; въ послѣднемъ изъ трехъ случаевъ, когда пользуется Кольбергомъ г. Перетцъ, знаменитый польскій этнографъ даже не упоминаетъ. ⁴⁾ Обиліе ссылокъ на разнообразныя сборники и труды можетъ удивить читателя; но на самомъ дѣлѣ, большая часть указаній и сопоставленій сдѣлана уже предшественниками г. Перетца. Жаль, что нашъ авторъ не указывалъ каждый разъ, гдѣ было простое заимствованіе; такъ напримѣръ, все примѣчаніе 3 на страницѣ 22, вмѣстѣ съ ссылками на Миклошича и Маценауэра, принадлежитъ дословно Потебнѣ. У Перетца есть ссылка и на Потебню, но въ концѣ его примѣчанія, послѣ указаній на Миклошича, такъ что, судя по этой ссылкѣ, на долю Потебни остается только одно замѣчаніе. Любопытно также, что во второмъ этюдѣ прямо сдѣлана ссылка на Головацкаго ⁵⁾:—такъ ссылался Потебня въ своихъ «Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ пѣсень», а въ третьемъ этюдѣ на «Чтенія въ Общ. Ист. и древностей» ⁶⁾. Последнее обстоятельство несомнѣнно зависитъ отъ того, что на «Чтенія» ссылались гг. Антоновичъ и Драгомановъ, откуда взята эта ссылка. Только въ одномъ случаѣ ⁷⁾ г. Перетцъ сознался, что цитируетъ сборникъ Зѣнькевича по Антоновичу и Драгоманову, заставляя такимъ образомъ предполагать, что остальные цитаты его предшественниковъ, по крайней мѣрѣ, имъ провѣрены...

Во второмъ этюдѣ авторъ разсматриваетъ пѣсни о гибели дѣвушки въ день свадьбы. Прежде всего приводится записанная имъ въ Новгородской губ. пѣсня «Казакъ ходилъ по Дону». Ея содержаніе: Молодецъ спрашиваетъ дѣвушку, отчего она плачетъ.—Въ дѣтствѣ, ей предсказала цыганка, что она потонетъ въ день свадьбы.

¹⁾ Стр. 11.

²⁾ Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсень. Рус. Филолог. Вѣстн. 1882 г. VIII, стр. 223.

³⁾ Вообще сборникомъ Корытца. Перетцъ пользовался только по изложенію у Гаупта и Смолера. Отсюда не точный пересказъ. «Танцуетъ съ нимъ (водянымъ) она проситъ его не кружить ее такъ сильно, но онъ не слушаетъ ея просьбу, и вотъ она замѣчаетъ, что онъ—водяной» (стр. 28). Но вотъ текстъ этой пѣсни:

Представленіе о плясунѣ—дѣволѣ, могущемъ заплакать 80 смерти дѣвушку, встрѣчается въ польской сказкѣ «Djabli tanek» (Эрбенъ. Сто славянск. сказокъ, № 40).

Mizika she gre plésat s njm,

On jo stiska zhe dalje bolj,

On ji stiska roké mozhno.

De ji's sa nohtov kri kapljá.

Mizika tako pravi, govori:

Mizika savpije p'emozhno:

«Ne stiskaj mi rok tak mozhno».

«Po-mé je prishel povodnji mósh».

⁴⁾ Стр. 34, примѣчаніе.

⁵⁾ Стр. 25.

⁶⁾ Стр. 44.

⁷⁾ Стр. 38.

— Не плачь, моя милая,
Я построю мостъ,
Мостъ чугуинный, длинной—
На тысячу верстъ.
Есть въ виду съ тобой поѣдемъ—
Я тѣ коней дамъ:
Впередъ то будетъ двѣсти,
А сто по бокамъ.

Вдругъ поѣздъ свернулся,
Всѣ конюхи въ рядъ,
Чугуинныя плиты
Стучать и греметь.
Вдругъ конь-то съ подъ невѣсты
Спотынулся, упалъ;
Донъ принялъ невѣсту...

Замѣчаніе автора, что пѣсня эта неизвѣстна по другимъ сборникамъ, положительно невѣрно. Кромѣ сборника Магницкаго (почему указаніе на вариантъ этого сборника попало только въ примѣчаніе?), находимъ 2 варианта въ сборникѣ архангельскихъ пѣсенъ Ефименко ¹⁾, одинъ вариантъ въ сборникѣ новгородскихъ пѣсенъ г. Студитскаго ²⁾ и вариантъ въ сборникѣ Е. Передѣльскаго ³⁾. Вообще, по моему мнѣнію, знакомство г. Перетца даже со сборниками великорусскихъ пѣсенъ довольно слабо. А между тѣмъ онъ нѣсколько не смущается высказать огульное обвиненіе такого рода: «Это обстоятельство (не нахождение нашей пѣсни) вѣроятно объясняется стремленіемъ нашихъ собирателей записывать пѣсни исключительно старинныя; пѣсни же, мало-мальски носящія книжный, литературный отбѣнокъ, хотя бы по языку, совершенно (??) игнорируются ими» ⁴⁾. Нѣтъ, это обстоятельство объясняется гораздо проще. При незначительной начитанности и маломъ знакомствѣ со сборниками пѣсенъ авторъ рѣшается громить всѣхъ собирателей пѣсенъ, иногда даже не досказывая и такимъ образомъ искажая чужія мысли. «Иные изъ собирателей, говоритъ онъ, даже высказываютъ мысль, что вовсе не стоитъ, не къ чему записывать современныя пѣсни (какъ наприѣръ г. Лопатинъ въ предисловіи къ своему сборнику)» ⁵⁾. Г. Лопатинъ предостерегаетъ начинающихъ собирателей отъ записыванія всего, что ни поется, рекомендуя критическое отношеніе и къ пѣснямъ, и къ пѣвцамъ. Указывая, какъ мало и а р о д н а г о, и много наноснаго элемента, въ пѣсняхъ новой формациі г. Лопатинъ говоритъ: «Въ большинствѣ случаевъ въ новомодныхъ пѣсняхъ лежитъ печать арфистокъ, шарманокъ, городскихъ трактировъ, именно всего того, что не имѣетъ ничего общаго съ нравами и бытомъ русскаго народа, коего жизнь совершается въ деревнѣ... Тратитъ силы и теряетъ время на сохраненіе этихъ новоиспеченныхъ произведеній, не только не стоящихъ вниманія, но часто и просто оскорбляющихъ художественное и даже нравственное чувство, не стоитъ собирателю, когда каждаго годъ дорогъ въ интересахъ сохраненія древнихъ народныхъ памятниковъ истинно-народной поэзіи» ⁶⁾. Если же пѣсни, въ родѣ:

«Вы сестрицы вы подружки,
Вы не дѣлайте того,
Не влюбляйтесь въ одного.
Моя тихая могила
Всю любовь погубила,
Всео дружбу развела.

Я по русски писать не умѣю.
По французски да напишу,
Напишу сестрицѣ я своимъ подружкамъ,
А свое подружекѣ словесно расскажу:
Ахъ въ кого я влюбилась,
Погубилася отъ кого».—

и любопытны, и достойны собранія, наряду со сборушками, вертушками и т. п., то записывать ихъ еще будетъ возможность, лишь были бы охотники.

¹⁾ Матеріалы по этногр. русск. населенія Арханг. губ. М. 1878, т. 11, 61, 130—131.

²⁾ Народы. пѣсни, собран. въ Новгород. г. СПб. 1874. Стр. 34—35, № 20.

³⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа. Т. III, отд. II, стр.

⁴⁾ Стр. 21.

⁵⁾ Стр. 21.

⁶⁾ Предисловіе, стр. 10.

Записанную имъ пѣсню г. Перетцъ сопоставляетъ, пользуясь указаніями Потебни, съ пѣснями сербскою, болгарскою, лужицкою; далѣе, съ нѣмецкою (изъ сборника Кречмара), словинскою и передѣлкою нѣмецкой народной пѣсни у Гердера (по указаніямъ Гаупта и Смолера), съ литовскими пѣснями—по указаніямъ О. Кольберга. Самостоятельными сближеніями этой темы у автора слѣдуетъ признать указаніе на латышскую пѣсню изъ сборника Спрогиса и на нѣмецкую изъ сборника Миттлера.

Судя по нѣкоторымъ книжнымъ оборотамъ, чередующейся римомъ, можно предположить, что записанная г. Перетцемъ пѣсня, подверглась значительному литературному вліянію.

Наиболѣе близкой къ этой пѣснѣ авторъ считаетъ пѣсню лужицкую. Въ ней отецъ рѣшилъ выдать замужъ дочь; на ея просьбы подождать еще годъ онъ не обращаетъ вниманія. И вотъ является водяной, идетъ въ ея комнату и «заставъ ее въ слезахъ, начинаетъ утѣшать и спрашиваетъ»:

«Pře čo ty plačeš, holečo,
Ty moja luba newesta?»
— Káda ja plakač nedyrbju,
Dyž šitky ludžo praja,
Ze sy ty wodnej žony syn.
«Nech woni přeco praja,
Tola ci hinak nebudže...

Ja 'ču ci dać most twarići,
Wot lutoh'zlota sljebora.
Ja'ču ci daći přez njon wesć
Ze tsicyćimi wozami
Ze štyrcicimi konjami».
— Da pòl pam mosta nespšindže,
Da so most poča spadować.

Послѣ этого разсказывается, какъ бѣдная дѣвушка прижила водяному 8 сыновей, какъ отпрашивается у него домою; но за то, что она остается на обѣдѣ до благословенія, онъ на глазахъ матери убиваетъ ея дѣтей и самъ вѣшается на дверяхъ. Подобныя пѣсни есть у нѣмцевъ, словинцевъ. Въ одномъ датскомъ варіантѣ этой пѣсни, переведенномъ Гердеромъ, нѣтъ второй части этой пѣсни—возвращенія дѣвушки на землю и мести водяного. «Это обстоятельство—говоритъ авторъ—дастъ намъ нѣ въ какомъ основаніи предположить, что русская пѣсня нашего собранія заимствована посредствомъ литературы съ Запада... Путь заимствованія представится намъ приблизительно слѣдующимъ: нѣмецкая народная пѣсня подверглась литературной обработкѣ у Гердера, который взялъ тему у народа, близкаго ему по національности; далѣе баллада могла быть перенесена на русскую почву въ переводѣ и, наконецъ, тѣмъ или инымъ путемъ проникнуть въ народъ. Здѣсь мы можемъ обратить вниманіе на круговое движеніе: тема, вышедшая изъ народа, черезъ поэта-романтика снова вернулась къ народу» ¹⁾. Трудно согласиться съ г. Перетцемъ. Не противорѣчитъ ли его заключеніе о кругообращеніи темы тому положенію, что «поддѣльныя» ²⁾ народныя пѣсни мало прививаются въ народѣ и отличаются весьма малою въ немъ устойчивостью? Если допустить, что въ пѣснѣ русской отразилось вліяніе пѣсни нѣмецкой или славянской, то его можно объяснить и помню Гердера. Чтобы принять предположеніе г. Перетца, необходимо немалое количество смѣлыхъ домысловъ. Нужно указать русскій переводъ баллады Гердера, способъ, какимъ онъ могъ попасть въ народъ (вмѣсто неяснаго «того или иного пути»), опредѣлить, что именно и почему вошло въ русскую пѣсню.

Необходимо вообще при изученіи пѣсней обращать вниманіе не только на черты сходства русскихъ пѣсней съ нѣмецкими, но и на черты ихъ различія. Въ основѣ этихъ пѣсней лежатъ два различныя мотива: бракъ съ милымъ, но несчастный (въ русской пѣснѣ) и бракъ насильный—съ водянымъ (въ п. нѣмецкой, лужицкой и др.). Въ первомъ случаѣ дѣ-

¹⁾ Стр. 33.

²⁾ Стр. 32: «Датская пѣсня, переведенная, вѣрнѣе сказать, передѣланная нѣмецкимъ поэтомъ Гердеромъ».

вѣшка не можетъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ и погибаетъ, во второмъ принуждена жить съ чудовищемъ и подчиняться ему. Любопытно обратить вниманіе на роль отца и матери въ пѣсняхъ нерусскихъ. Бракъ съ водянымъ является какъ бы послѣдствіемъ отдѣлаться отъ дѣвочки, или же вслѣдствіе проклятія матери (какъ въ пѣснѣ словинской). Въ первой роли является мать въ свадебныхъ пѣсняхъ чешскихъ и русскихъ: сначала она успокаиваетъ дочь, находящуюся въ страхѣ предъ столь тяжелымъ переворотомъ въ ея жизни, потомъ, не принявши никакихъ предосторожностей при прибитіи жениха, выдаетъ ему дочь, такъ сказать, «головой».

Находящаяся въ сборникѣ Станка Врза словинская пѣсня «Dominkowa Ančika» ¹⁾ совпадаетъ нѣкоторыми чертами съ пѣснями о водяномъ, говорящая о насильномъ бракѣ съ туркомъ. Мужъ не отпускаетъ жену къ матери, пока та не родила сына. Снова просить она о свиданіи съ матерью.

— Zdaj ne poideš k materi,
Spustiu te nebòm nič pred,
Da bo sin star sedem lét.
Saj še lepši vidit bo
Ko bo sinik šou z tabo.

Но проходить и 7 лѣтъ, и мужъ говорить:

— Morem ti povédati,
Vse tolažbe so zdaj preč,
Kez ne poideš nikdar več!
Ančika pade, omedli,
Dušo per ti prič pusti ²⁾.

Это сопоставленіе любопытно для сужденія о смѣшеніи сюжета чисто мнѣческаго съ историческимъ.

Обращаясь къ русской пѣснѣ, рассмотримъ ея особенности и своеобразныя черты. Сопоставимъ начало пѣсни съ малорусской свадебной причетью:

По Дону гуляетъ
Казакъ молодой

Онъ на ворономъ конѣ
Въ сбруѣ златой.

Раскрасавица плачетъ
Надъ быстрой рѣкой.

— О чемъ, Маша, плачешь?
— О чемъ слезы льешь?

— Коня ли тебѣ жалко

— Али збруи золотой?
«Не жалко мнѣ збруи,
«Не жалю коня».

— Отца ли тебѣ жалко

— Али матери родной?

«Не жалко мнѣ матери,
«Не жалко отца».

— Братца ль тебѣ жалко,
— Аль сестерь своихъ?

«Не жалко мнѣ братца,
«Не жалю сестерь

«Растопишехонько жалко,
«Тебя молодца:

«Когда я молода—молодешенька,
«Ребеночкомъ была,

«Мнѣ бѣлая цыганка
«За ручку брала»... з)

¹⁾ Narodni p̄smi Jllirske, skupio St. Vraz, I, 155 - 157.

²⁾ Г. Перетцъ не остановился на нѣкоторыхъ вариантахъ пѣсни «Wassermann» въ цитируемомъ имъ сборникѣ Mittler'a (стр. 443), которые озаглавлены «Die schöne Hannale».

³⁾ Ефименко, II, стр. 130—131.

А вотъ нѣсня малорусская ¹⁾:

Війшла молода
Й в свій городчик,
Тай рве бервіночки
Собі на вінчик,
Та жалібненько плаче.

Віходе й до неї

Тай жеї ненько:

— Та чого, ти, сынку, плачеш:

Тай ци жаль тобі
Подвіря мого,
Ци мене старенького?
— Не жаль мені
Ні тебе старенького,
Але жаль мені
За косов росов ²⁾.

Судя по этому сопоставленію, начало пѣсни чисто народное; къ нему придѣлать конецъ подѣ влияніемъ какого нибудь литературнаго образца, указать который я не могу.

Можно даже догадываться, гдѣ произошла спайка этихъ мотивовъ: народнаго и литературнаго. Въ вариантѣ Студитскаго читаемъ:

— Мнѣ жаль дружка милого,
Вспокинулъ меня.
Когда я безпечна
Малюткой была,
Тогда же пыганка
За ручку брада... ³⁾

Я бы не рѣшился на основаніи сближеній, приведенныхъ у г. Перетца, говорить о связи пѣсенъ русской и нѣмецкихъ и о влияніи послѣднихъ на первую, главнымъ образомъ въ силу различія ихъ сюжетовъ.

Заканчивая разборъ второго этюда, я укажу на одну странность. Что вода символъ любви, жость—брака, это мнѣніе высказано давно. Вотъ почему неточно выраженіе: «Игра Мосты и пѣсни къ ней относящіяся еще болѣе подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе» ⁴⁾. Странно также звучитъ подобная ссылка нашего автора: «Изслѣдуя аналитически рядъ пѣсенъ, мы убѣждаемся въ томъ, что общая схема ихъ слѣдующая: 1) образъ символъ, порою сравненіе, взятое изъ вѣдшей природы и 2) объясненіе этого символа бытовыми чертами. Отсюда «зерномъ» пѣсви мы называемъ ту часть ея, изъ которой развивается дальнѣйшее повѣствованіе, т. е. образъ-символъ. То же А. Н. Веселовскій... и подробности е наша статья въ журналѣ «Живая Старина» 1892, IV выпускъ ⁵⁾». Между тѣмъ въ замѣлкѣ г. Перетца, на которую онъ въ данномъ мѣстѣ ссылается, о книгахъ гг. Желобовскаго, Скрынской и Веселова—никакихъ дополненій къ замѣчанію А. Н. Веселовскаго нѣтъ.

Что касается третьяго этюда, касающагося пѣсенъ о мужѣ-разбойникѣ, то останавливаться на немъ я не буду. Укажу только, что вслѣдъ за г. Антоновичемъ и Драгомановымъ, нашъ авторъ приводитъ варианты этой пѣсни изъ сборниковъ Везсонова, Зьнькевича, Караджича, Жеготы Паули, Ст. Вряза, Суингла, Головацкаго, Дешка, Кольберга, дополнивъ ихъ указаніемъ на варианты сборниковъ Смирнова (рукописнаго), Гера-

¹⁾ Купчанко. Пѣсни буковин. нар. (Записки Юго-Зап. отд. Геогр. Общ. II, 476).

²⁾ Ср. также Zienskiewicz. Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851, стр. 54.

³⁾ Студитскій. Новгородскія пѣсни. Спб. 1874, стр. 34—35.

⁴⁾ Стр. 25.

⁵⁾ Стр. 6—7.

симова, Носовича, Чубинскаго и Варенцова. ¹⁾ Изъ великорусскихъ пѣсенъ того же содержанія можно было бы указать на пѣсни, находящіяся въ сборникѣ Костомарова и Мордовцевой ²⁾, Пальчикова ³⁾, Халанскаго ⁴⁾, П. Шейна ⁵⁾, Е. Передѣльскаго ⁶⁾, П. Кириллова ⁷⁾, Н. Иваничкаго ⁸⁾ также на бѣлорусскіе варианты въ сборникахъ Е. Карскаго ⁹⁾, Е. Романова ¹⁰⁾. Новыя сближенія, мнѣ кажется, могутъ поколебать сужденіе автора объ этой пѣснѣ. Онъ думаетъ, что «наша пѣсня скорѣе всего можетъ быть приурочена къ югу (какому югу?); такъ можемъ мы предполагать на основаніи того, что на югѣ у словаковъ и (!) малоруссовъ мы находимъ наиболѣе развитые и богатые содержаніемъ варианты. Слѣдую отсюда на сѣверъ—въ область, занятую великорусскимъ племенемъ, и далѣе (!) на югъ, къ сербамъ, мы замѣчаемъ, что тема теряетъ многія черты, изложеніе становится блѣднымъ и теряетъ жизненность и драматизмъ» ¹¹⁾.

Впрочемъ, своимъ сужденіемъ авторъ дорожитъ мало. Онъ не прочь даже отъ предположенія, что наша пѣсня могла быть заимствована у нѣмцевъ ¹²⁾. Итакъ окончательнаго сужденія о ней у г. Перетца нѣтъ. Принимать же заимствованіе отъ словаковъ или нѣмцевъ нельзя впрочемъ ранѣе, чѣмъ по выраженному раньше требованію нашего автора не будетъ доказано, «что пѣсня не могла явиться самостоятельно у русскихъ» ¹³⁾. А то вѣдь можно впасть въ ошибку г. Жданова «утверждающаго, что пѣсни злой свекрови заимствованы нами съ запада; точно нигдѣ кромѣ Запада не бываетъ разлада въ семьяхъ» ¹⁴⁾.

Заканчивая мой отзывъ о книжкѣ г. Перетца, я обобщу свои замѣчанія. Работа автора мало продумана. Во многихъ случаяхъ онъ былъ небреженъ въ пользованіи источниками, часто не проверяя своихъ предшественниковъ и не особенно внимательно просматривая сборники; отсюда воплѣ естественны пропуски того, что не указано другими. Къ сожалѣнію, ему остались неизвѣстны даже такіе сборники русскихъ пѣсенъ, какъ гг. Халанскаго, Ефименко, Студитскаго, Романова. Что касается методологическихъ приѣмовъ автора, то, не смотря на нѣкоторыя вѣрныя по этому поводу замѣчанія въ предисловіи, они не выдерживаютъ критики. Установка такъ называемыхъ «родословныхъ» текстовъ дѣло очень трудное, и иной разъ лучше отъ нея отказаться, какъ и сдѣлалъ, по видимому, авторъ въ послѣднемъ своемъ этюдѣ. Имѣютъ значеніе записанныя авторомъ пѣсни: двѣ перваго мотива, двѣ втораго и одна третьяго. Имѣютъ также значеніе самостоятельныя сближенія автора. При всемъ томъ, признавая за авторомъ нѣкоторую начитанность по предмету, имъ избранному, я полагаю, что отношеніе его къ источникамъ должно было бы быть иное. Ссылки на Потебню, Антоновича и Драгоманова и другихъ у него есть, но онѣ должны быть болѣе опредѣленными, съ указаніемъ всякій

¹⁾ Неправъ поэтому нашъ авторъ, говоря (стр. 35): «Сравнительнымъ изученіемъ пѣсенъ этого рода никто до сихъ поръ не занимался, кромѣ гг. Антоновича и Драгоманова, давшихъ указанія на нѣкоторые варианты данной темы, что и составляетъ главную цѣнность ихъ труда. Здѣсь сведены извѣстные этимъ ученымъ малорусскіе варианты изъ печатныхъ сборниковъ Zielińskiego, Z. Pauli и рукописнаго сборника г. Сняцкаго». На самомъ дѣлѣ, указаній на варианты въ трудѣ названныхъ ученыхъ гораздо больше.

²⁾ Лѣтоп. рус. лѣтер. и древн. IV, 64.

³⁾ Пѣсни Уфимск. губ. Спб. 1888, № 48.

⁴⁾ Рус. Филолог. Вѣстн. 1883, т. X, стр. 173.

⁵⁾ Рус. нар. былинн. Чтенія въ Общ. Ист. и древн. 1859, кн. III, 154.

⁶⁾ Стан. Темизбекская и пѣсни, поющіяся въ ней. «Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа». III, отд. II, стр. 78.

⁷⁾ Сборн. матер. для опис. Кавказа, т. IV, отд. II, стр. 128.

⁸⁾ Вологодскій Сборникъ, изд. подъ ред. Н. Полиѣктова. Т. III. Вологда. 1883, стр. 328—329, №№ XVI и XVII.

⁹⁾ Рус. Фил. Вѣстн. 1884, т. XII, стр. 126.

¹⁰⁾ Бѣлорусскій сборникъ, в. 1 и 2. Кіевъ. 1885, стр. 105.

¹¹⁾ Стр. 46.

¹²⁾ Ibid.

¹³⁾ Стр. 6.

¹⁴⁾ Ibid.—Отвѣтственность за эти слова всецѣло конечно падаетъ на г. Перетца.

разъ, гдѣ авторъ идетъ самостоятельнымъ путемъ в гдѣ пользуется только работой предшественниковъ. Равнымъ образомъ и согласіе съ мнѣніями установившимися должно быть выражаемо не въ той формѣ, какъ это принято г. Перетцемъ. Авторъ чувствуетъ большую слабость къ цитатамъ, нѣкоторыя изъ нихъ положительно излишни (напримѣръ ссылки на статью Адриана—стр. 10, почти все примѣч. 3 на стр. 22). Я нахожу, что разобранная мною книжка была напечатана съ ничѣмъ не оправдываемою поспѣшностью. Воспользоваться большимъ количествомъ матеріала, указывать который не входило въ принятую мною задачу, было бы для автора необходимымъ. А для того, чтобы высказывать общія положенія, притомъ противорѣчащія установившимся, обязательно ихъ обосновать. На предисловіе къ книжкѣ мы привыкли смотрѣть какъ на общее сужденіе, вытекающее изъ изслѣдованій автора, и мы вправѣ пенять ему, что предисловіе не оправдывается содержаниемъ его работы.

Написать изслѣдованіе изъ области народной поэзіи и легко, и трудно. Легко—если воспользоваться только работами и сопоставленіями предшественниковъ, нѣсколько только развивъ ихъ сопоставленія и мысли; трудно—если авторъ поставитъ цѣлью продумать всѣ предшествующіе взгляды, дополнить и даже видоизмѣнить ихъ на основаніи матеріала, взятаго въ возможно болѣе широкомъ объемѣ. Если г. Перетцъ согласится со мною, что не все, что накопляется въ черновыхъ бумагахъ изслѣдователя достойно печати, то въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ, опубликованіемъ которыхъ онъ снѣшитъ не будетъ, онъ можетъ дать намъ болѣе самостоятельную и болѣе соответствующую научнымъ требованіямъ работу.

Я подвергнувъ подробному разбору книгу г. Перетца, съ цѣлью указать на то скромное мѣсто, какое она занимаетъ въ ряду работъ по народной словесности. Притомъ я нигдѣ въ виду двѣ опѣнки этой книги, данныя самимъ авторомъ ея. «Смѣемъ думать,—писалъ онъ первоначально,—что какъ бы ни были случайны указанія, собранныя нами, они не пройдутъ безъ пользы для сравнительнаго изученія исторіи народной поэзіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь даны нами и новыя дополненія къ общезвѣстному запасу фактовъ»¹⁾. Но позже, резюмируя одно свое сообщеніе въ «Шисытъ» на имя редактора «Новаго времени», г. Перетцъ заявляетъ: «У насъ много писано о народной пѣсенѣ, но никто не рѣшился до сихъ поръ серьезно изучать ее, пользуясь правильнымъ научнымъ методомъ; не сдѣланъ у насъ анализъ ея какъ со стороны формы такъ и содержанія. Для исторіи пѣсни необходимо утвердить и прочно обосновать термины: старинная и новая пѣсня, и потому необходимо заняться изученіемъ пѣсенныхъ сборниковъ прошлаго вѣка... Въ заключеніе я указалъ на необходимость такого сравнительнаго анализа содержанія пѣсенъ, какой сдѣланъ былъ мною относительно трехъ пѣсенныхъ темъ въ моемъ изслѣдованіи: Современная русская народная пѣсня...»²⁾ Какъ видно, тутъ дана уже совершенно иная опѣнка. Она даже сильно меня смущаетъ. Если до сихъ споръ никто научно не изучалъ народной пѣсни, а г. Перетцъ показалъ, какъ слѣдуетъ изучать, анализировать ея содержаніе, то несомнѣнно авторъ полагаетъ въ этомъ изученіи новую эру, со времени выхода его брошюры. Но изслѣдованія Потебни, Веселовскаго, Антоновича?!... Или, быть можетъ, я не понимаю г. Перетца?

Аркадій Лященко.

¹⁾ Современ. рус. нар. пѣсня, стр. 47.

²⁾ Нов. Время. 1894, № 6513, отъ 16 апрѣля.

О трудахъ А. Н. Веселовскаго ¹⁾.

Одна изъ главнѣйшихъ задачъ этнографіи—изученіе народнаго эпоса, народныхъ преданій, пѣсенъ и сказокъ. Эти памятники устной словесности представляютъ незамѣнимое пособіе для ознакомленія съ духовной культурой народа, съ запасомъ его повѣрій, историческихъ воспоминаній, поэтическихъ образовъ, накопившихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Культура ново-европейскихъ народовъ, въ частности народа русскаго, развивалась подъ разнообразными вліяніями, складывалась изъ разнovidныхъ элементовъ. Отзвуки отдаленной обще-арійской эпохи, особенности племенныхъ группъ, воздѣйствіе греко-римской образованности, культурныя теченія, приходившія съ Востока, все это, переплетаясь, входило въ жизнь европейскихъ народовъ и образовало ту пеструю смѣсь, остатки которой дошли до насъ въ видѣ этнографическаго матеріала, отыскиваемаго въ большинствѣ или меньшемъ обиліи во всѣхъ странахъ нашего культурнаго міра. Чтобы разобраться въ этомъ сложномъ матеріалѣ, чтобы опредѣлить значеніе его составныхъ частей, чтобы опредѣлить слон, накопившіяся въ области народнаго вѣрованія и народной поэзіи, нужны обширныя разысканія, основанныя на началахъ строгой исторической и филологической критики. Этнографія соприкасается въ этихъ розысканіяхъ съ исторіей литературы.

Въ нашей ученой литературѣ есть рядъ трудовъ, въ которыхъ памятники народно-поэтическаго преданія разсматриваются въ исключительно историко-критическомъ направленіи. Лучшіе и наиболѣе цѣнные изъ этихъ трудовъ принадлежатъ, безспорно, профессору С.-Петербургскаго университета Николаевичу Веселовскому.

Лѣтопись учено-литературной дѣятельности почтеннаго профессора охватываетъ уже 35 лѣтъ.

Въ I томѣ «Лѣтописей русской литературы и древности», появившемся въ 1869 году, помѣщена была небольшая статья по поводу одного изъ выпусковъ Гауптова журнала: *Zeitschrift für deutsches Alterthum* (XI Bandes 2 Heft). Подъ статью подписано было имя молодого автора, впервые выступавшаго въ ученой литературѣ: «А. Веселовскій». Въ упомянутой книжкѣ нѣмецкаго журнала помѣщены были: статья Ригера о Тацитовыхъ Ингевопахъ, Истевонахъ и Гермионахъ, статья В. Гримма объ испанскихъ сказкахъ и др. Въ разборѣ этихъ статей рецензентъ обнаруживалъ такое обширное знакомство съ литературой миеологическихъ преданій и народныхъ сказокъ и такое умѣнье работать надъ народно-поэтическимъ матеріаломъ, которыя давали основаніе утверждать, что въ лицѣ г. Веселовскаго наша наука приобрѣтала сильнаго дѣятеля, отъ котораго можно ожидать много цѣнныхъ и важныхъ работъ.

Эти ожиданія сбылись въ полной мѣрѣ. Доказательствомъ служить длинный списокъ учено-литературныхъ трудовъ Александра Николаевича. Пересматривая этотъ списокъ, поражаешься прежде всего разнообразіемъ и обширностью его научно-литературной дѣятельности. Начиная съ 1866 года не проходило ни одного года, въ теченіе котораго не

¹⁾ На основаніи этого отзыва, написаннаго по просьбѣ и порученію медальной Комисіи, А. Н. Веселовскому присуждена Отдѣленіемъ Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества Константиновская медаль.

появилось бы несколько работ г. Веселовского. Такая ученая плодовитость представляется тем более примечательной, что в числе этих быстро следовавших одинъ за другимъ трудовъ есть несколько такихъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности могъ бы доставить автору почетную извѣстность: «Вилла Альберти», «Сказанія о Соломонѣ и Морольфѣ», «Кіевскія былинны», «Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха», «Изъ исторіи романа и повѣсти» и др.

Проф. Буславъ, разбирая одну изъ названныхъ работъ, — именно книгу о Соломонѣ и Морольфѣ, называетъ ее «капитальнымъ приобрѣтеніемъ нашей ученой литературы». — «Всматриваясь въ работы г. Веселовскаго, — писалъ въ 1877 г. покойный академикъ Н. И. Срезневскій, — видимъ обширное знакомство съ первичными источниками, частію нежданними или же провѣренными имъ по рукописямъ, разнообразіе сравнительныхъ припоминаній, уясняющихъ сравниваемое, отчетливыя объясненія подробностей данными изъ словесности и языка и научную требовательность изслѣдователя, старающагося сдѣлать выводы, имъ достигаемые, достойными довѣрія самыхъ взыскательныхъ скептиковъ. — И не только въ особыхъ изслѣдованіяхъ, но и въ статьяхъ, написанныхъ по поводу появленія на свѣтъ разныхъ изданій, русскихъ и иностранныхъ, г. Веселовскій постоянно не только затрагивалъ, но и уяснял нѣкоторые изъ задачъ средневѣковой и народной устной словесности». — Срезневскій заканчиваетъ оцѣнку трудовъ А. Н. Веселовскаго словами: «Въ русской научной литературѣ они не замѣнимы». (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XVIII, стр. LXXIX—LXX).

Приведу еще одинъ отзывъ о трудахъ г. Веселовскаго, — отзывъ историка нашей этнографіи. Подробно разсмотрѣвъ дѣятельность нашего уважаемаго академика, А. Н. Пыпинъ приходитъ къ такому общему выводу.

«Чрезвычайно цѣннымъ качествомъ изслѣдованій г. Веселовскаго является вообще стараніе разяснять историческій генезисъ преданія съ тѣхъ его формъ, какія только возможно услѣдить или предположить въ древнѣйшую пору, и съ тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ развитій, какія испытало оно на пространствѣ столькихъ вѣковъ, подвліяніемъ столькихъ новыхъ условій народной жизни и народной мысли. Очевидно, что только въ этомъ видѣ и можетъ быть понято соотношеніе древняго преданія и его новѣйшихъ отголосковъ. Объ этомъ догадывались прежніе изслѣдователи, но рѣдко проводили мысль историческаго развитія въ самомъ анализѣ преданія: всего чаще, увлекаемые примѣромъ Гримма, а также не владѣвшіе на первое время достаточнымъ запасомъ сравнительнаго матеріала, они слишкомъ легко переходили отъ очень древняго къ очень новому и, вообще говоря, увидали въ современномъ народномъ міровоззрѣніи гораздо больше остатковъ первобытнаго язычества, чѣмъ было ихъ на самомъ дѣлѣ. Въ розысканіяхъ г. Веселовскаго, напротивъ, едва ли не гораздо сильнѣе и вліятельнѣе въ этомъ смыслѣ является эпоха «двоевѣрія», когда въ старое народное преданіе влился цѣлый потокъ новаго христіанскаго, и особливо популярно-христіанскаго и «отреченнаго» міеза, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ и народной вѣрой, и фантазіей. Трудамъ г. Веселовскаго въ особенности принадлежитъ заслуга разясненія этой критической поры въ развитіи народнаго преданія: не только указано было въ нихъ обширное вліяніе популярныхъ христіанскихъ элементовъ на народное міровоззрѣніе; не только раскрыта была тѣсная связь послѣдняго съ средневѣковымъ двоевѣріемъ вообще, но, что было въ особенности любопытно и исторически важно, сдѣланы намеки на такіе примѣры международнаго культурнаго взаимодействія, о которыхъ не знаетъ писанная исторія, и которые заставляютъ угадывать цѣлую давнюю эпоху народной культурной жизни во времена почти до-историческія. (Исторія Русской Этнографіи. Т. II, стр. 281—282).

Наша Академія Наукъ давно оцѣнила ученые заслуги проф. Веселовскаго. Въ 1877 году онъ избранъ былъ членомъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности. Въ настоящее время г. Веселовскій имѣетъ званіе ординарнаго академика.

Богатство литературныхъ данныхъ, собранныхъ въ трудахъ нашего ученаго, талантливаго и строго научнаго разработка этихъ данныхъ, доставили ему широкую извѣстность

и въ западномъ ученоемъ мірѣ. Болонскій университетъ почтилъ его докторскимъ дипломомъ. Вѣнская Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ недавнее время русскій академикъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Мюнхенской академіи наукъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что знакомство западныхъ ученыхъ съ трудами нашего академика облегчалось тѣмъ, что нѣкоторые его изслѣдованія печатались въ изданіяхъ французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ (*Romania*, *Archiv für Slavische Philologie*, *Russische Revue* и др.). Раннія работы г. Веселовскаго написаны были по-итальянски (*Novella della figlia del re di Dacia*, 1866; *Il Paradiso degli Arberti*. Четыре тома. 1867—1869 г.).

Авторитетную оцѣнку, сдѣланную нѣсколькими учеными учреждениями, я могу дополнить лишь бѣглымъ обзоромъ литературной дѣятельности А. Н. Веселовскаго.

Труды А. Н. Веселовскаго можно раздѣлить на три отдѣла.

I) Работы по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Таковы упомянутыя уже изданія, появившіяся на итальянскомъ языкѣ. За ними идетъ рядъ изслѣдованій, принадлежащихъ русской ученой литературѣ: Данте и символическая поэзія католичества; Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтій; Джордано Бруно; Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы; Раблэ и его романъ, Робертъ Гринъ и его послѣдователи и др. Въ недавнее время г. Веселовскій обогатилъ нашу литературу переводомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ всемірной литературы, — Декамерона Боккачіо. Переводъ исполненъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Дополненіемъ къ переводу служитъ обширное изслѣдованіе о жизни и литературной дѣятельности знаменитаго автора всемірно извѣстныхъ новеллъ: Боккачіо, его среда и сверстники. Вышла пока первая часть его труда. Одновременно съ Декамерономъ, г. Веселовскій напечаталъ другую переводную работу, переносящую насъ изъ Италіи XIV вѣка на другой край европейскаго міра, — въ Исландію XII вѣка. Работа эта: Вѣщаніе Вѣлвы (*Völuspa*) и новѣйшая экзегеза». Здѣсь помѣщенъ русскій переводъ Волхвы, съ обширными примѣчаніями, которыми приданъ видъ разбора книги Г. Мейера: *Völuspa*.

Едва ли нужно говорить, что для исполненія всѣхъ этихъ работъ требовалось глубокое знаніе языковъ и литературъ романскихъ и германскихъ народовъ. Для тѣхъ, кто интересуется преимущественно этнографическими вопросами, важно обратить вниманіе на связь этихъ историко-литературныхъ работъ г. Веселовскаго съ розысканіями въ области народно-поэтическихъ преданій. Такъ, названное уже «Вѣщаніе Вѣлвы» переноситъ насъ въ самую глубь «двоевѣрія» или «подувѣрія», представляя яркій примѣръ сліянія христіанскихъ преданій съ незабытыми еще образами мифологическаго эпоса.—Поэма Данте, о которой г. Веселовскій говорилъ въ одной изъ своихъ раннихъ статей, коренится, какъ извѣстно, на почвѣ христіанско-легендарныхъ представленій о загробной жизни, — представленій, накопившихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Разсмотрѣнію этихъ представленій посвящено нѣсколько работъ нашего ученаго: «Безразличныя и обоюдныя въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи», «Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ», «Эпиводе о раѣ и адѣ въ писаніи Новгородскаго архіепископа Василія» и др.

II) Изданія и изслѣдованія памятниковъ старо-русской письменности: «Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ»; «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морозѣ и Мерлинѣ»; «Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ»; «Повѣсть о Дигенисѣ»; «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ»; «*Italianische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrhunderts*»; «Слово о двѣнадцати снахъ Шахалши»; «Изъ исторіи романа и повѣсти» (два тома); очеркъ литературной исторіи старо-русскихъ повѣстей (въ «Исторіи русской словесности», Галахова, изд. 2-е. Не имѣя возможности говорить о всѣхъ этихъ трудахъ, остановлюсь лишь на двухъ изъ нихъ. Книгѣ о Соломонѣ г. Веселовскій далъ еще другое, болѣе общее заглавіе: «Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада». Это заглавіе даетъ указаніе на ту историко-литературную задачу, которую поставилъ себѣ авторъ. «Фактъ вліянія восточныхъ представленій на европейскую мысль, говоритъ нашъ ученый,

является общепризнаннымъ. Но для историка онъ остается все еще вопросомъ, пока не раскрыты точнѣе обстоятельства, при которыхъ совершилось это вліяніе, и не одна только возможность, но и пути перехода. На послѣднее требованіе отвѣчали различно: говорили о старыхъ торговыхъ связяхъ, о паломникахъ къ святымъ мѣстамъ Востока, приносившихъ къ намъ заморскія легенды и сказки; о столкновеніи Европы и Азіи въ пору крестовыхъ походовъ; объ испанскихъ арабахъ, вторгшихся вліномъ въ европейскую цивилизацію; наконецъ, о посредствѣ монголовъ... Вопросъ о вліяніи восточныхъ сказаній на повѣствовательную литературу Запада остается по прежнему въ такомъ положеніи: мы признаемъ, что общеніе между Востокомъ и Западомъ было, на это есть историческія данныя; намъ стали извѣстны ряды сказокъ, легендъ и эпическихъ мотивовъ, общихъ той и другой области—и мы заключаемъ, что они—результатъ того же историческаго общенія. Когда и гдѣ оно совершилось—это и есть искомое, которое все еще необходимо опредѣлить... Занятія въ области такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей, должны привести къ убѣжденію, что прочные результаты могутъ быть получены здѣсь лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе ограничится на первый разъ группой сказаній, гдѣ найдется такая посредствующая форма, облегчающая подлинность историческаго перехода, т. е. группой литературныхъ фактовъ. Литературное вліяніе Востока на Западъ, насколько оно засвидѣтельствовано памятниками, представляется мнѣ единственно существеннымъ—потому что оно и можетъ быть доказано, и должно было быть устойчивѣе. Рассказы паломниковъ и монголовъ-номадовъ мы должны принять на вѣру, тогда какъ не нужно особаго усиленія мысли, чтобы понять, почему повѣсти изъ Панчатантры и Семи Мудрецовъ, такъ долго удержались въ народномъ сознаніи Запада. Мы знаемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, литературную исторію этихъ сборниковъ, знаемъ, когда европейцы открыли ихъ впервые, какіе съ нихъ сдѣланы были переводы, познакомившіе западное общество съ сюжетами, которые до тѣхъ поръ были ему неизвѣстны. Эта точка зрѣнія на предметъ опредѣлила и выборъ моей темы: «Европейскія повѣсти о Соломонѣ».

Обширная ученость нашего автора дала ему возможность прослѣдить литературную исторію Соломоновой саги отъ ея древнѣйшихъ восточныхъ образцовъ до позднѣйшихъ европейскихъ переработокъ. Общій выводъ, къ которому приходитъ изслѣдователь, таковъ: «Основа этихъ неканоническихъ повѣстей обличаетъ происхожденіе съ дальняго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу они проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя. Такимъ образомъ, одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой ступени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впоследствии и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое я гадательно отнесъ на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство религіозныя воззрѣнія и легенды арійскаго Востока. Въ той и другой редакціи, Соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими статьями такого же двоевѣрнаго характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ. Это—третья ступень перехода. У насъ есть извѣстіе, что въ концѣ V-го вѣка, апокрифъ о Соломонѣ былъ знакомъ на Западѣ, и что противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ жнзнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, безъ сомнѣнія, изъ Византіи. Другія западныя свидѣтельства отъ X-го вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная рецензія отличалась особымъ характеромъ, напр., собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличіе отъ восточной, т. е. византійско-славянскій.—Съ X-го вѣка или, вѣрнѣе, съ XI-го мы наблюдаемъ новое явленіе: апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фавльмъ, и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на Западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былинку, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западную—латинскую и византійскую—славянскую. Обѣ они развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, причѣмъ преимущество вымысла и поэзіи безспорно

принадлежить западу; иной раз онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII вв., и въ Россію, такъ что позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній; надъ старой византійской легендой въ нихъ надслоились западные рассказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника» (стр. III—VI).

Трудъ свой по исторіи романа и повѣсти г. Веселовскій называетъ: «Матеріалы и изслѣдованія». Это заглавіе вполне соответствуетъ содержанію книги. Здѣсь дѣйствительно находимъ цѣлый рядъ литературныхъ текстовъ, ранѣе не изданныхъ. Таковы: *Διήγησις καὶ γέννησις καὶ ἡ ζωὴ τοῦ Ἀλεάνρου* (по рукописи Вѣнской бібліотеки), рассказъ о Таврѣ и Меніи въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія (по рукописи XIII—XIV вв.). Извлеченіе изъ греческаго житія того же святого (по рукописи синодальной бібліотеки). Извлеченіе изъ греческаго же житія Ксантиспы, Поликсены и Ревекки (по рукописи синодальной бібліотеки), Троянская притча (по рукописи Софійской бібліотеки), Повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ (по рукописи Познанской публичной бібліотеки). Изученіе этихъ текстовъ дало возможность изслѣдователю освѣтить многіе темные отдѣлы литературной исторіи нашей старой повѣсти, вліяніе которой отразилось и на народной сказкѣ. Укажу для примѣра на повѣсть о Бовѣ, которая перерабаталась въ сказку, широко распространенную на Руси. Изслѣдованія г. Веселовскаго показали, что въ старо-русской письменности извѣстны были двѣ редакціи этой повѣсти. Одна изъ этихъ редакцій сохранилась въ бѣлорусскомъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежащемъ Познанской бібліотекѣ; другая версія извѣстна по нѣсколькимъ великорусскимъ рукописямъ XVII—XVIII вв. Первая редакція не пользовалась, повидимому, большою распространенностью; вторая редакція пошла, напротивъ, «гулять по лицу русской земли», она живетъ и до сихъ поръ въ формѣ народной сказки. Общій источникъ и той и другой редакціи—сербская письменность, куда повѣсть о Бовѣ проникла изъ итальянской литературы. «Если бѣлорусско-сербскій Бова часто дословно переведенъ съ итальянскаго, извѣстнаго намъ текста, то великорусскій Бова Королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежація русской народной перелѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвоили, переделывая: на почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ» (стр. 100).

III) Изслѣдованія народныхъ повѣрій, преданій и пѣсенъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ изслѣдованій служатъ обыкновенно данныя, отыскиваемые въ русской литературѣ, но въ объясненіи этихъ данныхъ развертывается такое богатство сонаставленій, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что изслѣдователь одинаково хорошо знакомъ съ нашей народной словесностью и съ народной поэзіей другихъ славянскихъ народовъ, съ средневѣковой литературой Запада и съ византійской письменностью; ему не осталась невѣдомой даже такая малозвѣстная литература, какъ румынская.

Труды Александра Николаевича по народной словесности можно распределить на три группы.

A) Изслѣдованія памятниковъ русскаго былевого эпоса. Сюда относятся:

aa) Собраніе статей, подъ заглавіемъ: «Кіевскія былины»,— обширный трудъ, въ которомъ рассмотрѣнъ цѣлый рядъ былевыхъ пѣсенъ. Укажу для примѣра на статью объ «Иванѣ гостинномъ сынѣ». Сдѣланное здѣсь сопоставленіе пѣсенъ объ этомъ Иванѣ съ греческой повѣстью о мудромъ старцѣ и съ старо-французскимъ романомъ объ Иракліи (*Eraclès*), имѣетъ рѣшающее значеніе при опредѣленіи состава нашей былины. Указаніе г. Веселовскаго на связь этой былины съ греческой повѣстью, занесено Крумбахеромъ въ его *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, какъ опредѣлено установленный литературный фактъ (стр. 402).

bb) Статьи объ отдѣльныхъ былинахъ: «Былина о Садкѣ», «Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ», «Объ одномъ эпизоdѣ въ былинѣ о Святогорѣ» и др. Въ первой изъ этихъ статей находимъ драгоценное указаніе на

родственное нашей былини сказаніе о Садкѣ (Sadoc), занесенное въ старо-французскій романъ о Тристанѣ (Tristan le Léonais). Статья о «Подсолнечномъ царствѣ» даетъ полное разъясненіе состава этой пѣсни, приуроченной къ имени царя Ивана Васильевича. Умѣстно здѣсь же упомянуть, что преданія о царѣ Иванѣ Грозномъ служатъ предметомъ отдѣльной статьи г. Веселовскаго.

вв) «Мелкія замѣтки къ былинамъ», рядъ небольшихъ статей, помѣщаемыхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Эти мелкія замѣтки имѣютъ однако крупное значеніе. Не перечисляя всѣхъ этихъ замѣтокъ, укажу лишь такія статьи, какъ «Финскіе варианты былини объ Ильѣ Муромцѣ»; «Кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Сурожскаго»; «Былинны о Ставрѣ Годиновичѣ и пѣсни о дѣвухѣ воиѣ». Въ этихъ статьяхъ читатель найдетъ и новые литературные факты, и новыя догадки, отыскивающія просвѣтъ въ трудно доступные тайники нашего былевого эпоса.

Б) Розысканія, касающіяся народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Таковы «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды», «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Въ «Опытахъ» раскрывается литературная исторія такихъ распространенныхъ у насъ произведеній, какъ сказаніе о 12 пятницахъ, совѣ Богородицы, епископія о недѣлѣ. Изъ ряда Разысканій о духовныхъ стихахъ укажу лишь нѣкоторые, наиболѣе крупныя работы: «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ», «Румынскія, славянскія и греческія коляды», «Генварскія русалія и готскія игры въ Византіи», «Большой стихъ о Георгіи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ». Помимо цѣлаго содержанія, даже нѣкоторые отдѣлы этихъ разысканій имѣютъ самостоятельное и важное значеніе. Такъ въ статьѣ о колядахъ находимъ обширное изслѣдованіе о скоморохахъ, разъясняющее исторію старо-русскаго скоморошества въ связи съ подобными же явленіями на западѣ и въ Византіи.

В) Статьи о народныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Остановлюсь для приѣбра на двухъ статьяхъ: «Дуалистическія повѣрья о мірозданіи» и «Судьба-Доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ». Важенъ обширный фактический матеріалъ, собранный въ этихъ изслѣдованіяхъ; еще важнѣе нѣкоторые общія соображенія и замѣчанія, касающіяся самаго метода изслѣдованія народно-поэтическаго матеріала. Въ первой изъ указанныхъ работъ авторъ касается важнаго и труднѣйшаго методологическаго вопроса, — вопроса о значеніи такъ называемыхъ «общихъ основъ» и «заимствованій» въ произведеніяхъ народнаго эпоса. «Разборъ легендъ о мірозданіи, говоритъ г. Веселовскій, важенъ мнѣ не только по своимъ результатамъ, еслибы они оказались заслуживающими вниманія, но и по отношенію къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ. Объясняя сходство мифовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство либо объясняется изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно вознодятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другого. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствованіе предполагаетъ въ воспринимающемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мышленія, аналогическіе образы фантазіи. Теорія «заимствованія» вынуждаетъ, такимъ образомъ, теорію «основъ», и обратно; анализъ каждаго факта изъ области folkloge'a долженъ одинаково обращаться на ту и другую сторону вопроса, въ виду возможности, что взаимное передвиженіе мифа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ, какъ усвоющей среды, такъ и усваиваемаго матеріала. Германскіе эпические мотивы легли въ основу французскихъ Chansons de geste и снова перешли черезъ Рейнъ — поэмами феодальнаго и рыцарскаго пошиба. Вместо этой окраски я предполагаю христіанско-богомильскую въ тѣхъ легендахъ, которыя, направляясь съ сѣвера на югъ, снова обратились на сѣверъ, совершивъ одно изъ тѣхъ круговращеній, которыхъ путь трудно услѣдить, но которыя изслѣдователь всегда обязанъ имѣть въ виду, какъ возможныя» (стр. 115—116).

Теоріи общихъ основъ и заимствованій не представляются, такимъ образомъ, исключачущими одна другую; отыскивается нѣкоторая высшая точка зрѣнія съ болѣе широкимъ

кругозоромъ, примиряющая крайности одностороннихъ воззрѣній. Въ статьѣ о Долѣ изслѣдователь «пытается внести въ разнообразную смѣсь суевѣрій, выражающихъ понятіе судьбы, идею, историческаго генезиса». Эта идея генезиса даетъ новое освѣщеніе группѣ народно-поэтическихъ представленій, надъ которой работали ранѣе такіе изслѣдователи, какъ Аванасьевъ, Петобня, Краусъ.

Коснувшись методологическихъ замѣчаній нашего академика, отгнѣчу кстати еще нѣсколько его работъ, интересныхъ по такимъ именно общимъ соображеніямъ и указаніямъ: «О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки», «Сравнительная мифологія и ея методъ», критическій отчетъ о «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», вступительныя главы сочиненія «Изъ исторіи романа и повѣсти».

Присужденіемъ академику Веселовскому высшей награды, медали имени Великаго Князя Константина Николаевича Императорское Русское Географическое Общество выразить справедливую признательность къ многолѣтней плодотворной дѣятельности ученаго изслѣдователя, труды котораго давно названы «незамѣнимыми». Труды эти навсегда останутся образцами строго-критическихъ размысканій въ области народовѣдѣнія и исторіи литературы. Русская наука можетъ гордиться богатымъ вкладомъ, который внесетъ уважаемый академикомъ въ сокровищницу не только русскаго, но и обще-европейскаго знанія.

И. Н. Ждановъ.

О трудахъ Е. Ѳ. Карскаго.

Литература русской исторической діалектологіи въ 1893 г. обогатилась обширными трудомъ Е. Ѳ. Карскаго: «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Варшава, 1893 (313 стр.). Онъ содержитъ въ себѣ: 1) обильный матеріалъ, извлеченный изъ старыхъ западно-русскихъ текстовъ и 2) освѣщеніе данныхъ этихъ текстовъ данными современныхъ западно-русскихъ говоровъ. Тексты, которыми воспользовался авторъ: 1) рукописный Ветхій Заѣтъ въ западно-русскомъ переводѣ съ еврейскаго XVI вѣка Виленской Публичной Библіотеки; 2) рукописныя Аристотелевы Врата XVI вѣка той же бібліотеки; 3) два рукописныхъ сборника XVI—XVII вв. той же бібліотеки; 4) старо-печатный Литовскій Статутъ 1588 г.; 5) старо-печатное Евангеліе Тяпинскаго, второй половины XVI вѣка, и сверхъ того—по печатнымъ изданіямъ—документы разнаго рода XIII—XVI вѣковъ, Лѣтописецъ Переяславскій и др. Данные, извлеченныя, изъ текстовъ авторомъ, относятся къ области фонетики и морфологіи; сверхъ того, имъ представлены небольшіе списки словъ, показавшихся ему наиболѣе интересными. Освѣщеніе стараго матеріала современными данными сопровождается у автора указаніями на архаичность или новизну явленій и изслѣдованіями историко-лингвистическаго характера. Цѣнность выводовъ не подлежитъ сомнѣнію и теперь едва ли уже можно будетъ спорить о взаимномъ отношеніи языка старыхъ западно-русскихъ текстовъ къ современному бѣлорусскому: такъ убѣдительно доказана авторомъ тѣсная генетическая связь между ними.

Настоящій трудъ Е. Ѳ. Карскаго—не единственный его трудъ, посвященный бѣлорусскому нарѣчію. Ему принадлежитъ другой довольно большой трудъ, первый опытъ научнаго изученія современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ: «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». М., 1886 (169 стр.), основанный какъ на печатныхъ матеріалахъ, такъ и на собственныхъ наблюденіяхъ автора, природнаго бѣлорусса. Затѣмъ, имъ издано небольшое собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанное имъ самимъ въ разныхъ мѣстностяхъ Вѣлоруссіи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей мѣстныхъ говоровъ (всего 82 №№. «Русскій Филологич. Вѣстникъ» 1884 г. № 3, 1885 г. № 2 1889 г. № 2). Наконецъ, ему принадлежатъ: статья «Два памятника стараго занодно-русскаго нарѣчія: Лютеранскій Катихизисъ 1562 г. и Католическій Катихизисъ 1588 г.» (Журн. М. Нар. Пр. 1893 г. № 9), и брошюра «Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія» Библиографической очеркъ», Вильна, 1893).

Въ виду обще-признаваемой цѣнности трудовъ Е. Ѳ. Карскаго по бѣлорусскому нарѣчію, энергія и научныхъ познаній ихъ автора, имѣ кажется, Отдѣленіе Этнографіи воздало бы ему должное, еслибы присудило ему большую золотую медаль Отдѣленія.

О переводѣ П. С. Попова.

СОЧИНЕНІЯ МЭНЬ-ГУ-Ю-МУ-ЦЗИ.

Въ новѣйшей ученой литературѣ Китая особеннаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе Мэнь-чу-ю-му-цзи, т. е. «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ». Оно окончено въ 1859 г. и принадлежитъ кисти двухъ китайскихъ ученыхъ: Чжань-му и Хэ-шю-тао. Въ ихъ трудѣ собраны китайскія извѣстія о монголахъ, во всѣхъ отношеніяхъ: историческомъ, археологическомъ, этнографическомъ и статистическомъ; такимъ образомъ онъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ китайскую энциклопедію о монголахъ. Значеніе «Записокъ» увеличивается еще тѣмъ, что онѣ являются единственнымъ сочиненіемъ подобнаго рода о монголахъ, а потому должны служить настольною книгою для всѣхъ, занимающихся судьбою этого народа. Для насъ же, русскихъ, подобное сочиненіе особенно важно, всѣ наши путешественники будутъ имъ руководствоваться, поэтому выдающіеся наши синологи, — академикъ Васильевъ и покойный архимандритъ Палладій, — давно уже высказывались о необходимости перевода этого сочиненія на русскій языкъ. Въ настоящее время эта задача исполнена. Генеральный консулъ и старшій драгоманъ при нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ, Павелъ Степановичъ Поповъ, извѣстный многими трудами о Китаѣ, особенно лексическими, перевелъ «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ» на русскій языкъ и переводъ этотъ предоставилъ въ распоряженіе Отдѣленія Этнографіи. Переводчиковъ съ китайскаго у насъ немного, и мы должны имъ дорожить. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ большимъ трудомъ, какъ по объему, такъ и по исполненію. Ученое сочиненіе, какъ Мэнь-гу-ю-му-цзи, нельзя переводить механически, пользуясь лишь знаніемъ китайскаго языка, нужно еще дѣлать разныя изысканія, наводить справки, т. е. производить работу невидную для читателя, но необходимую для правильнаго пониманія текста. При этомъ у переводчика составились разныя поясненія и замѣтки, которыми онъ общается подѣлиться въ будущемъ. Для правильнаго пониманія текста переводчикъ исправилъ собственныя имена въ китайской транскрипціи по монгольскому произношенію; жаль только, что не сохранена и китайская транскрипція, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже имѣетъ значеніе.

Въ виду изложенныхъ соображеній, переводъ П. С. Попова «Записокъ о монгольскихъ кочевьяхъ» заслуживаетъ награжденія малою золотою медалью.

Н. И. Веселовскій.

Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 года. Издание Губернскаго статистическаго комитета.

Книжка эта отличается обиліемъ статей, самыхъ разнообразныхъ по содержанию. Но составители книги, заботясь о количествѣ статей, вносили въ нее иногда статьи, совсѣмъ плохія и никому не нужныя, какъ напр. статьи вятскаго вице-губернатора В. А. Ратькова-Рожнова, снабженныя правда очень звучными заглавіями въ родѣ: Несчастный по недороду хлѣба 1891 годъ и важный по введенію въ губерніи института земскихъ начальниковъ; франко-русскія симпатіи 1893 г. и небывалый восторженный пріемъ нашихъ моряковъ во Франціи.

Во 2-мъ отдѣлѣ (Географія и народное хозяйство) отмѣтимъ двѣ статьи:

1) Краткое обозрѣніе Вятской губерніи за 1816 г. Здѣсь мы видимъ продолженіе статьи, помѣщенной въ календарь 1893 г.: Юганна Фридриха Эрдмана путешествіе по Вятской губерніи лѣтомъ 1816 г. (переводъ съ нѣмецкаго).

2) Занятія женщины-крестьянки Сарапульскаго уѣзда.

Интереснѣе всего составленъ отдѣлъ 3-й, этнографическій, заключающій въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Н. П. Штейнфельдъ. Малмыжскіе таборы, ихъ бытъ и современное положеніе.

2) И. Софійскій. О начальномъ образованіи у Вотьяковъ и Татаръ Ярославской волости, Слободскаго уѣзда, Вятской губ., и о названіи «Татары».

3) Народныя пѣсни Вятской губерніи (Вятскаго, Орловскаго, Котельничскаго, Яранскаго и Нолинскаго уѣздовъ), собранныя С. Скворцовой. Собраніе это не многочисленно, но разнообразно по характеру пѣсней. Собирательница старалась сохранять особенности мѣстнаго говора.

4) Н. М. Васнецовъ. Матеріалъ для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. Продолженіе обширнаго труда недавно скончавшагося мѣстнаго дѣятеля. Здѣсь помѣщены слова на букву з. Нельзя не пожалѣть, что для работы Н. М. Васнецова нашлось въ календарѣ 1894 года только 25 страницъ. Лучше было бы такую скудость выказать по отношенію къ статьямъ г. Ратькова-Рожнова.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. Изданіе Курскаго статистическаго комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. І. Вержбицкимъ. Съ 7 видами Курска и 1 портретомъ.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: I—обычныя календарныя свѣдѣнія; II—матеріалъ для описанія Курской губерніи; III—статистическія свѣдѣнія о Курской губерніи за 1891 годъ; IV—адресъ-календарь. Скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи II отдѣла. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи:

1) А. Гусаковскій. Странички изъ исторіи Курской гимназіи. Здѣсь передъ нами очеркъ состоянія Курской гимназіи за 1835—42 гг., когда почетнымъ попечителемъ ея былъ П. А. Денисьевъ.

2) А. Танковъ. Александръ Михайловичъ Мизгеръ (1835—1891). Очеркъ жизни и дѣятельности курскаго естествоиспытателя и педагога.

3) Курское нарѣчіе. Краткій очеркъ особенностей курскаго нарѣчія съ приложеніемъ небольшого словарика мѣстныхъ характерныхъ словъ.

4) Описаніе Курскаго намѣстничества изъ древнихъ и новыхъ разныхъ о немъ свѣдѣній, вкратцѣ собранное Сергѣемъ Ларионовымъ, того намѣстничества Верхней Расправы прокуроромъ. Перепечатка книги, изданной въ Москвѣ въ 1786 году.

ОТДѢЛЪ IV.

С м ѣ с ь .

Пѣни Рязанской губерніи.

1. Ни лятай ка, сизъ галубчикъ.

Путру рана на зарѣ,
Ни садись ка, сизъ галубчикъ,
На мою красну акло,
Ни гуртуй ка, сизъ галубчикъ,
Добрѣ жалка жалобидъ,
Мнѣ и такъ тошна,
Мнѣ и такъ грустна
Жить дьявцы въ тирамѹ,
Ни пуцають атець, мать
На юлицу нагулять
Съ ребятами нанграть:
Ты н'юмѣишь, разумѣишь
Маладцу на отвѣтъ дать.
Я умѣю, разумѣю,
Сказать миламу н'отвѣтъ:
Мы пойдемъ васъ, милый мой,
На широкой на твой дворъ,
Ты вазьми касъ, милый мой,

Свой танкѡй бѣлой шатѣръ,
Сваво вѣрана коня,
И чаркасская сядло;
Мы поѣдимъ, милый мой,
Ва чисто поля гулять,
Какъ мы станимъ, милый мой,
При дарожкѣ при большой,
Мы разстелимъ, милый мой,
Свой танкѡй, бѣлой шатѣръ,
Ты лажись ка, милый мой,
Я въ галовки панцу
Русы вудри расчашу.
Стала дѣвица искать,
Сталь малодчикъ засыпать.
Какъ ачнулса, милый мой,
Нѣтъ ни дѣвки, ни каня
Нѣтъ чаркасскаго сядла.

Ляпуновка 1889—91.

1. Нисиди дѣвка долга вечеромъ.

Ты ни жги свичу воска ярава,
Ты ни шей, дѣвка, Шимахальскій
Шолекъ;
Шимахальскій шолекъ съ кораблями
шолкъ,

Дорагъ кушница,—долга носитца.
Ты ни смѣйся мнѣ, добрый молодець.
Я сама, дѣвка, ни безродная,
У меня, дѣвки, есть атець и мать,
Есть два брата большіхъ,

Двѣ сестры миньшійхъ
Я вилю тебя паймать,
Въ чистомъ поли расгирзать:
Я изъ рукъ, изъ ногъ скѣмью сдѣ-
лаю,
Я изъ тѣла твоего—пироговъ напикю,
Я изъ крови твоей—лива наварю,
Я изъ мозга твоего—вина накурю,
Я изъ галавы твоей чару вытачу,
Зазаву я гостей—всю твою радню,

Пасажаю я ихъ на лавочку,
А сама сяду на скаменчку,
Загадаю я ить три загадачки:
Па милѣмъ та я сижу,
Милымъ говорю и потчю:
Какъ большая сестра дагадалася:
Я давно табѣ братиць гаваривала:
Ни хади братиць позна вечерамъ,
Потиряешь ты сваю буйну голуу.

Дер. Чернышевка Даньковск. уѣзда,
Муравевской волости 1885 г.

2. На зарѣ была на здрюшки.

На восходы была красна солнушка,
У насъ сдѣлалася, братцы, ницастыица,
Большая, братцы, бизвримяныца.
Какъ жана-та мужа патѣрила,
Вострымъ ножичкамъ зарѣзала,
Вы халодный погрибъ бросила,
Дубавой доской прихопнула,
И правой ногой притопнула,
А сама пашла вы горинку,
Свла подъ красную падь аошичку,
Падъ хрустальную падь стивѣлицу.
Приходили къ ей два дѣвара:
Ты снаха, ли наша, нивѣстущка,
А и гдѣ жа нашъ большой братъ?

Вы любезные диверечки маи,
Вашъ большой братъ на охѣтущи,
За кунницами за лисицами,
За бѣлыми за зайцами,
Ты любезная наша нивѣстущка,
Ты скажи ка намъ, ни абманывай,
Съ чиво-жа у тебя, булатный ножъ въ
крови?

Вы любезные диверечки маи,
Я сиза голубя зарѣзала,
На нажю—та сердца вынула.
На нажу сердца стрепыхнулса,
А жана шельма ужакнулася.

Чернышевка 1885 г.

3. Раскухарочка мая,

Мая маладая,
Па садѣчку гуляла,
Съ Дону вѣску слышала:
Всѣмъ учебнымъ палкѣмъ,
Идетъ съ Дону смѣна;
А мому-та дружку
Смѣны нѣту.
Жалка; жалка мнѣ таво,

Кто бизъ смѣны служить!
Но жалчѣе мнѣ таво,
Да хто па комъ тужить,
Хто съ кѣмъ разстается:
Разставалася рыбаца съ вадѣю,
А дививенской мужичокъ
Съ маладой жанѣю.

Чернышевка 1885 г.

4. Под палю на полю.

Пташечка летала,
Думала гадѣла,
Пра все размышляла;
Какъ въ Маскву правхать,
Въ каминну прабратца,
Съ мѣлымъ повидатца,
Вѣсьи ни разстатца;—
Степью ѣхать—грязна,

Полеми ѣхать—пыльна,
Въ Маскву ѣхать стыдна:
Масква изукрашена,
Улицы въ ей мятены,
Камушкамъ кладены,
Клади выкладали
Купцы, да боѣрья.

Чернышевка 1885 г.

5. На долинушкѣ выросталъ кустъ малинушки.

На куста сидитъ младъ соловьюшкѣ
Онъ ни такъ-та сидитъ—громка свищитъ
Ва ниволюшки сидитъ добрый молодець,
Онъ ни такъ-та сидитъ—слеза плачитъ
Ужъ и кто жа мнѣя воспалѣ, васкармилъ?
Васкармилъ та мнѣя православный мѣръ,
Васпалѣ мнѣя Волга рѣчинька,
Вѣкачала мнѣя лехкая лѣтатка.

Чернышевка 1885 г.

5. Далина, далинушка.

Далина зеленая,
Раздолья широкая;
Па этой далинушки
Гулять добрай молодець,
Малодчикъ малодинькѣ
Сабою харошенькѣй,
Алексѣй сударь Ивановичъ;
Связалъ свою голову
Шляпаю пуховаю,
Лентаю шелковаю.
Увидала нво матушка
Съ тырима високава,
Съ падворья широкова.
Дите ли мая дятатка,
Дите-ли мая милая,
Что-же, мая дятатка,

Ни весила ходишь,
Ми радашна гуляишь?
Радная мая матушка,
Къ чаму-жъ быть виселому:—
Всѣ мои таварищи
Давно пажаннлись,
А я, добрай молодець,
Холастъ ни жанать хажу.
Жанѣ, мая дятатка,
Жаню, мая милая,
Вазьму, мая дятатка,
Княгиню, баыриню,
Масковску сударыню.—
Што Натальюшку
Свѣтъ Максимову.

Грам. 1885—91 г.

6. Какъ на той горѣ калина стоитъ.

Какъ на той горѣ калина стоитъ
Какъ на той калинѣ салавей сидитъ,
Онъ клюетъ, клюетъ горьку ягаду,
Горьку ягаду все калинушку,
Все калинушку, все малинушку.
Случилось ѣхать Аликсѣю здѣсь;
Онъ махнулъ плеткою шалковаю:
Наляти салавей къ малу тѣстю въ

садъ,
Ты и садъ, салавей, садъ на ябланы,у,
Ты на ябланы на кудряваю,

Ты васпой, салавей, жалку пѣснику,
Штобъ навѣста мая снаряжалася,
Снаряжалася и готовилася—
Чѣмъ паѣздъ дарить.—

Палатенцами шитыми бранными,
Шитымъ браными пиряткаными,
А тѣбя, мой другъ, шалковымъ плат-

комъ
Шалковымъ платкомъ, золатымъ
кольпомъ.

Грам. 1885—91 г.

1. Ни взлѣтывай саколикъ.

Ни взлѣтывай саколикъ
Висакимъ висока,
Ни размахивай крылами
Ширакимъ широка;
Какъ и нашей Прасковьюшки
Ей грустнымъ груснѣнка:
Прасилась Прасковья у батюшки
Въ зѣлинъ садикъ нагулять:
Ие батюшка пуцаить
Все наказываить:
Ни равно ли, Прасковьюшка,
Сбоколъ птица налетѣть,
За сокаламъ за птицею

Павиль сударь набѣжить?
Я умѣю, разумѣю,
Какъ мнѣ съ Павламъ гаварить:
При дорожкѣ при большой
Мы раскинимъ бѣлъ шатеръ,
Съ варанá ваня сиделку
На калѣнки палажу,
Я бѣлбе палатенце
На калѣнки пастялѣ:
Ляжъ ва, ляжъ ва Павиль сударь,
Я въ галовки пагляжу
Русы кудри расчашу.

Чернышевка 1885 г.

2. Лятѣли голуби чиризъ дворъ.

Лятѣли голуби чиризъ дворъ,
Вили крѣльями абъ тирѣжъ
Падали вѣсточку Прасковьюшки:
У Павла ва дворѣ стоитъ вѣранъ конь.
Падъ кавромъ падъ чиркасскимъ подъ
сидломъ.

У Павла батюшка выспрашиваить:
Куда жъ мая дититка сабралася?

Радимый мой батюшка, вы дароженьку;
Дай ты мнѣ батюшка помюгу:
Сорокъ чилавѣкъ вирьховыхъ,
Двадцать чиловѣкъ шишкавыхъ,
А семь каретухекъ цугавыхъ.
Первая карета батюшки,
Другая карета матушки,
Остальныя—всиму поѣзду.

Чернышевка.

3. Ни вилічка стаить церковна.

Ни вилічка стаить церква—
Только виліки не пазваны,
Ни вилічка Прасковьюшка,
А виліки не пазвалы:
Пахвалялася Прасковьюшка,
Шта ни взятъ жа, ни вѣсты Павлу
мня;

Я сижу та у батюшки,
У радѣмай сваей матушки,
Я и за ста замкѣми сижу,
Я за двѣсти старажами сижу,
А я Павиль вазгаваравагъ:
Я замкѣ та мичѣмъ пасабѣмъ,
За сѣбя Прасковьюшку вазьму

Чернышевка.

4. Чиризь нашъ широкій дворъ.

Чиризь нашъ широкій дворъ
Праяталъ ясемень сакѣль,
Уранилъ свае пярѣ,
Съ свае зѣлата крылѣ
Батюшка увидалъ,
Сударь рѣдний усматрѣлъ:
Прасковьюшка надыми,
Радимая собирай.
Мнѣ, батюшка, нѣкогда,
Сударь рѣдний, нядасугъ:

Падъ акопичкамъ сижу,
Ва бисѣдушку спашу,
Ва такую ва бисѣду
Жаниховъ вабирѣтъ.
Вабирѣла жаниха
Што и Павла маладца:
Павиль, любчикъ мой,
Палюбился мнѣ разумъ твой,
Палюбился наказался
Весь абычай дарагѣй.

Чернышевка.

1. Величальныя жениху и невѣстѣ.

Ужъ ты юница,
Ютка сврая;
Златокрылая,
Шатра бѣлова,
Аликсѣива.
Какъ Ликсѣй сударь
Всяй ночь ни спалъ,—
Все канѣ сидалъ
Са двара съжидалъ;
Са двара, двара
Са широкава;
На вайну спилилъ
Вайну вѣивать,
Горя гѣривать,
Дѣвакъ вабирать.
Ужъ онъ выбралъ сабѣ
Шта ни луччи всѣхъ,—
Маладѣ жану,
Свѣтъ Натальюшку
Ты Наталья душа,
Маладья жена,

Ни хади пашкомъ
Ты ко батюшки,
Къ родной матушки:
Запригу я тѣбѣ
Сани козыри
Сани козыри,
Ваводми.
На Ликсѣюшки
Кудри русны
На плечахъ лизать,
Словно жаръ гѣрѣтъ.
Нихто къ кудрюшкамъ
Ни приступица;
Приступилась къ кудрямъ
Свѣтъ Натальюшка,
Свѣтъ Натальюшка,
Маладая жана,
Брала кудрюшки
На билы руки,
На билы руки,
На златѣ кѣльца.

Деревня Гремячка Данковского у. Муравевской волости.

2. Сако́ль Сако́лавичъ.

Сако́ль Сако́лавичъ,
Мика́лай Тимафе́евичъ,
Хади́ль на сади́ку,
Гуля́ль на зяле́нану,
Иска́ль сако́душку
Нашо́ль лебе́душку,
Лябе́душку бѣлаю,
Аку́дику Васи́льви́ну.
Онъ и взыа́ль не за ручу́шку,
Онъ навѣ́ль не на сади́ку
На зяле́ну ви́награди́ку,
Онъ и ста́ль: у ней выспра́шивать,
Изъ ума́ онъ ста́ль вывѣ́дывать:
Ты скажи, скажи, Аку́динушка,

Гдѣ же ты росла, гдѣ выросла?
Ты росла ли ва тинныхъ лѣсахъ,
Ва тинныхъ лѣсахъ, въ красныхъ
внѣзяхъ?
Ты глухой, Мико́лай сударь,
Я росла та у батюшки,
У радимой своей матушки,
Ва высоко́мъ ва терѣми,
За красными за окнѣнами,
За хрустальными стѣнольцами.
Да чѣво жа ты, Аку́динушка,
Ты чаво жа пила, ѣла?
Я пила, ѣла медь—сахаръ,
Я пила атыла́сь, бархатъ.

Гремичко 1885—91.

3. Какъ у бѣрижка у камушка.

Какъ у бѣрижка у камушка,
Какъ у клячушка, у гарючушка,
Вы калодѣи калодная вада,
Вы ручѣюшки тѣкучая была,
Якавъ сударь паяль вѣрана ка́ня,
Аграфѣна воду черпала,
Пачырпнула да наставила,
Сы Якава́мъ разгаваривала,

Пра старонушку выспрашивала:
Хараша ль ва́ша старонушка,
Висала ль ва́ша деревнюшка?
Висала ва́ша деревнюшка,
Хараша ва́ша старонушка,
Какъ на ва́шой на старонушки
Все сады стаа́тъ зяленны,
Салава́н наю́тъ висельны.

Грем. 1885—91.

4. Пады ельничкамъ, ельничкамъ.

Пады ельничкамъ, ельничкамъ,
Пады частымъ барезничкамъ,
Тамъ хади́ль табу́нь ка́ней,
Шолкамъ приапу́тны,
Сирабро́мъ възгнузданный.
Свѣтъ Ната́льишка выкажи́вала,
Да таки рѣ́чки стѣваривала,
Ужъ и чѣи жа эти кони—
Шолкамъ приапу́тны,
Сирабро́мъ възгнузданы?
Эти коники Ляксѣ́вынъ.

Што Ляксѣ́я свѣтъ Ива́навича,
Ани рвутца мечутца,
Ка тѣстиву ка двару́
Ка тѣщину къ тираму́.
У тѣстива у двара,
У тѣщина тирима
Прашли три рѣчу́ньки,
Да три быстрыхъ:
Перва рѣ́чка—вотачна,
Друга рѣчу́нька—настоя́чка,
Третья рѣчу́нька—тѣкучая вода...

Грем. 1888—91 г.

1. Приляталъ сиздой галубчикъ.

Приляталъ сиздой галубчикъ
Са чистова поля;
Прядь нимъ галубушка
Стала гуртаваты:
Свѣтъ ты мой, сиздой галубчикъ,
Какъ мнѣ съ тобой быти,
Куда жъ тебя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу те, сизый голубь,
Ва сваю галубку,
Накармлю те, сизый голубь,
Ярай пашаницай,
Напаю те, сизый голубь,
Ключавой вадицей

Прихадилъ Микита сударь
Изъ нидой дивевни,
Прядь нимъ та свѣтъ Анисья
Стала гаварити:
Другъ ты мой, Микита сударь,
Куда жъ тебя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу ти Микитъ—сударь,
Ва сваю святицу,
Накармлю те, Микитъ сударь,
Всякими закуски,
Напаю те, Микитъ сударь,
Всякими наплетки.

1891 г.

2. Какъ вы поли, на цалѣпи.

Какъ вы поли, на цалѣпи,
На високанъ на кургани
Свяли свѣтъ лазорливы;
Па тѣмъ свѣтамъ Стяпанъ гуляль,
Стяпанъ гуляль, свѣты срываь,
Сарваь святокъ, завѣль вяндоь,
Тавилши вѣтъ самъ заплакаль.
Хто-жъ мой вяндоь носить будѣ,
Хто-жъ мне висаьдѣть будѣ?

Мая мамушка старешунька,
Сястричинька младешунька
Жаню, жаню мая дитятка,
Жаню, жаню мая милая,
Вазьму, вазьму хозяюшку,
Вазьму, вазьму младешуньку,
Ана жъ тебе висаьдѣть будѣ,
Ана жъ твой вѣтъ насѣть будѣ.

Ляпуновка 1889—91.

3. Какъ на садику, на садику.

Какъ на садику, на садику,
Пу садику виноградику,
Шѣ хадла, тутъ вагуликала
Маладая вотъ баярня,
Шта и Марья свѣтъ Яфимовна;
Вдоль на юлицѣ мателица матеть,
За мателицей Ягоръ сударь идеть,
За сабою варана каня видеть,
Бѣъ за павада шолковые,

За вадѣли за сребрянны,
Свѣтъ Марьяшка, собираги маво каня,
Яфимовна маво вѣронава.
Ужъ я похочу—я собирагу коня,
Я ни похочу—ни собирагу яво,—
За твою ль грубу досадушку,
Шта ни хаднишь, ни гулянишь, милъ, ва
миъ,
Ни цалунишь, ни милунишь. милъ, мне.

Ляпуновка. 1889 - 91 г.

1. Рябина, рябинушка.

Рябина, рябинушка
Зеленá заломлена,
Ва пучки повязана,
На три дорожки разбросана.
Какъ первая дороженька
Каласами укатана,
А другая дороженька
Чаботами убита,
А третья дороженька
За калинкой хажана.
Да ктожь у насъ съ калинкою,
Да ктожь у насъ съ малинкою?
Ягорь сударь съ калинкою,
Аленушка съ малинкою.
Какъ прасилася Аленушка

У сваго у друга милава:
Ужь ты другъ мой милый,
Серца мая, Ягорь сударь,
Ты пусти мене на улицу
Ты пусти-вось на широкую,
На мураву на зеленую.
Я тогда те пуцу
Когда семь сынонь родить,
А восьмую дѣчирю.
Я тогда ужъ стара буду
И пра улицу забуду:
За себе снаху пуцу,
За снохою дѣчирю,
А за дочирью сама пойду.

Орловка 1889—91.

2. Ляталь сакѳль ва вѣшаньи.

Ляталь сакѳль ва вѣшаньи
Ляталь ясень въ зеленаеть,
Пыпалъ сабѣ лябедушку,
Какъ сивѣгъ не бѣлешуньку,
Привель къ сваю ва батюшки,
Ка рѳдной сваей матушки:
Ты сударь ты мой батюшка,
Радная мая матушка,

Мила-ли вамъ нявѣстушка
Люба-ли вамъ галубушка?
Дите ли мая дитятка,
Чадѳ ты мая милая,
Была-бѣ ана табѣ мила,
Была-бѣ ана табѣ люба,
А намъ та, мая дитятка,
А намъ ана давно мила.

Орловка 1889—91.

Наброски изъ міра народной педагогики.

Когда ребенокъ будетъ смыслить, то его начинаютъ гудить: а-гу! а-гу! и причмокиваютъ губами; когда дѣтя станутъ улыбаться, его вызываютъ въ тому и мимикой и приговоромъ: улыбушки! потомъ просятъ: ручки, ручки! учать махать и разводять руками:

Сова летить,

Сова летить (скороговоркою и машутъ кистями рукъ).

Лушь пльветъ,

Лушь пльветъ (медленно и въ тактъ разводять руками).

Какъ скоро у ребенка появляется движеніе въ рукахъ, ему преподають игру Сорока, заключающуюся въ томъ, что указательнымъ пальцемъ правой руки малютки водятъ по ладони лѣвой подъ речитативъ:

Сорока, сорока ¹⁾

Кашу варила,

Гостей манила;

На порогъ поскакивала,

Гостей посматривала.

Гости на дворъ—

Каша на столъ.

Затѣмъ пальцы лѣвой руки—воображаемые гости—перебираются указательнымъ правой: «этому дала, этому дала» и т. д. Когда дѣло доходитъ до мезинца, то онъ оказывается обдѣленнымъ, такъ какъ:

Этому не досталось:

Онъ маленекъ,

Онъ коротенекъ,

По воду не ходить,

Онъ дрова не рубить.

и сорока: «шу! улѣтѣла, на головушку сѣла», поднимають обѣ руки на голову подневольнаго лицедѣя.

Къ этому же возрасту относятся игры: «Ладки», «Коза», «Тутушки».

Л а д к и. Ладонями забавляемаго слегка ударяють одна о другую, подпѣвая въ тактъ:

Ладки, ладки!

Гдѣ были?

— У бабки.

Чево пили?

— Бражку.

Чево ѣли?

— Кашку.

Кашку ѣли

Съ сѣмячкомъ,

Погнали насъ

Въничкомъ.

¹⁾ Вариантъ: Сорока бѣлобока.

Козу, или—вѣрнѣе—рога козы изображаютъ указательный палець и мези-
ницъ, а безымянный и средний придерживаютъ большій, которая (коза) будто бы:

Коза идетъ,	Кто молоко пьетъ,
Рога несетъ.	Того рогами бьетъ.

И бодають ребенка, вызывая смѣхъ ¹⁾.

Прочія забавы, когда ребенокъ начинаетъ ползать и ходить, какъ-то: катаніе на ногахъ (сидящій человекъ ставитъ къ себѣ на лапы ногъ малютку, руки его беретъ въ свои и ногами приподнимаетъ послѣдняго), горшки (ношеніе на кордош-кахъ), горѣй—совершенствуйся, практикуйся (легкое подергиваніе за волосы на вискахъ), чей носъ? (берутъ ребенка за носъ и спрашиваютъ: чей носъ? дабы получить отвѣтъ объ имени вопрошаемаго, или сознательномъ отвѣтѣ, напримѣръ—мой) не сложны и обходятся безъ пригвѣтовъ. Къ сожалѣнію, есть не мало забавъ—но простотѣ нравовъ,—грѣшнѣхъ противъ цензуры.

Даже купанье дѣтей происходитъ подѣ приговоръ: Съ гуся вода, съ N худоба.

Подростая, дѣти находятся въ постоянномъ движеніи, но не окрѣвшіе члены слабы и они то и дѣло падаютъ и ушибаются; средствомъ къ успокоенію являются заговоры и отищеніе: ушибленное мѣсто поглаживается и подувается подѣ причитаніе:

У кошки боли,	У N заживи.
У собаки боли,	

Предметъ, послужившій причиною ушиба или паденія, совѣтуютъ ребенку побить, плюнуть на него. (Сравни. при крещеніи: дунь, плюнь) ²⁾.

При дальнѣйшемъ развитіи дѣти усваиваютъ отъ дѣтей же постарше игры и цѣ-сенки, наччаще съ рѣзкими скачками съ предмета на предметъ, не относящимися одинъ къ другому и словами, не имѣющими никакого значенія. Можетъ быть, неизвѣстные, классическіе авторы ихъ имѣли здѣсь и свою цѣль—заставить поработать молодой мозгъ надъ сокровенностью неизвѣстнаго (ислѣдованіе неизвѣстнаго—въ натурѣ человека), разобраться въ таинственныхъ словахъ, смыслъ которыхъ, какъ и все въ открывающемся имъ жизненномъ пути, пока еще сокровеннѣе; словомъ, дать толчекъ къ развитію мысленія: какъ, кто, что, почему, отъ чего, что, кто что?

И вотъ, какъ бы для наглядности, что житейскій опытъ удовлетворяетъ потребности знающихъ какъ взяться за дѣло, прилагаютъ къ случаю цѣсенку.

Собралась группа дѣтей; одинъ изъ нихъ вѣсть что-нибудь, у другихъ возникаетъ аппетитъ. Кто пошустриѣ, зажмурилъ глаза, протинулъ къ адѣщему руку и проситъ:

Крива рука	Золотой глазъ;
Пить—вѣсть хочеть.	Кто не подасть—
Кто подасть—	Коровій глазъ.

Кому же охота имѣть коровій глазъ—лучше подѣлаться.

Желательно поозорничать, но такъ, чтобы не было ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ, сыглатся на невѣжливость.

Зажмурить глаза и размахиваетъ палкою, предупреждая: на слѣпного не пенять.

Оказывается, что узнать долго ли до вечера совсѣмъ не трудно. Мальчуганъ беретъ длинную хворостину, толстымъ концомъ утверждаетъ ее на указательномъ пальцѣ, ставитъ отвѣсно и, ловируц, носитъ въ такомъ положеніи ту хворостину, вопрошая:

¹⁾ «Тутушки» помѣщены въ концѣ.

²⁾ Пропущенное бажканье см. въ концѣ.

Калячнна—мялячина,
Долго ли до вечера?

Доколы не сорвется и по продолжительности эволюцій отгадываеть—долго, не долго.
Попалась бумажка, гвамотка—по деревенски и рязный уже читаеть:

Писано—переписано,
Послѣ Ивана Денисова.

Не попь писалъ—Ермошка,
Коротенька ножка.

Духъ выше матеріи, поэтому знанію на извѣстный случай слова (въ шутку, гдѣ уже видѣнъ скептикъ—кочетинное слово) придается большое значеніе въ особенноти съ ублаготвореніемъ, съ ссылкой на авторитетъ.

Заклинаніе дожда:

Дождичекъ, пуще!
Дамъ тебѣ гущи.

Если дождь не нуженъ, то поють:

А, дождичекъ, перестань!
Мы поѣдемъ въ Августаль—

Богу молиться,
Христу поклониться.

Игры даже и не дѣтскія часто кончаются ссорами, но ритическое настроеніе еще не прошло и брань происходитъ пѣсенками, выбираемыми въ критику противника. Вотъ нѣсколько такихъ произведеній.

Рыжій краснаго спросилъ:
—Чѣмъ ты бороду красилъ?
Я не краской, не замазкой—
Такъ отъ Бога зарождеиъ,
На постелю положенъ.

Тпру-нды, тпру-нды, мочала.
Куда Груня поичала?
—На лысы-то горы,
Тамъ стоятъ воры;
Воры шелудивы,
Плетутъ хомутны.
Ъхаль Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Три алтына заплатилъ.

Чеботарь, мой чеботарь,
Мнѣ саб(п)ожки работай!

Иванъ—болванъ
Молоко болталъ,
Не выболталъ.

Микулушка, Миколай!
Сиди дома, не гулай:
Твоя жена пышка,
На улицу вышла,
На камешекъ съѣла,
Три лягушки съѣла.

Но вся соль заключается въ ругань женихами и невѣстами:

Тили, тили тилишокъ,
Иванушка-женишокъ!

Тили, тили тѣсто,
Машенька невѣста.

Эгоистическія наклонности тѣмъ болѣе присущи дѣтямъ и они даже уклады-
ваясь спать превозносятъ особеннотъ своего положенія, лежащій съ краю говоритъ:

Съ краю—въ рай,

Медь колунаю,

А находящійся въ серединѣ удостовѣряетъ, что—«въ середкахъ—въ золотыхъ
пенелкахъ», или: «къ стѣнкѣ—въ золотой пенкѣ».

Вотъ нѣсколько пѣсенокъ, не имѣющихъ спеціального назначенія.

1.

Заяць, мѣсяць
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку.
Кто взялъ—не взялъ—
Тотъ будь дуракъ!

2.

Пришла Митрева суббота,
Вамъ кутейникамъ забота:
На могилахъ бабы воютъ,
Кутейники блины ловятъ;
Черезъ семьдесятъ могилъ
Разорвали одинъ блинъ.

3.

Ужь ты, Сѣма, Симиѣнъ,
Варилъ кашу съ мибиремъ.
Тетушка Арина
Кушала хвалила.

4.

Сидятъ воронъ на лугу,
Онъ играетъ во трубу.
Труба рѣденька,
Кольцо мѣдненько.
У парева кабака
Рыта яма глубока.
Тамъ мышки дрались;
Они съ рукъ сорвались.
Одна мышка околѣла,
Всеми миру надоѣла.
Бѣхалъ Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Восемь гривенъ заплатилъ.
Онъ по гробу катался,
За колъ, за землю хватался.
Жена мужа продала
Вотъ за зайца-бѣгуна,
За медвѣдя плясуна.
Медвѣдь пляшетъ безъ ума.
А татары то бѣгутъ,
Черны варилки несутъ.

5.

Тренька, тренька, балалайка!
Не моя жена Паранька,
Моя Катенька,
Распузатенька.

6.

Андрей-воробей,
Не клюй конопель,
Поклюй песку,
Почти носку...
— Чики-чики, воробей!
Что ты пива не варишь?
— Жена-курва не велить.
— Ты-бы ее тычкомъ.
— Она меня лычкомъ.
— Ты-бы ее топоромъ.
— Она меня помеломъ.

7.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый падожокъ!
Гдѣ ты зиму зимовалъ?
— У царя въ Москвѣ,
Въ золотой тоскѣ.
— Что царь дѣлать?
— Туру ногу пишеть,
На дѣвину дышетъ.
Дѣвица, дѣвица!
Сходи по водицу.
— Я волка боюся.
— Волкъ-то на работѣ,
Сова на болотѣ.

8.

Овечушка ялова,
По рѣчущкѣ плавала,
Увидала дьявола.
Сидитъ дьяволъ на леду,
Онъ играетъ во трубу.—
Я у Бога сирота,
Отворяла ворота
Ключкомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

1) «Тутушкатъ» поднимать ребенка на ладонь одной руки, придерживая за грудь другою; при чѣмъ припѣваютъ:

А ту-ту, ту-ту!
Не вари кашу круту,

Вари жиденку,
Корми Митеньку.

или:

Тутушки, Макаръ!
Со подушки упалъ,

А дѣдушка увидалъ,
Макарушку поднималъ.

2) Баюкая дѣтей, припѣваютъ:

А спи, усни,
Угомонъ тебя возми!
У kota, kota
Колыбелька золота,

А у моей Шашеньки
Лучше есть.
Приди котикъ почевать
Мои Шашеньку катать.

Запг. г. Починки, Лукьяновск. у.,
Нижегородской г.

Ис. Мамакина.

Любопытная Находка.

(Рукописный сборник Кириши Данилова, принадлежавший А. Θ. Малиновскому).

Письмо къ Редактору

М. Г. Совершенно случайно удалось мнѣ сдѣлать небезинтересную находку изъ области нашей старинной народной поэзіи. Это полный списокъ съ нымѣ утраченной рукописи древнихъ російскихъ стихотвореній Кириши Данилова. Исторія рукописи этихъ стихотвореній разсказана Калайдовичемъ въ предисловіи къ 2-му ихъ изданію 1818 года. Предисловіе это перепечатано 3-мъ изданіемъ комиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. По словамъ Калайдовича, рукопись была списана въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія для Прокофія Акинфіевича Демидова, отъ него перешла къ Н. М. Хозикову, а отъ этого къ Θ. П. Ключареву. Этотъ послѣдній поручилъ А. Θ. Яковичу издать лучшія изъ находящихся въ рукописи стихотвореній. Изъ 71 стихотворенія было напечатано въ этомъ первомъ изданіи (1804 года) только 27. Въ 1816 году рукопись перешла въ собственность гр. Н. П. Румянцову, который приказалъ Калайдовичу издать её цѣлкомъ. Изданіе это было исполнено въ 1818 году. Калайдовичъ говоритъ, что онъ исключилъ слѣдующіе 9 стихотвореній (ст. XVI предисловія), какъ непріятныя.

1. Сергій хорошъ	въ подленикъ послѣ №	6
2. Агаонущка	»	№ 25
3. Во зеленомъ садочкѣ	»	№ 52
4. Охъ горюна! охъ горю хвѣлина!	»	№ 56
5. Теща ты теща моя	»	№ 57
6. Свиньи хрю, поросята хрю	»	} № 59
7. Стать почитать, стать мазывать	»	
6. Изъ монастыря Боголюбова, старецъ Игришице	»	№ 43
8. Голубиная книга сорока пядей	»	№ 55.

Кромѣ того Калайдовичъ говоритъ (II стр. предисловія), что рукопись оканчивается началомъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Начало это не внесено въ текстъ, а находится въ примѣчаніи къ указанному мѣсту предисловія. Редакція 3-го изданія въ своемъ предисловіи говоритъ, что изданіе перепечатано съ 2-го изданія, и что хотя Калайдовичъ и говоритъ, что рукопись сборника была собственностью гр. Н. П. Румянцова, но въ реестрѣ рукописей его, поступившихъ въ Румянцовскій Музеумъ, она не значится.

Куда могла дѣваться эта рукопись? Я имѣю основанія предполагать, что найденная мною въ библиотекѣ кн. М. Р. Долгорукова рукопись едва ли не этотъ самый пропавшій подлинникъ.

Однимъ изъ главныхъ согрудниковъ гр. Н. П. Румянцова по разысканію и изданію памятниковъ нашей старины былъ А. Θ. Малиновскій, членъ Россійской Академіи и съ 1814 года редакторъ «Собранія грамотъ и договоровъ». Упомянутый выше кн. М. Р. Долгоруковъ приходится роднымъ внукомъ (по матери) Малиновскаго и въ его библиотеку поступила большая часть библиотеки и архива Малиновскаго. Часть этого Архива была передана еще матерью кн. Долгорукова (урожденной Малиновской) въ Румянцовскій музей. Затѣмъ, если не ошибаюсь, были напечатаны письма Е. Р. Дашковой къ Малиновскому. Очень вѣроятно, что рукопись стихотвореній Кириши Данилова была взята Малиновскимъ изъ библиотеки Румянцова и затѣмъ у него и оста-

лась. На одной изъ послѣднихъ страницъ рукописи хорошо теперь нѣ знакомымъ характернымъ почеркомъ Малиновскаго написано. «Получена отъ Калайдовича въ 1818 году». Вышній видъ рукописи вполне отвѣчаетъ тому описанію ея, которое дано въ предисловіи Калайдовича. Оканчивается она также началомъ стихотворенія о Стенькѣ Разинѣ, причѣмъ стихотвореніе это помѣщено на оборотной сторонѣ послѣдняго листа. Если бы это была только точная копія съ рукописи, списанная для Малиновскаго, то по всей вѣроятности послѣдній стихъ недоконченнаго обрывка пришелся бы гдѣ нибудь въ серединѣ страницы.

Есть и еще одно обстоятельство, указывающее на то, что 2-е изданіе стихотвореній сдѣлано именно съ этой рукописи. На поляхъ противъ каждаго изъ нихъ стихотвореній, которыя исключены въ изданіи Калайдовича, неизвѣстнымъ нѣ почеркомъ, карандашомъ написано «исключить».

Содержаніе пропущенныхъ пѣсень представляется нѣ въ высшей степени цѣннымъ съ точки зрѣнія исторіи нашей народной поэзіи. Калайдовичъ говорить по поводу этихъ стихотвореній, что Кириша Даниловъ «цѣлыя семь пѣсень пустилъ по тому пути, на коемъ въ послѣдствіи прославился Барковъ». Замѣчаніе это вѣрно по отношенію къ большинству этихъ стихотвореній; они дѣйствительно переполнены цензурными словами и выраженіями. Нѣ кажется самое это обстоятельство доказываетъ, что такъ называемая кабацкая не цензурная пѣсня, часто именуемая теперь фабричной, вовсе не представляетъ новаго явленія въ нашей народной поэзіи. Пѣсни такого рода несомнѣнно существовали и прежде и можетъ быть даже очень давно, но только они, какъ плахія, забыты и исчезли, а переросли ихъ лучшія пѣсни, нѣбующія болѣе поэтическихъ достоинствъ. Для удовлетворенія же болѣе неизменныхъ проявленій народнаго вкуса, сочинялись и сочиняются новыя пѣсни, носящія уже современный колоритъ, но отлпчающіяся тѣмъ же неприличіемъ языка и содержанія. Можетъ быть истинно поэтическія, лучшія пѣсни, дошедшія до насъ отъ нашей старины, встрѣчались и прежде такъ же рѣдко, какъ и теперь, и тоули въ массѣ пѣсень другаго ничтожнаго содержанія и неприличной формы. При такомъ предположеніи понятнымъ становится и то ожесточенное гоненіе на пѣсни, пѣвцовъ и скomorоховъ, которымъ такъ отличались наши духовные писатели стараго времени. Нѣ удалось пока только бѣгло просмотрѣть эти пропущенныя у Калайдовича пѣсни.

Тамъ есть двѣ интересныя пародіи. Одна на извѣстное и очень распространенное начало быльи: «Высота ли высота ли поднебесная, глубина ли глубина ли океанъ моря» и т. д. Въ рукописи одно стихотвореніе начинается такъ: «Высота ли высота ли потолочная, глубина ли глубина ли подполочная, широта ли широта ли въ лоханкѣ воды», и т. д. (передаю это начало по памяти). Другая пародія вѣрнѣе шутовское и неприличное описаніе обѣдни. Вообще самыя неприличныя выраженія и поступки приписываются въ этихъ пѣсняхъ духовенству, попамъ, дьяконамъ и дьячкамъ.

Почти всѣ пропущенныя пѣсни принадлежатъ къ очень мало намъ извѣстному роду старинныхъ шутовскихъ пѣсень, которыя играли когда то такую большую роль въ развлеченияхъ нашихъ предковъ, но изъ которыхъ до насъ дошло очень и очень мало.

Н. Чеховъ.

¹⁾ Это письмо было доложено въ октябрскомъ засѣданіи Отдѣленія. Определено благодарить г. Чехова за интересное сообщеніе и просить, о доставленіи на время, если возможно, Отдѣленію этой рукописи, которой затѣмъ по нѣбной нѣкоторыхъ членовъ и редакціи всего бы лучше было храниться въ И. Публ. Б-кѣ. Ред.